

Игорь Северянин

К В А Д Р А Т   К В А Д Р А Т О В

Никогда ни о чем не хочу говорить...
О поверь! – я устал, я совсем изнемог...
Был года палачом – палачу не парить...
Точно зверь, заплутал меж поэм и тревог...

Ни о чем никогда говорить не хочу...
Я устал... О, поверь! изнемог я совсем...
Палачом был года – не парить палачу...
Заплутал, точно зверь, меж тревог и поэм...

Не хочу говорить никогда ни о чем...
Я совсем изнемог... О, поверь! я устал...
Палачу не парить!.. был года палачом...
Меж поэм и тревог, точно зверь, заплутал...

Говорить не хочу ни о чем никогда!..
Изнемог я совсем, я устал, о, поверь!..
Не парить палачу!.. палачом был года!..
Меж тревог и поэм заплутал точно зверь!..

* * *

Сочинить нипочём в цвете лет мне «квадрат»...

Получил я тогда тысяч пять, без потерь...
Заменить калачом винегрет был я рад...
Полон сил, как всегда, я опять и теперь...

Нипочём сочинить мне «квадрат» в цвете лет...
Я тогда получил, без потерь, тысяч пять...
Калачом заменить был я рад винегрет...
Как всегда, полон сил и теперь я опять...

В цвете лет мне «квадрат» нипочём сочинить...
Без потерь, тысяч пять я тогда получил...
Винегрет был я рад калачом заменить...
И опять я теперь, как всегда, полон сил...

Мне «квадрат» в цвете лет сочинить нипочём!..
Тысяч пять, без потерь, получил я тогда!..
Был я рад винегрет заменить калачом!..
И теперь я опять полон сил, как всегда!..

18.09.2003 г.

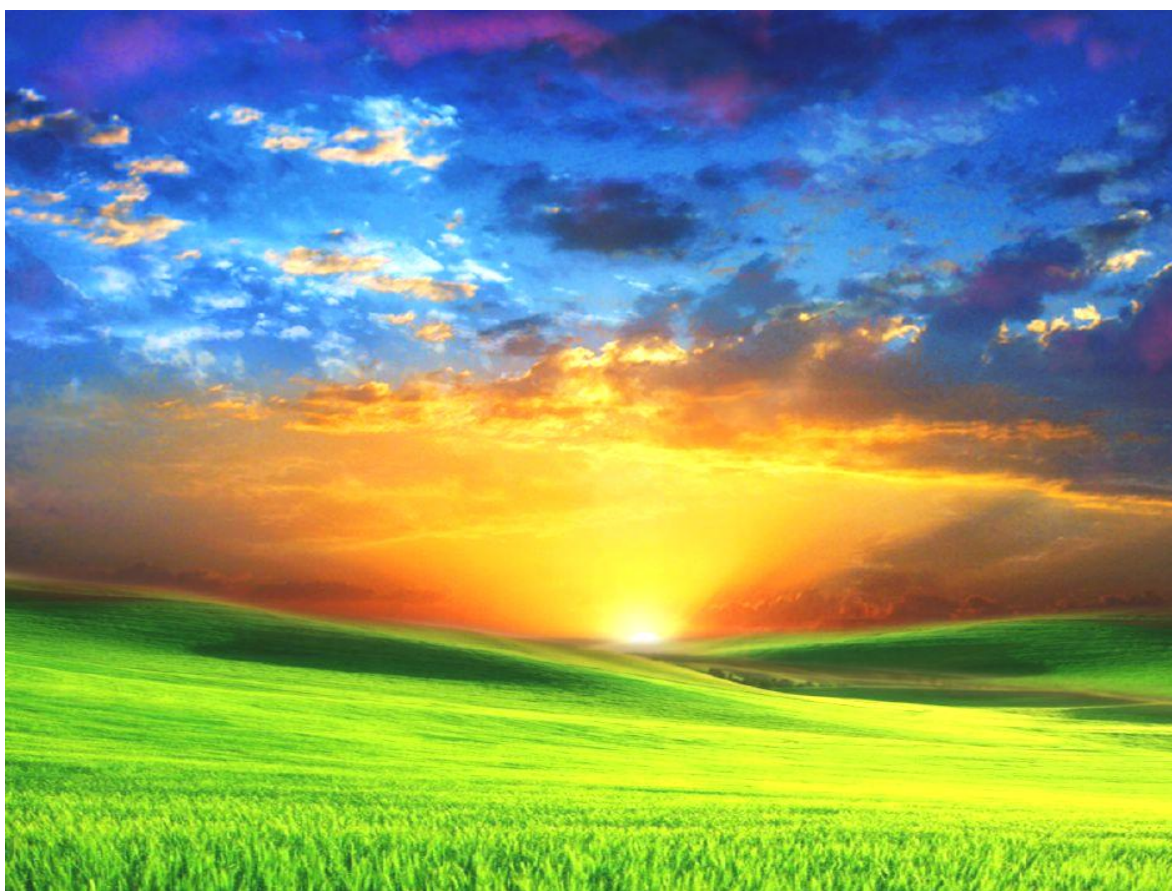

Марина Безнадежных

РАДУГА

На полях, пропитанных озоном,
Низко гнется вымокшая рожь.
Где-то далеко, за горизонтом,
Все еще идет холодный дождь.

Я иду по полевой дорожке
И смотрю до чертиков в глазах –
Радуга испуганною кошкой
Спину выгибает в небесах.

РАДУГА СКВОЗЬ СЛЁЗЫ

По полям , пропитанным навозом

Шёл и я, когда был молодым,
А состав, влекомый паровозом,
Рядом шёл, пуская чёрный дым.

Не питая на озон надежды,
Шёл я полем сумрачный и злой –
Рожа в угле, в саже вся одежда,
А глаза засыпаны золой.

Вдруг сверкнула радуга, как кошка,
Я воспрянул духом, было, но,
Пригляделся ближе – стало тошно:
Нефтяное в лужице пятно...

Я иду с ворованной картошкой, –
Полведёрка, больше я не смог:
Мне глаза испуганною кошкой
Расцарапал паровозный смог.

01.03.2003 г.

А.К. Толстой

* * *

Дробится , и плещет, и брызжет волна
Мне в очи соленою влагой;
Недвижно на камне сию я – полна
Душа безотчетной отвагой.

Валы за валами, прибой и отбой,
И пена их гребни покрыла;
О море, кого же мне вызвать на бой,
Изведать воскресшие силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
От грома и плеска проснулась душа,
Сродни ей шумящее море!

< 1858 >

* * *

Не пенится море, не плещет волна,
Деревья листьями не двинут,
На глади прозрачной царит тишина,
Как в зеркале мир опрокинут.

Сию я на камне, висят облака
Недвижные в синем просторе;
Душа безмятежна, душа глубока,
Сродни ей спокойное море.

< 1858 >

* * *

Граф, что же сродни Вашей доброй душе –
Спокойное море, иль бури?
Что ближе душе: пасторали Буше,
Иль пляски разгневанных фурий?

Граф, можно сказать, коль мы с Вами одни:
Должна же быть альтернатива,
А если и то, и другое сродни –
Двудушным быть так некрасиво!

Граф, надо бы выбрать Вам что-то одно,
Чтоб быть непохожим на флюгер,
Иначе душа тихо ляжет на дно,
Как бурей потопленный люггер.

06.03.2003 г.

А.К.Толстой

ЧУЖОЕ ГОРЕ

В лесную чащу богатырь при луне
Въезжает в блестящем уборе;
Он в остром шеломе, в кольчатой броне
И свистнул беспечно, бочась на коне:
«Какое мне дается горе!»

И едет он рысью, гремя и звеня,
Стучат лишь о корни копыты;
Вдруг с дуба к нему кто-то прыг на коня!
«Эй, кто за плечами там сел у меня?
Со мной, берегись, не шути ты!»

И щупает он у себя за спиной,
И шарит с досадой во взоре;
Но внемлет ответ: «Я тебе не чужой,
Ты, чай, об усобице слышал княжой,
Везешь Ярослава ты горе!»

.....

< 1866 >

ЧУЖОЕ ГОРЁ

В лесную чащу, в золотом сентябре

Въезжает богатырь на коне,
При луне и в кольчатой броне,
В блестящем въехал уборе
И сказал: «Какое горё!»

Он рысью едет, копытами гремя
И звеня стремянами сбриуи,
Горё поминаючи всеу.
С дуба к нему в это время
Прыгнул кто-то – и на стремя.

За спиной щупает богатырь себя:
«Берегись, со мною не шути,
и с тобою нам не по пути!»
и ответ внемлет: «Не чужой тебе я –
Везёшь ты горё Ярослава-князя...»

Ну и так далее, как писать нельзя!..

06.03.2003 г.

А.К.Толстой

* * *

Милый друг, тебе не спится,
Душен комнат жар,
Неотвязчивый кружится
Над тобой комар.

Подойди сюда, к окошку,
Всё кругом молчит,
За оградою дорожку
Месяц серебрит.

Не скрипят в сенях ступени,
И в саду темно,
Чуть заметно в полутени
Дальнее гумно.

Встань, приют тебя со мною
Там спокойный ждёт;
Сторож там, звеня доскою,
Мимо не пройдет.

1840-е годы

Л.Н.Толстой в декабре 1876 так писал А.А.Фету об этом стихотворении:
«Толстой ужасен... Например, картина ночи: «Не скрипят в сенях ступени». Отчего же не сказано, что не хрюкают в хлеве свиньи? И всё в таком роде» (Полн. собр. Соч., т.62, М., 1953, стр.295).

* * *

Посвящается Л.Н.Толстому

Милый друг, тебе не спится,
Запотел твой лоб,
Муха над тобой кружится,
И кусает клоп.

Подойди сюда, к окошку.
Видишь тёмный воз?
Там под ним рожает кошка,
И лежит навоз.

Скрипнули в хлеву ступени,
Хрюкнула свинья.
В сад тебя из полутени
Приглашаю я.

Сторож там тебя со мною
За кустами ждёт.
Шендарахнет нас доскою,
Мимо не пройдёт.

Этот изверг с сентября сам
Трёх уже убил.
Будет целый месяц с мясом
Старый некрофил.

07.03.2003 г.

Максимилиан Волошин

* * *

Томимый снами я дремал,
Не чуя близкой непогоды;
Но грянул гром, и ветер упал,
И свет померк, и вздулись воды.

И кто-то для моих шагов
Провел невидимые тропы
По стогнам буйных городов
Объятой пламенем Европы.

Уже в петлях скрипела дверь
И в стены бил прибой с разбега,
И я, как запоздалый зверь,
Вошел последним внутрь ковчега

Август 1914
Дорнах

* * *

Томимый снами, я дремал,
А тут как раз потоп случился,
Но, к счастью, был ковчег не мал,
И Ной немного потеснился.

В ковчеге было много нас;
Иные парус напрягали,
Но никого никто не пас,
И только голубей пускали...

Ещё земли печален вид,
Но наш ковчег пристал у берега,
И я, как самый поздний вид,
Последним вышел из ковчег.

Погиб и кормщик, и пловец,
И даже Ной, как ни старался,
Лишь я, таинственный певец
В пустынных берегах остался.

В Европе я по стогнам жил,
Испытывая скорбь и муку,
И кто-то камень положил
В мою протянутую руку.

Во глубине сибирских руд,
Гонимый вешними лучами,
Я стал писать свой скорбный труд
Глухими тёмными ночами.

Уже в полях белеет снег,
А время в стены бьёт с разбега, –
Глаголом хочет сжечь ковчег
И занести холодным снегом.

29.03.2003 г.

Марина Безнадежных

* * *

Как затих сверчок в подъезде –
Сразу мама стала строже,
Сразу снег на землю выпал,
Сразу день короче стал...

Говорят, зима настала...
И зима настала тоже –
Но она настала все же,
Лишь сверчок сверчать устал!..

ГИМН БЕЗНАДЕЖНЫХ

Как Союз наш развалился –
Сразу жизнь стала строже,
Сразу люди подурнели,
Сразу лёг на душу груз...

Говорят, хана настала...
И хана настала тоже –
Но она настала всё же,
Лишь распался наш Союз!..

29.03.2003 г.

Осип Мандельштам

* * *

В огромном омуте прозрачно и темно,
И темное окно белеет.
А сердце, отчего так медленно оно
И так упорно тяжелеет?

То всю тяжестью оно идет ко дну,
Соскучившись по милом иле,
То, как соломинка, минуя глубину,
Наверх всплывает без усилий.

С притворной нежностью у изголовья стой
И сам себя всю жизнь баюкай,
Как небылицу, своей томись тоской
И ласков будь с надменной скукой.

1910

ПРОФИЛАКТИКА СТЕНОКАРДИИ

Любой читатель страстно пожалеет
Писателя, поэта, или барда,
Чьё сердце так упорно тяжелеет, –
Ведь это ожиренье миокарда!

Попробуй бег трусцой и терренкуры,
Солёного и острого – поменьше,
Устраивай пореже перекуры,
И выпивки в кругу любимых женщин.

Стоять с притворной нежностью не стоит
У изголовья дружащих со скукой,
Питайся реже жирной колбасою
И поглубже будь с надменной сукой.

29.04.2003 г.

А. Дельвиг

РОМАНС

Только узнал я тебя –
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою –
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала «люблю» -
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, –
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

1823

РОМАН – С

Только узнал я тебя –
И с трепетом сладким впервые
Ты сжала рукой мою выю.
Позже я понял : любя.

Сердце забилося моё –
Так я от любви задыхался,
И тут же тебе в ней признался.
Позже я понял: враньё.

Ты мне сказала: «Мой друг!»
И чистая радость слетела
С души моей прямо на тело.
Позже я понял: каюк.

Надо идти под венец.
В душе моей мрачной уныло,
И шея болезненно ныла.
Позже я понял: конец.

Вот ведь случается как –
Нет слов, чтобы выразить муки,
Но нету и сил для разлуки.
Позже я понял: дурак.

15.05.2003 г.

Алла Коркина

* * *

Я хочу не выделиться – слиться
с грозовой душой родных небес,
утренним нарядным синим ситцем,
с лесом гордым – чудом из чудес.
Может быть, рябина заревая –
это сердце алое мое
и горит, никак не отгорая,
освещая стылое жнивье.

* * *

Мне б хотелось, словно в русской сказке,
Пеньем жаворонка в синем небе стать,
Чтоб свои голосовые связки
Стылому жнивью сполна отдать.

Я хочу стать белым от мороза,
И покрыть луга и берега.
Может, эта белая берёза –
Не полено, а моя нога?

Пусть горят, никак не отгорая,
Как лучина, пальцы на ноге,
Комель-голень ярко освещая,
Свечкой в именинном пироге.

Может быть и заливное с хреном –
Это из моих, простите, ног?
И лежит на блюде с лёгким креном
С аллой коркиной и мой румяный бок?

04.05.2002 г.

Борис Пастернак

* * *

Любить иных тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен.

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь.
Все это – небольшая хитрость.

* * *

Любить иных тяжёлый крест?

Мне эта гнома неизвестна –
Из тысяч редкостных невест
Прекрасней всех моя невеста.

Сказал я ей: «Ты мне близка,
Любить тебя – удел высокий.
И не прозрела ты пока,
Что «близкий» – значит «недалёкий».

Я прелести твоей секрет
Постиг под шорох слов и песен:
В тебе ни капли смысла нет,
Твой смысл, как воздух, бестелесен.

И, как сказал один поэт,
Который был любвеобилен,
Да, «ты прекрасна, спору нет»,
Но только жаль, что без извилин...»

05.05.2002 г.

Василий Казин

О Ж И Д А Н И Е

Я ждала тебя, любимый,
Все глаза влила в окно.
Ой, и длинен, длинен день неугасимый,
Огневое, золотое волокно!
Издали клубился, вился дым из труб.
Мнилось – не ко мне ли торопился
Твой волнистый темный чуб?
И томленью, нетерпенью слуха
Было слышно, как у двери,
Вся напряжена,
Глухо
Переминалась тишина.
И тянулась нудная обуза.
Вдруг – и синевы края...
Ближе... блуза... чья-то блуза...
Синяя... Твоя! Твоя!
Дверь шушукнула, – и как во сне я
Сладко затуманилась в сиянье дня.
Подошёл... прильнул и ну, синяя,
Обнимать и обнимать меня...
Обнимал ты... И со страстью жадной
Я взглянула на тебя, и – ах!
Ах, и как я обозналась, ненаглядный,
Это вечер обнимал меня впотьмах!

ДОЖДАЛАСЬ

Я ждала тебя, любимый –

Все глаза влила в окно.
Длинен день неугасимый,
Но без глаз весьма темно.

Наконец-то слышу, милый,
Ноги трёшь о половики.
Дверь внезапно отворила
И тебе на шею – прыг!

Ты прильнул ко мне так жарко –
Жарче не было и нет.
Обнимаешь пылко... Жалко:
Я пощупала – сосед!

05.05.2002 г.

Александр Твердохлеб

ПОДСНЕЖНИК

В потресканном горшке старушечьих ладоней,
Чью глину обжигал мороз и суховей,
В чьих темных письменах загадки долгой доли,
Прекраснее легенд, латыни тяжелей.

В потресканном горшке, что был кувшином прежде
И вазой дорогой на свадебном столе,
Синеет светлячок единственной надежды –
Еще одну весну остаться на земле.

С В Е Т Л Я Ч О К

В кривых моих руках, синюшных от мороза,
И в струпьях цыпок, и набухших вен,
Что стали трескаться от авитаминоза,
Страшней, чем тлен, или японский плен.

В кривых моих руках, что белы были прежде,
Как мрамор, или, может быть, как мел,
Потресканный горшок, в котором без надежды
Подснежник так галантно розовел.

08.05.2002 г.

Глеб Горбовский

С Л О В О

Как будто муха в янтаре
нетленно слово,
исторгнутое на заре
пути людского.

Скульптура мысли! На ветрах
событий встречных
не обратилось слово в прах,
шагнуло в вечность.

Германцев, русичей, монгол,
всех душ скопленье
хранит не пуля, но – глагол! –
от истребления.

Иной народ возник и сник,
как непогода,
но бродит по миру язык
того народа.

Стучится посохом сухим
в страну-обитель,
но притворяется глухим
дней новых житель.

С Л О В А

Как в янтаре прилипший мух,
Слова нетленны,
Пока не обратились в пух
И хлопья пены.

Как много на Руси глагол,
Союз, наречий –
Всего их десять знал монгол,
Все части речи.

Один поэт монгол пугать
Стал без рефлексий:
Он перестал употреблять
Противных флексий.

И прошептал: «Наверно, псих...»
Монгол монгольше.
А ты, поэт, хороших стих
Пиши побольше!

Скульптуру мысли не ваяй
Путём резекций,
А исправляй «шаляй-валяй»
Путём коррекций.

15.05.2002 г.

Леонид Губанов

* * *

На четвертом этаже у молвы
две гвоздики, словно алые девочки...
А в бинокль все глядят топоры
и идут мои стихи по стеночке!

На четвертом этаже спит жена,
сны танцуют по лицу ее белому.
На том свете тишина, тишина,
лишь покачивает шхуну у берега!..

На четвертом этаже кобели
И коты уже ступеньки украсили.
Стены жёлтые – бели, не бели –
На полметра все расписаны Васями.

На четвертом этаже спит жена,
В бигуди уже и кремом намазана.
На девятом своим храпом слышна –
Скоро будет в Интернете показана.

На четвертом этаже эта же
Этажерка и лежак, как на пляжике,
И мужик уже совсем неглиже,
И фужер и бланманже на трельяжике.

17.01.2002 г.

Александр Солодовников

* * *

Вижу ризы Богородицы
В озареньи дня нездешнего,
Мне, нечистому, доводится
Подышать от вечно-вешнего.

В сладком ветре лоб и волосы,
И глаза блестят, омытые,
Где-то плещут звуки Голоса,
Тайные и позабытые.

Дух мой жадно пьет от вечности,
Тает тело невесомое.
Впредь не буду жить в беспечности,
Обращу ТУДА лицо мое.

* * *

Подышал от вечно-вешнего –
Меж рогами шерсть шевелится.
Этим запахом нездешнего
Кое-кто со мною делится.

Впредь не буду жить в беспечности, –
Нюхать «Бленд-А-мед» с «Рексоною».
Ведь мои, пардон, конечности
Пахнут собственной персоною.

Пахнет серой шерсть мохнатая,
Ключьями вися невытытыми.
Вижу ярого фаната я,
Жупел шевеля копытами.

Любим мы варить до мягкости,
Иль поджаривать виновников.
Мне, нечистому, напакостил
Александр Солодовников.

02.02.2002 г.

Елена Исаева

* * *

«Эта встреча случайна...»

Мне пластинка твердит в назиданье.
Я лежу на тахте, отвернувшись к стене.
И во мне происходит страданье.

Хоть до смерти ты музыкой душу триви,
Здесь никто не подскажет решенья.
Да поможет нам Бог дострадать до любви
И доплакаться до утешенья...

* * *

У меня иногда, отвернувшись к стене,
На тахте наступает лежанье.
А на левом боку, что резонно вполне,
И во мне происходит страданье.

По причине травления нежной души
В дискотеке тяжёлым хард-роком,
У меня и случилось лежанье в тиши
И смотренье в пространстве оком.

Боже правый, создай вспоможенье тому,
Чтоб возникла подсказка решенья,
Как бы мне самому, и притом одному,
Дорыдаться до слов утешенья.

Происходит желанье того, чтобы вновь
Назидательно, строго, печально
Диск-жокей произвёл говорение слов:
– Для души: «Эта встреча случайна...»

03.02.2002 г.

Елена Исаева

* * *

В старых ящиках стола мысли
Запылились и пришли в небрежность.
Я люблю читать твои письма,
Потому что в них звучит нежность.

И шуршат страницы, как листья.
Останавливается полночь.
Я люблю читать твои письма,
Потому что в них слышна горечь.

Словно по снегу хвостом лисьим,
Снова сердце теплотой ранить.
В ненаписанных твоих письмах
Всё еще живет моя память.

* * *

Я недавно заглянул в ящик.

Там валяются твои письма.
Надо было мне писать чаще,
Хоть и так уже послал тыщи.

Ты ответила на треть с гаком.
Для кого-нибудь и треть – мало.
Ты писала бы мне фиг с маком,
Если б знала, что со мной стало.

Я сегодня до зари встану,
От конвертов отлеплю марки,
Их на рынке продавать стану,
А на выручку куплю «Старки».

Строчки адреса идут ровно,
Словно по снегу хвостом лисьим.
За границую теперь Ровно.
Надо б как-нибудь прочесть письма.

03.02.2002 г.

Андрей Мурай

ЛЮТИКИ - ЦВЕТОЧКИ

Я носил на свидание ландыши
(За полтинник – большой букет)
Юрий Поляков

В соответствии с личными планами

Я цветами её покорял.
Поначалу пытался тюльпанами
(На базаре пятёрку отдал).
После этого пышными астрами
(Тут и вовсе в червонец влетел).
Но остались попытки напрасными –
Не случилось того, что хотел.
Взял тогда я пяточек пионов
(Удалось сторговать по рублю),
Приосанился, отдал с поклоном
И, вдобавок, сказал, что люблю.
Но она (для меня дорогая)
Перестала встречаться со мной.
В потолок я смотрел не мигая –
Понапрасну пропал четвертной.

ПЯТЁРОЧКИ – ЗАНАЧКИ

Я со школы силён в арифметике –

Это вам не французский язык:

Не шерше я ля фам, и к косметике,

Виноват, до сих пор не привык.

А тюльпаны, пионы и астры я,

Хоть купить их мне не по плечу, –

Я миллионов, увы, не грабастаю, –

Но от лютиков я отличу.

Я сложил все затраты Мураевы.

Получилось лишь двадцать рублей.

И послали его, дорогая, вы

Поделом – ненадёжен Андрей.

Ведь Андрюша, мечтая о бутике,

Называл вас своей дорогой,

А пятёрку, потратив на лютики,

Подарил накануне другой.

04.02.2002 г.

Анатолий Жигулин

НАСТРОЕНИЕ

Обложили , как волка флажками,
И загнали в холодный овраг.
И зари желтоватое пламя
Отразилось на черных стволах.

Я, конечно, совсем не беспечен.
Жалко жизни и песни в былом.
Но удел мой прекрасен и вечен –
Всё равно я пойду напролом.

Вон и егерь застыл в карауле.
Вот и горечь последних минут.
Что мне пули? Обычные пули.
Эти пули меня не убьют.

* * *

Я стою , Анатолий Жигулин.

Предо мной бритолобый жиган.
Что мне пули? Обычные пули.
На меня ему нужен жакан.

Но взглянул я на мушку на кольте
И увидел дорожку в Тартар.
– Что вам нужно? Ах, денег? Извольте! –
И я отдал ему гонорар.

– Это всё? – Он весьма удивился
И зачем-то в карман свой полез, –
На, Толян! Чтоб сегодня напился!
Нет? Тогда хоть купи «мерседес»!

18.03.2002 г.

Яков Козловский

* * *

Ведь мы его того-с...
Навозом...

Есенин

Запах речки под горою,
Осмолившихся стволов,
Запах летнею порою
Свежевымытых полов.

Запах конского навоза.
Запах отчего жилья,
Принесённого с мороза,
Запах звонкого белья.

Запах меда и полыни,
Запах сена на лугу
Мне всё чаще снится ныне
На асфальтовом кругу.

Запах мяты и ромашки,
И полыни по росе,
Запах Бобика какашки,
Запах Бобика per se.

Запах птичьего помёта
И лежалого сенца,
Перегноя, перемёта,
И онучи у крыльца.

Запах мышек и мормышек,
Запах кирзовых сапог,
Запах пота и подмышек,
И давно не мытых ног.

Запах просто туалета,
Запах сбруи и вожжей,
И того же туалета,
Если бросить внутрь дрожжей.

Запах конского навоза,
Осмолённого бревна,
Принесённого с мороза,
И коровьего говна.

Запах борова Бориски,
Запах воблы и леща,
Запах пива и сосиски,
И столовского борща.

Запах, как от кобылицы,
Запах, словно от коня...

Просто я забыл помыться –
Это запах от меня!

28.03.2002 г.

Александр Говоров

* * *

Ночь. И туман. И кони.

Белые, как во сне.
Я подставлял ладони –
В ладони дышали мне.

Воздух клубился теплый,
Взвенивал костерок.
И среди них был мокрый,
Снежный стригунок.

Луг выплывал, расплывался.
Веял снами урман.
Волнами волновался,
Вольно волнуясь, туман.

Я подставлял ладони
Коням и тишине.
Ночь. И туман. И кони,
Белые, как во сне.

Ночь. И туман. И кони.

Взвняивала ураса.
Тонкий, как шрифт бодони,
Сонный урман поднялся.

Турма коней шныряла.
Взванивала урема.
В фурмах печных Урала
Рало сходило с ума.

Лук с чесноком расплылся.
Взвинивала ураза.
Луг колпаком накрылся –
Грозно грозила гроза.

Ночь. Тишина. И пони
Взвонивали в тишине.
Я подставлял ладони –
Шлёп! – что-то на руку мне...

28.03.2002 г.

Сергей Смирнов

РАЗДУМЬЕ В СЛУХ

Поэт иметь обязан почерк.

Иметь
        особинку строки,
Где хмель и дух весенних почек
Бушуют, стуже вопреки.

Поэт отграничивает слово,
Где время светится до дна,
Где не смолкает гул былого
И даль грядущего видна.

Поэт – пророчество
                                и веха,
И ширь, по самый окоём,
Он – луч,
        он – зов
                                и стержень века
В духовном облике своём.

Поэт – общенье с целым светом,
Сегодня больше, чем вчера.
А кто не думает об этом,
Тому
        задуматься пора.

РАЗДУМЬЯ ПРО СЕБЯ

Поэт иметь обязан почерк.

Иметь
    особинку строки,
У пародиста в этом – прочерк:
Оригинальность не с руки.

Поэт отграничивает слово,
Где время светится до дна,
А пародист – на всём готовом –
Тут имитация одна.

Поэт – пророчество
    и вежа,
И ширь, по самый окоём,
А пародист – одна помеха
В убогом творчестве своём.

Поэт – общенье с целым светом,
Сегодня больше, чем вчера.
У пародиста – лишь с поэтом
Общенье – экая мура!

29.03.2002 г.

Владимир Соколов

О С Н Е Г Е

Доре Боневой,
болгарской художнице

«**Ещё** в полях белеет снег» –
Заметил гениальный Тютчев...
А мне последних хлопьев бег
Всю душу вымотал, наскучив.

Уже смеются надо мной,
Подсчитывая, сколько строчек
Забил я снежной белизной
И синевой, без проволочек.

Постой, не смейся, подожди,
Не утруждай косые взгляды,
Я скоро выйду на дожди,
На листопады, звездопады.

...Дождь моросил, а не хлестал.
Тянулась серая погода.
И стало так – что снег восстал,
Как время и души и года.

Он заглушил собой ручей,
Незаселённый город строил.
Он был пустой, он был ничей,
И я себе его присвоил.

* * *

Мне будет вечно сниться дождь
И шум листвы у изголовья...
.....

«**Ещё** земли печален вид...» –
Заметил Тютчев гениальный –
Угрюмый, грустный и печальный.
Наверно, что-нибудь болит.

«Мне будет вечно сниться дождь...» –
Признался Соколов Владимир.
Бедняжка... Скоро пропадёшь –
С дождюк и динозавр вымер!

«На вздор и шалости ты хват...» –
Поэт Булгакову навесил.
Булгаков был не виноват –
В тот день был Лермонтов невесел.

«Не ветер, вея с высоты...» –
Черкнул чудесные стихи граф
Толстой, а что напишешь ты,
Чтоб кто-нибудь тебя в эпитаф?..

«Какая ночь! Я не могу...» –
Заснуть, имел в виду Есенин.
Своею резвостью осенней
Жаль, я ему не помогу...

«На что, скажите, нет стихов?» –
Так начал Курочкин в «Скандале»,
А много раньше Мерзляков.
Надеюсь, вы его читали?

«В Тобол течёт река Тавда...» –
Строка безвестного поэта.
Вы знаете его? Нет? Да?
Коль да, спасибо вам за это!

30.03.2002 г.

Евгений Винокуров

НАЧИНАЮЩИЙ

О, знал бы я...
Б.П.

Среди всех невозможных профессий
я одну до конца не пойму:
подниматься в простор поднебесий
и срываться в бездонную тьму.
Легкость чувствуя в праздничном теле,
то вдруг в пропасть, а то в облака!..
Сколько шаткие эти качели
замотали вконец
за века...
Сколько в небо взлетевших не стало,
сколько нет, угодивших в провал,
не дождавшихся ни пьедестала,
ни оваций и ни похвал!..
Не пойму:
почему же украдкой,
не предвидя ужасный конец,
с крепко стиснутой в пальцах
тетрадкой
вновь стучит
в мои двери
юнец.

ПРОДОЛЖАЮЩИЙ

Не пойму:
Е.В.

Про Приама, Елену, Париса
Написал на досуге стихи,
И спросил Пастернака Бориса –
Хороши они, или плохи?

Он ответил: «О, знал бы я...» Горе!
Я-то думал неплохо о нём.
Значит правы приятели, Борю
Называя арабским конём.

Засосала поэта стихия –
Видно, Нобель мозоль отдалил.
Переделал немного стихи я
И Е.В. от души посвятил.

В свете скромных моих достижений
К Пастернаку уже не пойдёшь.
Я схожу к Винокурову Жене –
Может он на коня не похож?

31.03.2002 г.

Марк Лисянский

ЛЮБУЮСЬ

Хочу, друзья мои, признаться,
Что я люблю на склоне дня
Своим трудом полюбоваться,
Когда он радует меня.

Любуюсь, скинув с плеч рубаху,
Чуть охладив рабочий пыл,
Простым гвоздём, который с маху
Одним ударом вколотил.

Любуюсь струганной доскою,
Рубанок мой держа в руке,
Любуюсь точною строкою,
Впритирку пригнанной к строке.

Я говорю себе при этом,
Я говорю другим всегда:
В любой работе будь поэтом
Во славу общего труда.

Но чтоб собой не упиваться,
Умей, признанья не тая,
Чужой работой любоваться,
Как будто бы она твоя.

П Р И З Н А Ю С Ь

Хочу, друзья мои, признаться –
Я замечательный поэт,
И вовсе не боюсь зазнаться
На склоне поэтичных лет.

Любуюсь точною строкою
И рифмою «всегда» – «труда»,
Я спрашиваю вас с тоскою:
Что будет с лирикой, когда

Уйду я в ореоле славы
Строгать и гвозди забивать?
Погибнет лирика? Вы правы,
Меня не надо забывать!

Во мне всё крепнет убежденье –
Я вытащил счастливый фант:
Талантлив я почти с рожденья,
Мой дар – божественный талант!

И этот дар – не конь троянский,
Но как жалею я, друзья,
Что «Ай да сукин сын, Лисянский!»
Сказал сам про себя не я...

02.04.2002 г.

Виктор Боков

ПО ЦЕЛИНЕ

Зима такая добрая и нежная,
Морозы в меру, оттепелей нет.
Как белая страница, поле снежное
Зовёт меня шагнуть через кювет.

Иду по целине, сороки в сторону,
От зимней тишины звенит висок,
И поезду заснеженному скорому
Машу рукой, а он дает свисток.

Так на Руси в сердцах живёт братание,
Так друг за друга держится народ.
И куст калины говорит: – Глотай меня!.. –
И горечь ягод силы придаёт!

* * *

Сегодня рифма у меня не клеится –
Страница белая, как поле в феврале,
И силы нет, и не на что надеяться.
«Тойоту» б мне, хотя бы «Шевроле»,

Но эти, в думе, – так налог повысили,
Что я пешком шагнул через кювет.
Сороки в сторону, вороны – тоже, высями.
Найду я нынче рифму, или нет?

Мне куст калины говорит: – «Глотай меня!...» –
– Пошёл ты, – говорю, – сперва поспеи! –
Кто варит сталь, кто ловит в речке тайменя,
Я – целиной чешу среди степей,

И поезду заснеженному скорому
Махнул рукой и дал ему свистка,
А машинист сказало чём-то в сторону
И пальцем покрутил возле виска.

02.04.2002 г.

Анатолий Князев

* * *

Сельский клуб в отдаленной деревне.

Возле двери соломы стожок...
Там колхозница Дарья Андревна
Записаться решила в кружок.

Всё смущалась она да робела,
Да смотрела куда-то в окно...
А когда потихоньку запела,
Стало в домике тесном светло.

Стала шире забытая тропка
Для парней и весёлых подруг,
И девчата смущенно и робко
Потянулись в наш маленький клуб.

И застыла у серого сруба
Восхищенная бабка с козой.
И глаза у седого завклуба
Затянуло нежданной слезой.

Сельский клуб в отдалённой деревне –

Восемнадцатый двор от угла.
Вы скажите нам, Дарья Андревна,
Ну, и где же вы раньше была?

Всё смущалась, краснела, робела
И смотрела в туманную даль,
И свеча на столе догорела,
А запела – заплакал февраль.

Однозвучно звенел её голос,
Колокольчиком тая в тиши,
И она (тишина) раскололась
В деревенской кондовой глуши.

В Киржаче дискотеки закрылись,
Малый в Пензе гастроль отменил,
Люди в залу и сени набились.
Голос Дарьи Андреевны плыл...

И коза у соседнего сруба
В восхищенье прикрыла глаза,
А на очи седого завклуба
Набежала, как искра, слеза.

04.04.2002 г.

Анатолий Князев

К Е П К А

Сидит осанисто и крепко,
Шальным не сдует ветерком –
Мне по душе простая кепка.
Простая кепка с козырьком.

Она приятна мне – не скрою,
Что суетливо не ярка...
Удобна простотой покроя
И прямою козырька

Добротный драп – надежней фетра,
Ведь в этом убедились вы...
Ее лихим порывом ветра
У вас не сдует с головы.

Убор не броский не для франтов,
Рабочей чести естество...
Не зря в колоннах демонстрантов
Подобных кепок – большинство.

* * *

Я не носил треух, кубанку,
Берет, цилиндр, шапокляк,
Нечасто надевал ушанку,
А вот без кепки – ну никак!

Её и Анатолий Князев
В своих стихах благословлял,
И сам Климентий Тимирязев
Раз восемь в поле надевал.

Она от солнца защищает,
И от дождя, когда гроза.
За нею кое-кто скрывает
Свой узкий лоб, или глаза.

Да, носит франт не кепку, – кефи.
А вот грузин – «аэродром»,
Меладзе, например, в том клипе...
А, впрочем, я забыл в каком.

Как хорошо надеть на репку
И сдвинуть козырёк на фланг!
Недаром же носили кепку
И Ленин, и Лужков, и Ланг.

04.04.2002 г.

Татьяна Буренина

* * *

Повилика , повилика,
Мое горе невелико –
Слез не лей.
На поляне у осины
Пропадает земляника,
Плач по ней.
Ее тонкие листочки
Ягод алые комочки –
Все тебе,
А к моей некруглой дате
И в душе хватает вмятин,
И в судьбе.
Я присяду у тропинки,
Отггну к земле травинки –
Не спасти,
Повилика, повилика,
Мое горе невелико –
Не снести.

* * *

Повилика , повилика,

Моё горе невелико –
С гулькин кол.
У осинки на полянке
Поиграла в дочки-мамки –
И прокол.
Мне двенадцатый годочек,
Заведу-ка пару дочек
И сынка.
Папа даст совет мне, знаю,
Мама – каши, хлеба, чаю
И пинка.
Я горю от отвращенья,
Я такого обращенья
Не снесла.
Повилика, повилика,
Моё горе невелико –
Понесла.

05.04.2002 г.

Андрей Кульба

* * *

Лучше пить тихой сапой и просто сидеть у реки
С батлом чёрного неба и небом, вокруг отражённым,
Без очков все едино – туманности, листья, плевки –
Всё смешалось в движении тёмном, беспенном, бездонном.

Только видишь, как меркнет, и слышишь, как тает вода
Как становится небом и нашим дыханием дышит,
Как сжимается в капли на гальке, а ночью – в кристаллики льда,
И бормочет, бормочет, а что – и сама не расслышит.

* * *

Тихой сапой полбанки раздавишь, наешься ухи,
Вслед за первой – вторую полбанки допьёшь тихой сапой
После третьей обычно мы с музой рожаем стихи –
Муза мамой становится, я, разумеется, папой.

Среди рыбьих кишок, пузырей, чешуи и плекков
Муза тоже лежит без очков и затравленно дышит,
Видит батлы небес, видит патлы хмельных рыбаков
И бормочет, бормочет, а что – и сама не расслышит.

08.06.2001 г.

Нина Краснова

БЛАГОДАРНОСТЬ

**Моей маме
Красновой Марии Петровне**

Не знаю я, какая мне цена-то.

По гонорарам судя – медный грош.
Нет у меня, к несчастью, мецената.
Живи, поэт, твори поэт, как хошь.

Где добрый толстосум Морозов Савва?
Нет у меня его, но мама, мама есть!
Спасительница! Честь тебе и слава!
Есть у меня в кармане, чем потреть,

И есть, на что купить в универмаге
(Да не покажется мечта моя мелка)
простых карандашей, стержней, бумаги,
ну а в продмаге – хлеба, молока...

БЛАГОДАРНОСТЬ

Поэтессе
Красновой Нине

Живёшь, не тужишь, хоть и мелкогато –
Поел, попил, немножечко поспал...
Взбодриться нечем. Водка дорога-то.
От пива пухнешь. Чай поганый стал.

А хочется чего-нибудь такого,
Чтоб потрясло – не на год, хоть на час.
И вдруг, за неимением другого
На стих упал мой изощрённый глаз.

Спасительница! Ниночка Краснова,
Спасибо вам, хвала, хвала и честь!
Своею «Благодарностью» вы снова
Смогли меня на старости потреть!

01.08.2001 г.

Анатолий Демьянов

* * *

На численнике эта

Примета, как росток:
Сегодня прибыль света
На воробьиный скок.

Сегодня убыль мрака,
Сегодня гинет тьма...
Зима по буеракам
Набила закрома.

Пурга в шубейке углой
Скулит нехорошо,
Но год уже на утро –
Не на вечер пошёл!

И свету первый друже,
Забот хватив с лихвой,
Все скок да скок по лужам
Воробыш пуховой.

По снеговой купели,
К сосулькам, что гроздьми –
До первой до капли...
А там его – возьми!

* * *

Метель скулит прегадко

Без шапы и перчат,
И, как после припадка,
Вихры её торчат.

Но численник приметом
Нас радует весьма –
Обычно перед летом
Предшествует весна.

Её примет я вижу
Открытыми глазами –
Весна всё ближе, ближе
При этом, чёрт возьми!

Воробыш скок по луже,
А крылыш не махал.
На камуш прыг от стужи –
Простуженный нахал.

Сидела кошь на крыше.
Воробыша спасу ль?
А под застрех, где тише –
Гроздьми висит сосуль.

Сегодня прибыль света,
Сегодня гинет мрак!
А под крыльцом на это
Разгавкался собак.

Ура! Спасён Воробыш
От жутких перемен...
– Толян, а шо ты робишь? –
– Пишу стихотворен!

02.08.2001 г.

К.Д.Бальмонт

В Л А Г А

С лодки скользнуло весло.
Ласково млеет прохлада.
«Милый! Мой милый!» – Светло,
Сладко от беглого взгляда.

Лебедь уплыл в полумглу,
Вдаль, под луною белея.
Ластятся волны к веслу,
Ластится к влаге лилея.

Слухом невольно ловлю
Лепет зеркального лона.
«Милый! Мой милый! Люблю!...»
Полночь глядит с небосклона.

Б Л А Г О

Скошки скакнула блоха,
Благо, близ бока бульдога –
Повод к созданию стиха.
Тема – совсем не убога.

Был благороден бульдог –
Благо, он выкусил блошку,
А не сожрал, хоть и мог,
Эту блохастую кошку.

Бедная крошка-блоха,
Благо, погибла мгновенно,
Став героиней стиха.
Жертвенность – благословенна!

16.09.2001 г.

Сергей Агальцов

* * *

К вокзалу этому привыкший,
В счастливый миг, когда-нибудь,
На электричке, что до Икши,
Весь мир любя, отправлюсь в путь.

Во мгле вечерней бойко, быстро
Помчит меня электровоз,
О рельсы высекая искры,
Среди мерцающих берёз.

И я, к стеклу прильнув удобней,
Увижу первую звезду,
Большое небо. А под Лобней,
Чтоб видеть мир ночной подробней,
В снега зыбучие сойду
Сверкающего Подмосковья –
И зазвучит в груди сильней:
Оно душою стало, кровью,
Твоей тревогою, любовью,
И – надо же! –
   судьбой твоей.

* * *

К вокзалу этому привыкший,
Пишу Министру МПС
О том, зачем я возле Икши
Недавно с электрички слез.

«Во мгле вечерней бойко, быстро
Меня помчал электровоз,
О рельсы высекая искры
Среди мерцающих берёз.

А я, к стеклу прильнув удобней,
Увидел не огни Стожар,
А разгоревшийся под Лобней
Вновь вспыхнувший лесной пожар.

«В снега зыбучие сойду я, –
Решил я, – чтобы не сгореть».
А подмосковный ветер, дую,
Не дал мне, к счастью, угореть.

И я с тревогой и любовью
Прошу Вас, господин Министр:
Пусть поезда по Подмосковию
Из рельс не высекают искр!»

02.12.2001 г.

Ирина Знаменская

* * *

Сирень,

Ты в талии полна,
Ты тяжела и полногруда,
И на груди твоей – луна –
И чуть заметна амплитуда.

Ты – собеседница из тех,
Кто, сам не проявляя рвенья,
Молчаньем долгим вводит в грех
Безудержного откровенья.

Ты сумеречна, точно страсть,
Что сталь туманом разъедает –
И хочется лицом припасть,
Пока никто не наблюдает.

Пока от сна не отошли,
Тая иронии уколы,
Сластолюбивые шмели
И прагматические пчёлы.

Лариса Тараканова

* * *

О чистота , куда ты делась,
И нынче как тебя назвать?

Любимый, я уже разделась.
Мне больше нечего скрывать.

Да, не красавица с обложки,
Простая, как миллионы тел.
На мне лишь мамины серёжки.
Скажи, ты этого хотел?

Я свой позор терпеньем множу.
Я понимаю – мой удел
Служить бесчувственному ложу.
И с платьем я сдираю кожу.
Скажи, ты этого хотел?

* * *

«**O**, **ИМИДЖ** мой, куда ты делся?

Родная, я уже разделся
И плюхнулся в кровать.

Да, не красавец из журнала, –
Таких, как я, увы, немало,
Мне нечего скрывать!

Скажи, ты этого хотела?»
Родная строго поглядела
И, вдруг, с катушек – брык! –

Поскольку снял я со штанами
(Но это строго между нами)
Глаз, челюсть и парик.

29.12.2001 г.

Неизвестный поэт военного времени

* * *

Мой товарищ в смертельной агонии,
Не зови ты на помощь друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над горячею раной твоей.

И не плачь, не скули, словно маленький.
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай-ка лучше сниму с тебя валенки, —
Мне ещё воевать предстоит.

* * *

Мой товарищ в смертельной агонии

Не кричал и на помощь не звал.
Свои красные помню ладони я,
Когда кишки ему заправлял!

Я шинель на него свою скинул,
А чтоб валенки кто не упёр,
Автомат к нему ближе подвинул, –
Мало что, вдруг какой мародёр?

В медсанбате – задело шрапнелью –
Я услышал нехитрый рассказ:
Он спасён был второю шинелью.
На морозе б он быстро угас.

31.12.2001 г.

Николай Глазков

ДРУГУ ИЗ ПОЭТОГРАДА

Ты пишешь очень много дряни:

Лишь полуфабрикат – руду,
Но ты прекрасен, несмотря ни
На какую ерунду.

В рубцах твоих стихов раненья,
Которые в огне атак.
А те, кто лучше и ровнее,
Писать не выучатся так.

У них стихи круглы и дуты,
Хоть и металл, а не руда,
И никакие институты
Им не помогут никогда.

ПИСЬМО ДРУГУ

Тебе не скрыться от погони
Хоть ты ни в чём не виноват.
Увы, чему бывать, того не
Миновать.

Твои стихи кровоточащи,
Как дыры от немецких пуль,
И так звучащи, словно в чаше
Вот-вот отдаст концы бьюль-бюль.

Твои стихи от крови скользки,
Которые в огне атак.
Ни Тихонов, ни Антокольский
Писать не выучатся так.

У них стишата будто шарик
С дырою: псс-с-с...
Словами так себе и шпарят –
Сплошной сюрприз.

А ты, как я, забудь про рислинг,
Войди в сюрпляс
И погрузись душой в армрестлинг
Ритмичных фраз.

Будь терпелив и пунктуален,
И напили побольше дров,
И станешь ты конгениален
Со мною.

Николай Глазков.

Федор Сухов

Ц В Е Т Ы

Тихохонько упрятались в кусты,
Туда, где к вербе ивина прильнула, –
Цветы своей стыдятся красоты,
И потому стоят они понуро.

* * *

Ущербечущего воробья,
У его души прошу прощения...
Свой бродяжий посох возлюбя,
Покаянья жажду, очищения.
Верую – очистится душа,
Ласковая прослезится вербина,
У возвышенного шалаша
Засияет празднично, серебряно.
.....

В рощине осинина, дрожа,
На яру увидела калинину,
И стихи, листинами шурша,
Потекли, как воры на малинину.

Те стихи, как талая вода
Размывали ямины и рытвины
И не знали спрятаться куда
От стыда за красоту рифмины.

Веря в очищение души,
Плакала дубина у опушкины:
«И не стыдно? Больно хороши
Эти Блоки, Лермонтовы, Пушкины...»

14.10.1999 г.

Федор Сухов *

* * *

В золотую пору увядания
Обострённой наши ощущения,
Чудится последнее свидание,
Грезится последнее мгновение.

И не паутрь – павечерь мерещится,
В омутовой холодеет ямине,
Видится сиянье месяца
В утомлённом солнечном сиянии.

---

* Ф.Сухов, 1923 г.р., автор книги «Половодье»

* * *

В золотую пору увядания
Спозаранку павечерь мерещится, –
Видишь в луже отраженье здания, –
Кажется, что «Половодье» плещется.

В золотую пору увядания
Кажутся стихи свои хорошими,
Слышатся в них отзвуки признания,
Видятся талантища всполошины.

В золотую пору увядания
Вдруг помстится – стал ты почитаемым,
Ты потряс основы мироздания,
Более того, – ты стал читаемым.

В золотую пору увядания
Чудится – стихи твои печатают,
Грезится большой тираж издания,
Мнится – юбилейный адрес сватают...

В золотую пору увядания,
Когда тише станет элоквенция,
Приблизнится новое издание...
Это называется – деменция...

15.10.1999 г.

Вадим Ковда

О С Е Н Ь   В С Е Л Е Н Н О Й

Подумать не смею, поверить
нет мочи,

Но ведь очевидно – в ночи
Созвездия в небе кипят и клопочут,
Как птичьи живые ключи.
И ветер из космоса голос доносит,
Усиленный сердцем моим во сто крат:
«В Галактике – осень! В Галактике – осень!
Созвездья в ирей * летят!»
Откуда же осень?.. Могу ли поверить?
Ведь пашню готовы взорвать зелены!
...Под ветром вселенским качается ветка,
где села на миг отдышаться Земля.

-
- Ирей, вырей – в народном поэтическом творчестве – сказочно тёплая страна, куда улетают на зиму птицы.

ОСЕНЬ ПОЭТА

Другие – ну, те что моложе – клокочут,
Как птичьи живые ключи.
А мне каково, когда нету мочи?..
Особенно плохо – в ночи...

Из кухни доносится голос жены:
«А если пивка с тараночкой?»
Всё, баста! Довольно! Мосты сожжены!
Какое там пиво – на ночь-то?

Я принял армянского – звёздочек пять –
Почти созвездье Стожар.
И чувствую – есть всё, что надо опять,
И чую в груди пожар.

Под ветром вселенским качается стол,
Под торсом поэта – стул.
Ещё бы немного – хоть два по сто...
Но слышу космический гул

И вижу – созвездья летят в ирей,
То бишь, коньяк в унитаз,
А голос жены: «Вадим, не смей!
Чтоб на ночь – в последний раз!

Не мальчик, поди, пора бы знать,
Что можно, что нет – к ночи...»
Ну как ей, любезной, растолковать:
Иначе, мол, нету мочи!?..

14.10.1999 г.

В.К. Семакин

* * *

Вот забудь про можжевельник,
про клубнику на увалах,
про дубравный журавельник
в лепестках лилово-алых,
вот забудь о бересклете,
а уж там забыть недолго,
есть иль нет Урал на свете,
есть иль нет на свете Волга,
ох, недолго,
ох, недолго...

Ну а там недолго, братцы,
и от предков отказаться,
перенять язык безродный,
чёрствый, полупереводный,
никакой не родниковый,
а полупроводниковый,
с тарабарщиною схожий,
но живучий и расхожий
в потребительных беседах
и в стихах того же толка,
и лишиться напоследок
чувства родины и долга,
ох, недолго
ох, недолго!

Вот забудь про свинорой,
про хохулю и про лыву –
там недолго, дорогой,
не явиться по призыву,
там недолго позабыть
про родных и про отчизну,
там недолго изменить
партии и коммунизму,
там недолго подложить
под президиум взрывчатку,
если ныне позабыть
про козюлю и лапчатку.

Позабыл про мамалыгу –
надо высечь забулдыгу,
а каштан забудешь конский, –
значит ты шпион японский.
Зане падеру забыл,
дабы зрады не чинил...
Кстати, зябру помнишь? Не? –
Всё! В расход, пора к стене!..

Г Л О С С А Р И Й

Свинорой – многолетняя трава семейства злаков.
Хохуля – выхухоль, насекомоядное млекопитающее.
Лыва – лужа.
Козюля – змея, описанная И.Буниным.
Лапчатка – калган.
Мамалыга – каша из кукурузной муки.
Конский каштан – декоративное дерево семейства буковых.
Зане – так как, поскольку.
Падера – плохая погода.
Дабы – чтобы.
Зрада – измена.
Чинить – причинять.
Зябра – пикульник.
В расход! – Расстрелять!
Стена – традиционное место приведения приговора в исполнение.

16.10.1999 г.

В.К. Семакин

РЕЧКА

.....
«**Землячка**, здравствуй!» –
просияю, –
и речка, рада земляку,
зальётся смехом,
подставляя
то лбище яра, то щеку,
а то губу и – вдоль течения –
косу, как косу,
даже нос.

Что ж неприкаянно весь день я
брожу с откоса на откос?

.....
.....

* * *

Намедни эти «ку-ка-ре-ку»
обрыдли хуже комарей.
Мы с корешем пошли на реку,
Чтоб добыть парочку язей.

Идём, подставив щёку ветру,
вдоль самой кромочки воды
и видим –
в паре километров
заходят в речку верблюды́.

Макают в воду нос, и губы,
и даже хвост –
вот это да!
Ведь этак верблюды́ погубят
все наши рыбные блюда́!

А ну как напрудят поганцы,
где ловим рыбу издавна́?
Вдруг слышим голосок:
«Засранцы!
На треть вы сами из говна!

А мне давно верблюды́ любы
О, их волнистая спина!
О, эти щёки, эти губы! –
целует их моя волна.

А вы исправьте ударенья,
чтоб не остаться без ухи!»
Пустила косу вдоль теченья
и засмеялась:
«Хи-хи-хи!»

28.10.1999 г.

В.К. Семакин

* * *

Перевидано всего,
много всякого досталось.
Я устал не от того,
от чего сладка усталость.

А хотелось бы устать
от чего-то от другого.
Как, не знаю, наверстать,
что не сделал дорогого,

чтобы тихо ныла грудь,
чтоб, осилив то, другое,
я не смог пошевелинуть
ни рукою, ни ногою.

1970

Проще некуда: идёшь
на футбол травить баланду,
и болеешь, и орёшь
за противную команду.

Если на поле «Спартак» –
поболей-ка за «Динамо»:
тебя выколотят так –
не узнает даже мама.

Будут ныть живот и грудь,
голова и всё другое,
и не сможешь шевельнуть
ни рукою, ни ногою.

Тебе так намнут бока,
что ни выдоха, ни вдоха...
До свидания, пока,
и с приветом от Мазоха!

29.10.1999 г.

В.К. Семакин

* * *

В осиннике – птичья побудка

и даже в безветрие – лепет.
Не так ли ребёнок-малютка
слова свои первые лепит?

– Агушеньки, гуленьки-гули! –
и листья зальются ответно.
Смогу ли я так, не смогу ли
залиться захлёб, несусветно?

Смогу ли, как роща в июле,
как эта зелёная молодь –
Агушеньки, гуленьки-гули! –
Прогулить своё, проглаголать?

Не встрянет ли попусту некто –
ревнитель келейных делишек:
то мало-де, брат, интеллекта,
а то – интеллекта-де лишек.

А кто-то, развесь только уши,
залётся ещё завиральной:
«Чем лирика тише и глуше,
тем автор её гениальней».

Земля моя, шелестом шалым
уйми ты сего дуботолку! –
авось да со старым и малым
скорей дотолкуюсь до толку.

1975

* * *

Семакина книгу читал я,
но не достучался до толка, –
хотя себя старым считал я,
но, видно, ещё не настолько.

Я думал, как видно, по дури,
что мысли быть трудно банальней:
«Чем меньше поэт будет гулить,
тем лирика гениальней».

Я думал, что взрослому дяде
не стоит агукать малюткой.
Не нужно быть нескольких пядей
во лбу, чтоб отделаться шуткой

от тех, кто, как поле в июне,
с незрелыми мыслями ходит,
пускает, как маленький, слюни,
сюсюкает и колобродит.

Шли дни, я старел неприметно,
и вдруг – тайный смысл проступает:
«Залиться взахлёб, несусветно
смогу ли?» – поэт вопрошает.

Лишь в старости стало понятно,
что гложет беднягу-поэта,
и мне, старику, так приятно
дать несколько строчек совета:

Залиться взахлёб – не искусство,
большого таланту не надо,
а вот по чуть-чуть, и с закуской...
И плюнь на читателя, гада!..

29.10.1999 г.

Евгений Винокуров

ИЗ КНИГИ «КОНТРАСТЫ»

Т Ы

Вот женщины идут толпой.

Я понял, что воскресну,
когда меж ними и тобой
я обнаружил бездну.

А разница-то велика!
О сходстве нет и речи,
хоть те же руки, и бока,
и локоны, и плечи,

хоть любишь так же шить, поя,
иль в дождь брести уныло...

...Тогда единственность твоя
тебя мне осветила!

Я

Ты быстро шла, почти бежа.

Я понял, что воскресну,
хотя меж нами и межа,
я победу, хоть тресну.

Да, да – решил я – ты моя!
Тебя догнал, скакая.
Меня отшила ты, поя.
Я понял – у, какая!..

Ты не похожа на других, –
Ну, разве телесами.
Тебе прочёл я этот стих
и – посудите сами! –

ты перестала жить, гужа,
и бродишь в дождь уныло.
Проводишь вечера, вяжа,
и экономишь мыло.

Теперь люблю тебя – лишь я.
Ты, сна себя лишая,
мои стихи читаешь, шья.
Их слушаю, пиша, я...

07.11.1999 г.

Нина Шевцова

СОНЕТ О ВЕЧЕРНЕМ АВТОБУСЕ

Не странно ль, на ухабах замирая,
Нестись, тревожа ближнего плечом,
Как будто в нас неведомо о чём
Одна душа вздыхает мировая?

Не странно ль, выходя, застыть у края
Ступеньки и вопрос сглотнуть как ком,
Страшнейшим человеческим грехом
Навязчивость невольную считая?

И вслед брести ныряющим огням,
Унесшимся в потёмки именам,
Глазам в чаду ревущего тумана –

Пока во тьме проявятся сады
И новых лиц неровные ряды
Придут, пройдут и канут
безымянно?..

СОНЕТ О СТРАННОСТЯХ

Не странно ль, на ухабах замирая,
Нестись, соседа тыча локотком,
А он грустит, неведомо о ком,
Вниманья на тебя не обращаая?

Не странно ль, выходя, застыть у края
Ступеньки и вопрос сглотнуть, как ком,
И ждать, пока водитель матюгом
Пошлёт тебя, под зад дверьми толкая?

И вслед брести, колготки изодрав,
И думать: «О, водитель, ты не прав,
И больше ты никто!» – в чаду тумана,

Пока другой автобус подойдёт
И новых лиц неровный ряд начнёт
Толкать тебя, как ты их?

Ну, не странно?

08.11.1999 г.

Евгений Чепурных

* * *

Проводи меня до двери,
До трамвайного пути.
Я тебя ни в коей мере

Не держу,
Но проводи.

Провожай до окон милых,
Попроси светить звезду.
Провожай хоть до могилы.

Дальше я один пойду.

* * *

Проводи меня до двери,
До трамвайного пути.
До депо, по крайней мере,
Хошь – не хошь, а проводи.

Я потом тебя обратно
Вдоль по рельсам провожу.
Провожаться так приятно...
Провожаешь? Не держу!

Мы друг друга провожаем.
Вдруг родную на ходу
Переехало трамваем.

Дальше я один пойду.

09.11.1999 г.

Алексей Титов

* * *

К врачу б пойти...
Да, кажется, здоров.
Не спится только
По ночам в квартире:
Палатки снятся,
Зарево костров
И звёзд пунктиры.
С собой не совладать...
Вожу круги
По заповедным
Подмосковным паркам,
А сердце рвётся
На простор тайги,
К извечной
Красоте её неяркой.
Я в тех краях бывал,
И не однажды.
Порою кажется –
Себя оставил там.
Не потому ль
Так совесть будоражит
Короткое такое
Слово – БАМ?

* * *

К врачу б пойти...

Да, кажется, здоров...

О!.. Кажется живот!..

Увы, ошибся...

Вот не везёт,

Уж так-то не везёт, –

Ну что б вчера

Простыл, или ушибся...

Из поликлиники –

И прямо на пленэр!

По Подмоскovie

С удочкой, с ружьишком...

А мало мест других

В СССР?

В тайгу податься...

Впрочем, это слишком!

Ну, а уха, палатка,

Костерок...

О, сердце рвётся!..

Сердце? Неужели?!..

Да нет, увы, –

Врач участковый строг, –

Не выйдет, нет,

Пока на самом деле

Инфаркт не стукнет,

Или ОРЗ,

Или пока

Не заполучишь СПИДа.

Вот и сидишь

Весь день, как в КПЗ,

Перебирая

Что-нибудь для вида.

Приходится до пенсии

Весь день

Терпеть и ждать,

А что начальство скажет?..

Не потому ль

Так совесть будоражит

Коротенькое слово –

Бюллетень?

11.11.1999 г.

СЧАСТЬЕ

Мелькают стрелки,
                                столбы, пикеты,
На редких стыках
                                стучат колёса.
На полустанках
                                билетов нету,
И только гравий
                                летит с откоса.

Несётся поезд,
                                наверно, к БАМу,
А может к Тынде
                                несётся поезд.
В вагоне – люди,
                                и даже дамы,
И мчится поезд,
                                не успокоясь.

Грохочут двери
                                у туалета.
В ночную темень –
                                стрела состава.
– Я без билета.
                                Я без билета.
Я без билета, –
                                твержу устало...

Багажной полке
                                себя доверяя,
Уйдя от света
                                и от позора, –
Недаром в счастье
                                своё я верил, –
Надул таможду
                                и ревизора.

Хотите счастья?
                                Уже! Готово!
Оно – в движеньи,
                                оно – в погоне,
Оно – в ритмичных
                                стихах Титова,
Но лишь в вагоне,
                                на перегоне...

14.11.1999 г.

Николай Гумилёв

* * *

Пролетела стрела

Голубого Эрота,
И любовь умерла,
И настала дремота.

В сердце лёгкая дрожь
Золотого похмелья,
Золотого, как рожь,
Как её ожерелье.

Снова лес и поля
Мне открылись, как в детстве
И запутался я
В этом милом наследстве.

Лёгкий шорох шагов,
И на белой тропинке
Грузных майских жуков
Изумрудные спинки.

Но в душе у меня
Затаилась тревога.
Вот прольётся, звеня,
Зов весеннего рога.

Зорко смотрит Эрот.
Он не бросил колчана...
И пылающий рот
Багровеет как рана.

* * *

Хоть убей, хоть зарежь,
Но по Фабру – ей богу –
Майский жук – цвета беж,
И каштанов немного.

Право, мэтр дорогой,
Поправлять вас неловко –
Изумрудной спиной
Щеголяет бронзовка.

Цвет у ржи золотист,
Как Ахматовой бусы? –
В мае ржи тонкий лист
Зелен, словно капустный.

А Эрот голубой –
Трансвеститам угроза!
Вас поправит «Плейбой»:
Купидон – бледно-розов!

Рот бедняги багров...
В акмеизме даль тонет...
Николай Гумилёв,
Вы, наверно, дальтоник!..

18.11.1999 г.

Софья Петренко

ХЛЕБ В ЛЕСУ

Я увидела хлеб между елок в лесу
Неожиданно.
Кто-то выбросил вон из кошелки небось.
На земле полбуханки лежат
Сиротливо, обиженно.
Вот ведь как пропадать довелось.

Постояла я.
Хлеб подняла и снесла на поляну.
Там коровы паслись.
Чуть заметно вздымались бока.
От покоя лесного,
Травы многолистной и пряной
Нарастала у каждой,
Густела волна молока.

Я скормила им хлеб,
Разломав его весь на кусочки,
Их бурёнушки брали с ладони,
Поднявши рогатые лбы.
И пошли попадаться мне белые,
Крутобокие чудо-грибочки,
А до этого как-то
Совсем не встречались грибы...

Г Р И Б   В   Л Е С У

БЫЛО много грибов между ёлок в лесу

Неожиданно.

Крутобокие чудо-грибы...

Чтобы все уместить,

Даже чёрствых полбулки я вынужден

Был оставить в лесу,

Заодно лешака умастить.

Вот как я рассуждал:

Вслед за мною какая-то соня,

Что попозже встаёт, да за завтраком

Долго жуёт,

Или может быть даже

Уже всем известная Соня –

Поэтесса Петренко с пустою кошелкой пойдёт,

Хлеб увидит,

Поймёт, что на этой поляне

Уже белых грибов

Ей никак не найти,

И отправится дальше,

Туда, куда я не

В состоянии

Был бы дойти.

По дороге бурёнок рогатых

Покормит с ладони,

И стихи сочинит –

Назовёт их она «Хлеб в лесу».

Интересно, что было бы,

Если б я, кроме

Полбуханки,

Оставил ещё колбасу?

28.11.1999 г.

Лев Ошанин

ПЕСЕНКА О БОБЫЛЕ

Жил да был бобыль суровый,
Никого не веселя,
И ни девки и ни вдовы
Не любили бобыля.

Одиноко человеку
Одному сидеть в избе
И бобыль из бела снега
Бабу вылепил себе.

В избу ввёл красотку эту,
Усадил её в углу.
Оглянулся – бабы нету,
Только лужа на полу.

ПЕСЕНКА О БЫТОВЫХ НЕУДОБСТВАХ

Это сказка, а не быль,
И неправда это, –
Жил да был один бобыль,
Но без туалета.

Человеку одиноко
Одному сидеть в избе, –
Свёл знакомство с черноокой
И зовёт её к себе.

В избу ввёл красотку эту,
Усадил её в углу.
Оглянулся – бабы нету,
Только лужа на полу.

12.12.1993 г.

Станислав Куняев

* * *

Нет, не зря в ледовитый торос
упирается русская карта:
одинаково страшен мороз
и для СПИДа, и для Бонапарта.

Поскользнувшись в родной темноте,
чертыхнёшься в морозных потёмках...
Вспомнишь – мамонты спят в мерзлоте
и алмазы хранят для потомков.

* * *

Муравейником рынок бурлит, –
Мир страдает повышенным спросом...
Нет, не зря голубой кимберлит
Бог прикрыл ледовитым торосом!

На Руси, как всегда, гололёд.
Поскользнёшься, бывалочи, юзом,
Матюгнёшься – и снова вперёд
Пробираешься с импортным грузом.

Ни мороз, ни торосы, ни СПИД
Не страшат больше контрабандиста.
Вся страна уже больше не спит
С лёгкой (левой) руки теннисиста.

Только мамонты спят в темноте
И хранят для потомков алмазы...
Вспоминаются им в мерзлоте
Станислава Куняева фразы.

03.09.1998 г.

Виктор Смирнов

ОСИНОВЫЙ ОГОНЬ

(Из цикла «Искры»)

Смотри, красотища какая!

Пасётся у рощицы конь,
В которой от края до края
Осиновый ходит огонь.

То к полю кидается слепо,
То к речке летит кувырком,
То лижет холодное небо
Горячим своим языком.

В предчувствии зимней погони,
Что в чуб мне метнёт седину,
И сам я поспешно ладони
К осиновым искрам тяну.

КЕРОСИНОВЫЙ ОГОНЬ

ОТВЁЛ я корову в осинник,
Которую надо доить.
Я был в этот день именинник,
Я начал костёр разводить.

Огнём полыхает осина,
Который не смог потушить,
Плеснувши в костёр керосина,
Который нельзя разводить.

Огонь сжёт деревню и рощу,
Который два дня полыхал.
Такую ни свёкор, ни тёща
Корову ещё не видал.

То к полю кидается слепо,
То к речке летит кувырком,
То лижет холодное небо
Горячим своим языком,

То стих услышавши Смирнова
Повысила резко удои...
Но вскоре оглохла корова, –
Пора ей, пора на убой.

Тяну я к корове ладони,
В глазах её вижу укор,
В предчувствии скорой погони
И града гнилых помидор.

06.09.1998 г.

Леонард Лавлинский

ЖУРНАЛИСТ

Я разглядывал звёздную пасеку

С лежака станционной скамьи,
Поместив многомудрую классику
Под сумбурные мысли мои.

Я за очерком гнал по распутице –
Осчастливить глубинный колхоз –
И не ведал, что рифмы накрутятся
На машинные цепи колёс.

Правда, что-то лепилось урывками,
Находило нечаянный лад
И мычало тревожными рифмами
Между строк о болезни телят.

* * *

Мы в эпоху Хрущёва и Брежнева

Научились писать между строк.
Неумеющих ждало по-прежнему
Осужденье на длительный срок.

«Я разглядывал звёздную пасеку...»
Значит – выгнал милиционер
Леонарда Лавлинского, классика,
В привокзальный заплёванный сквер.

«Я за очерком гнал по распутице...»
Значит – всё ещё нету дорог,
И в полуторатонке, по ступицу,
Он застрял и, увы, занемог.

«И мычало тревожными рифмами...»
Значит – вновь поголовье под нож,
Чтобы скрыть под бумажными рифмами
Бесхозяйственность, ящур, падёж.

«Правда, что-то лепилось урывками...»
Значит – вновь замаячил просвет,
Но... «ляп-тяп», и опять под обрывками
Старых лозунгов нового – нет!

Мир теперь стал крутым и крутится,
Он безжалостен и бестолков,
«И не ведал, что рифмы накрутятся...»
И ни Листьев, и ни Тальков.

06.09.1998 г.

Александр Игошев

ПРИМЕТА

В притихшем парке –
много света.
Две липы, сохранив наряд,
воспоминанием о лете
ещё зелёные стоят.

Уже погребены под снегом
газонов жухлая трава,
цветов осенние побеги,
полуистлевшая листва.

Уже ледовые карнизы
к речным намёрзли берегам...
Они ж бросают, липы, вызов
морозам ранним и снегам.

Есть неприметная примета:
пускай белым-белы холмы –
счастлив,
кто сердцем верит в лето
в дни наступления зимы.

НЕПРИМЕТНЫЕ ПРИМЕТЫ

Зимой морозно в этом мире.

Мы верим мудрости примет:
коль ты не Иванов Порфирий, –
не обойдёшься без штиблет.

А что зимою в парке липа
ещё не сбросила свой цвет, –
не верьте, люди, это – липа,
таких примет в народе нет.

Сосульки свесились с карнизов,
их не сбивает дворник-хам.
Они ж бросают, люди, вызов
плохим приметам и стихам.

В народе есть одна примета:
(народ наш сыздревле сметлив),
мол, за зимой наступит лето.
Кто верит в это, тот счастлив.

Есть неприметная примета:
пускай мы даже от сохи,
но не даёт нам право это
писать неважные стихи.

07.09.198 г.

Анатолий Кобенков

* * *

Окошко занавесила,
пластинку завела,
и потекли невесело
сердечные дела.

И поплыла усталая,
больная голова
туда,
где песня старая
по-старому права...

потом она заплакала
и вышла не спеша...
И в платьице заштопанном
Вошла её душа.

Вошла ко мне –
ограблена,
изрезана в куски
любовными обвалами,
оврагами тоски,
вошла, как входит деревце
на городской пустырь.
И ведал я, что делать мне,
но руки опустил...

Быть может, одиночество,
не говоря со мной,
сказало, что не хочется,
не можетя домой.

Быть может раны старые
да гаснущая боль
приперли
и заставили
шептаться про любовь.

...И мне тогда поверилось –
не помню почему –
что жизнь опять примерилась
к дыханью моему.

И заново подумалось:
навек обниму
и никогда судьбу мою
уже не обману...

Мне самому не верится –
не в цирк, не в монастырь –
пошёл, как ходит деревце
на городской пустырь.

Иду, а раны старые
да гаснущая боль
припёрли и заставили
дерябнуть алкоголь.

Смотрю – ко мне ограблена,
изрезана в куски,
собаками затравлена,
зелёная с тоски
плывёт моя усталая
больная голова.
На ней фуражка старая,
а в ней – одни слова.

Такая анатомия –
башка, а тела нет.
Где тело Анатолия
и где, пардон, скелет?

Тут, как ни удивительно,
красивый профиль мой
шепнул мне доверительно:
– Толян, иди домой!

И думал я невесело,
шагая с пустыря:
«Вот что случилось если бы
не Меня, а меня...».

09.09.1998 г.

Лариса Тараканова

НА ПОРОГЕ

Снег летит на ажурное платье.
Белой туфельке цокнул порог.
Все – одно молодое объятье,
Задыханье, дрожанье, зарок.
Все толчется и движется робко.
Озадаченный шепот в толпе.
Лишь игристая вылетит пробка,
Как сомнительный вызов судьбе .
Лишь надломится стебель гвоздики,
Отлетят голубые шары,
Золотые и алые блики
Хрусталей, увенчавших пиры.
Но, пока ты не стала земною,
Не стряхнула лебяжьи крыла,
Задержишься за стеклянной стеною,
Одари чистотой зеркала.
Всё пройдет – суета и объятья.
Но и там, за далёкой чертой,
Снег летит на ажурное платье,
На лицо под прозрачной фатой.

НА КРУГИ СВОЯ

Задыханье, дрожанье, потуги,
Наконец, появление на свет.
Недержанье, игрушки, подруги,
Детский сад, комсомол, педсовет...
В сорок пятом мы бегали в школу –
Задыханье, дрожанье, урок...
Может грустный, а может весёлый
Детства с юностью выпавший срок.
Двадцать два, молодое объятье, –
Задыханье, дрожанье, порог,
Подвенечное белое платье,
Свадьба, ссора, развод и – опять я
На свободе и вновь одинок.
К алкоголю широкая тропка –
Пиво-воды, шампанское, грог...
Лишь искристая вылетит пробка –
Задыханье, дрожанье, зарок.
Ну, а если любитель пожрать я? –
Задыханье, дрожанье, пирог,
Диабет, ожиренье, проклятья,
Инсулин, парафин, порошок.
Каково же твоё содержанье?
Всё пройдёт – суета, обожанье,
Повернётся твой жизненный круг,
И тебя ждёт, поверь, милый друг,
Очень ранний склероз, недержанье,
Задыханье, дрожанье, каюк...

09.09.1998 г.

Сергей Безлюдский

МУЗА

Мне в детстве Муза не являлась.
Я карандаш в тоске кусал,
И мне дворцом не представлялась
Сторожка та, где я писал.

Нуждался я в особом средстве –
В крылатом творческом коне.
Но не являлась Муза в детстве.
Потом явилась, да не мне.

Она с другими забавлялась,
И трудно было одному.
Нет, Муза не ко мне являлась.
Пришлось работать самому.

НА ПАРНАСЕ

Я с детства на Парнас стремился.

Карандашей сгрыз – пачек пять.
И вот, однажды, очутился
Я там, куда хотел попасть.

Течёт неспешно Иппокрена,
Вдали дымится Геликон,
И, тогою прикрыв колено,
Спит престарелый Аполлон.

Он солнышку подставил пузо.
В густых травинках щавеля,
Невдалеке пасётся Муза,
Порой крылами шевеля.

Я обернулся и – о, боги! –
С изящной лирою в руке,
В воздушной, белоснежной тоге
Спускалась женщина к реке.

Она спускалась по тропке.
Такой – всего себя отдашь!..
– Кто ты? – спросил её я робко
И сгрыз последний карандаш.

Она молчала, только струны
Перебирала не спеша.
А я стою, глотаю слюни...
Как жаль, что нет карандаша!..

Она глядела мудро, строго.
Потом свет строгости погас,
И на груди поправив тогу,
Она сказала: «Я – Пегас...».

11.09.1998 г.

Валентина Ханадеева

МОЁ СЕЛО

Моё село – у чёрта на куличках...
Как предка в эти дали занесло?
Уздечку ль спьяну дёрнул без привычки,
Направил ли ошибочно весло?
Мне надоела суета вокзалов
И – каждый год! – билетный дефицит,
И я в который раз себе сказала:
«Пора на юг. Село повременит!»
А год проходит – косяком тоскливым
Вновь мысли начинают вдаль тянуть,
И чемодан потёртый сиротливым
Постукиваньем отмеряет путь.
Когда-то я там песню выводила –
И голос будто падал на краю.
Там раннею звездой любовь всходила
И потрясала молодость мою.
И вот теперь за прошлую звездою,
За ставнем, что древесной гладью шит,
За песней да за ключевой водою
Опять туда моя душа спешит...

МОЁ ПОМЕЛО

Моё село – у чёрта на куличках...

И в километре – Лысая гора...

Вся наша жизнь в традициях, в привычках –

Проходит год, душа томит: Пора!

Туда, где предок дёргал за уздечку,

Иль ведьму замуж спьяну выдавал,

Иль домового хоронил за печку.

Его сам Пушкин – помнишь? – воспевал.

Мне надоела суета вокзала,

Мешочки, билетный дефицит.

Я, наконец, сама себе сказала:

«А Валентина – в ступе полетит!»

И ежегодно косяком тоскливым

Все ведьмы начинают вдаль тянуть,

И помелом – потёртым, сиротливым

Постукивают, отмеряя путь.

Когда-то я там песню выводила,

И вся тряслась – в такой впадала раж.

А где теперь и молодость, и сила?

Последний раз на шабаш – и шабаш!..

11.09.1998 г.

Валентина Ханадеева

* * *

Куда-то мчалась полем на рассвете –
Дразнил колени легкий сарафан,
И отставал в бессильном беге ветер
И немощно за мой цеплялся стан.
И жизнь вокруг была сплошным подарком:
То даль горит, то кружит самолёт,
То коршун в оперении неярком,
Смирив гордыню, за едой падет.
А близкого села родные звуки
Свивало в песню вихрем на яру,
И к солнцу я протягивала руки,
Как перезябший тянет их к костру.
По лугу стадо раннее бродило,
Вздыхал под ряской загустевший пруд –
И в голову тогда не приходило,
Что это все Отчеством зовут...

* * *

Нас пирогами мама баловала, –
Я стала ничего себе на вид,
Ну, прям, такая из себя вся стала,
Что всяк полапать – так и норовит!
То сарафан хватает за колено,
То ветерок цепляется за стан.
Дрова рубила, так одно полено
Так и хотело смазать по устам.
За руку кофта трогала игриво,
Серьга касалась эrogenных зон.
Волос моих растрёпанная грива
В объятых чепчика – и он в меня влюблён!
Меня любили стулья и полати,
Пылала страстью старая кровать.
Халат... Мне не забыть его объятя!
А тапки стали за ноги хватать...
Бесстыдник лифчик так меня прищучил! –
Я от смущенья прямо вся горю.
Такой срамник... Кем только он научен?
А про трусы я и не говорю...
В саду коза влюблённая бродила,
Вздыхал под рясой грустивший поп.
И в голову тогда не приходило
Что это всё, ну... это... Отчего б?

Прошли года...

11.09.1998 г.

Марьян Дукса

ЗАБЫТОЕ СЛОВО

Не раз заскребётся, как кошка, сомненье,
Приснится сосна, что у дома родного,
Я снова услышу знакомое пенье –
Той колыбельной забытое слово.

О как трепетала зарница на клене,
Когда ты шептала мне снова и снова
Признанья!
И легким листом на ладони
Светло трепетало забытое слово.

Однажды в душе полыхнёт озаренье,
Зажженное солнцем заката былого.
Из омута памяти в это мгновенье
Всплывет на поверхность забытое слово.

Ты снова влюблённый, крылатый и юный.
И снова заря полыхает багрово.
Одна за другой отзываются струны,
И каждая –
                  прежде забытое слово.

Перевод с белорусского
И.Бобровицкого

ЗАБЫТОЕ СЛОВО

Приснится со сна, что у дома родного
В сусеке скребутся, скребутся в подклети,
И снова скребутся, и снова, и снова
Скребутся в подполье проклятые... эти...

А ты ещё юный, крылатый, влюблённый.
Крепка твоя база, фундамент, основа.
О как трепетала зарница на клёне,
Когда ты шептала мне снова и снова...
А что ты шептала – не помню...
Ни слова!..

И снова, как прежде, ещё не один ты.
Припомнится как-то Наташа Ростова –
И снова, и снова шуршат ротапринты,
И снова тебе далеко до Толстого,
А – Льва? – Алексея? – не помню какого...

И снова весна, снова радость бабулек,
И капают – как их? – всё снова и снова,
Одна за другой, сверху вниз, из сосуллек...
И каждая – прежде забытое слово.

Вольный перевод с бобровицкого
В. Ланга

Владимир Семакин

* * *

Писать стихи не так уж тяжело,
когда ты вроде выплыл на течение,
а вдруг они – всего лишь ремесло,
самообман и самообольщенье?

Тогда, ей-богу, лучше ни гугу:
и год, и два ни слова, ни полслова.
Перо заброшу, в поле убегу –
и, может быть, нахлынет что-то снова...

* * *

Когда поэт в течении плывёт
самообмана, и не видно роста, –
он пародисту пищу подаёт,
тогда писать пародии так просто!

Когда поэт стоит на берегу,
растёт, а сам ни слова, ни полслова, –
тогда писать, увы, я не могу.
Нахлынуло бы на поэта снова!..

23.09.1998 г.

Владимир Семакин

* * *

Я знал капсю – и ту не всю,
такую капельную малость
и всё же сердце полагалось
на эту самую капсю.
.....

Я знаю: голос мой не медь,
и в стольном граде –
сын Прикамья –
я не размахивал руками –
стоял, не знал, куда их деть...

(«Я знал капсю – и ту не всю»)

...Поначалу такой неятный
левый берег мне всё ятней...

(«На Каме»)

...Я тоже – позвол-ка, позвол-ка –
не палькался в ней, не тонул,
я пил её, дудолил только –
сквозь дудку пикана тянул.

(«Родничок»)

...И на душе не падера –
зорьки брусничный сок.

(«Звёздное сеево»)

* * *

Грущу, Семакина читая –
Как много незнакомых слов!
Не всю капсю я, видно, знаю
среди неятных берегов.

Не приходилось мне сквозь дудку
пикана дудолить воды,
и мне печально не на шутку:
дожив до белой бороды,

я, видно, палькался не в меру,
но на Прикамье не бывал
и языкового барьера,
увы, не преодолевал.

Мой кругозор, наверно, узкий,
а, может быть, падера в нём.
Спроси меня: «Ты знаешь русский?»
Отвечу: «Да.
Со словарём...».

23.09.1998 г.

Раиса Ахматова

«СОТВОРИ ЧУДО!»

Из лирики

* * *

Ты в закатных , волна, замираешь лучах,
Таешь, таешь под чайчи визги.
От тебя на моих остаются плечах
Лишь твои золотистые брызги.

Мне, волна, на мгновение стать бы тобой,
Чтоб к любимому вновь издалече
Возвратиться... Пусть думает: это прибой,
Когда я обниму его плечи!

Перевёл с чеченского
Д.Долинский

СОТВОРЁННОЕ ЧУДО

Без лирики

* * *

Там вдали, за рекой, догорала заря –
Это я быть волною мечтала.
Вдруг увидела я, что мечтала не зря, –
Я волной для любимого стала.

Я прильнула к нему в предзакатных лучах
Под истошные чайчи визги –
От меня на его остаются плечах
Лишь мои золотистые брызги.

Уж вдали за рекою закат догорел,
Ну а он на меня – ноль вниманья.
Вдруг веслом он меня по загривку огрел,
Этим мне причиняя страданье.

Волновала его я в ночной тишине,
На упругостях нежно качая,
А возлюбленный мой шлёпнул пяткой по мне,
Из меня на баркас залезая.

Он проклятым веслом всю истыкал мне грудь,
На стремнину по мне подгребая.
Не смогла я сдержаться – баркас стал тонуть,
И любимый, меня обнимая.

«Будешь драться веслом!»... – так подумала я
И на берег его потянула.
Вдруг внезапно опять стала бабою я
И тотчас вместе с ним потонула...

25.09.1998 г.

Татьяна Кочеткова

ЦИКЛ «В ЛЮБЛЁННАЯ АКАЦИЯ»

* * *

В **ночь** к траве-голубе – васильковый хлеб –
Тянут кони губы, разбредаясь у верб...
Хомутать негоже своевольный нрав,
Лишь вожак стреножен в половодье трав...
Вдруг осветят фары синих глаз огонь,
Как приятель старый, пусть уступит конь...
Опечатал степи придорожный лес, –
И душа не стерпит: «Заночуем здесь!...»
Ой, трава-голуба, не клони ко сну,
Растреножу друга, волю дам коню.
В ночь опустят вербы серебро ресниц,
И доносят ветры ржанье кобылиц.

Васильковый вечер. Мы опять в ночном.

Я в мечтах далече – мысли об одном:
Я от вас не скрою – о Фру-Фру мечтал
И хотел порою, чтоб цыган украл.
Васильками пуза не набьёшь, хоть плачь,
А назавтра – с грузом, а назавтра – вскачь...
Выжить разве можно в половодье трав?
Нынче очень сложно избежать потрав.
Хорошо б под утро забрести в овсы,
Там бы не минуты провести – часы...
Хорошо б под вечер торбочку овса!
Тьфу! Опять о вечном думать принялся...
О, хозяин-барин, душу не тревожь, –
Ты хороший парень, на ночь – растреножь!
Растреножил, душка. Волю дал коню,
Сам наполнил кружку и подсел к огню
На опушке леса, средь неспелой ржи:
«Жри её, повеса, только не заржи!»

Жадинам на горе жру, и жру, и жру...
Вдруг на косогоре увидал Фру-Фру.
Ах, какие стати – хоть на ипподром!
Говорю ей: «Кстати, я к тебе с добром!
Ты одна из тыщи квёлых кобылиц, –
Синие глазищи, серебро ресниц...»
Развеваю гривой: «Вот бы мне Фру-Фру б»
Ей кладу игриво голову на круп.
Близко тёмно-синий глазуновский глаз...
Эта плавность линий... И костёр погас...
Радости в себе я тут не удержал
И, от счастья млея, тоненько заржал.
Вспыхнули вдруг фары, и мой пыл угас.
Это сторож старый хомутает нас.
Снова я стреножен, так же, как и ты.
Был неосторожен – и прощай, мечты!
Тайну вам поведать, что с тех пор держу?
Я, коль стал обедать – никогда не ржу!

25.09.1998 г.

Ирэна Сергеева

БАЛЛАДА О СКРИПКЕ

Горит молодое солнце
и в окна глядит мои.
И милый пришёл, смеётся
от счастья и от любви.
А скрипка в соседнем доме
играет вовсю – хоть плачь.
И словно бы на ладони
в окне молодой скрипач.

Дождями окно умыло
и листьями замело.
Дождалась – приходит милый,
со мною ему светло.
А скрипка в соседнем доме
играет опять, хоть плачь,
играет она и стонет,
и виден в окно скрипач.

Морозом стекло покрылось.
Темнеет. И я одна.
Недолго же ты продлилась,
счастливой любви весна!
И день мой проходит зыбко,
от горя почти незряч.
Запела бы, что ли, скрипка!
Не слышно её, хоть плачь.

БАЛЛАДА О СКРИПАЧЕ

Проснулся от голоса скрипки.

Прощай, удивительный сон.
А звуки легки зыбки –
марш свадебный. Мендельсон.
Хоть пару часов поспать бы...
Застольную начали петь...
Нечасто справляются свадьбы, –
придётся перетерпеть.

А в доме соседнем скрипка
играет вовсю – всю ночь.
На многих устах улыбка –
сосед выдал замуж дочь.
Иду на работу разбитый
под звуки Пуни и Кюи.
Вернулся – стою, как убитый:
Шопен льётся в окна мои.

Покоя мне нет ни минутки –
ну, свадьбу отгрохал сосед!
Не сплю уже третьи сутки –
от скрипки покоя нет.
Альбенис, Делиб, Бузони,
Пуччини, Россини, Прач...
Ох, чешутся, ноют ладони,
а скрипка воет – хоть плачь!

Где сон мой? Увы, его нет,
я плачу, зубами стуча,
а скрипка поёт и стонет,
и видно в окно скрипача.
Полночи брожу вокруг дома –
не спят все вокруг дома.
Мелодия скрипки знакома –
«Сон в летнюю ночь» Тома.

Окно я давно бы выбил –
поблизости нет кирпича...
Сосед! Ну зачем ты выдал
дочь замуж за скрипача?

29.09.1998 г.

Глеб Горбовский

* * *

Уснул, а проснулся от скуки,
от нечего делать во сне...
Какие-то лёгкие руки,
как дождик, бродили по мне.

Куда я, а так же – откуда?
И стоит ли чай кипятить?
А в форточку ветер-зануда
Затаскивал чёрную нить.

Сажусь за ночную машинку,
по клавишам мчится рука...
Ошибка, ошибка, ошибка
вся жизнь и над ней облака.

Растают, как ночь на фрамуге,
стихи о любви неземной...
И тут невесомые руки
опять повстречались со мной.

Их кожа, как голос свирели,
нездешнее в пальцах чутьё...
Как ловко они отогрели,
утешили сердце моё.

Уснул раз на даче от скуки,
от нечего делать. Во сне
какие-то лёгкие руки,
как дождик бродили по мне.

Бумажник они из кармана
тянули, как дождик шурша,
и я слухового обмана
стал жертвой, почти не дыша.

А пальцы-дождевики шуршали –
нездешнее в пальцах чутьё!
Как ловко они обобрали,
обчистили платье моё!

Как споро, ни шатко, ни валко,
какой изумительный дар!
Бумажника вовсе не жалко –
там был лишь один гонорар.

Куда я, а также откуда?
А может быть даже и кто?
А в форточку жулик-зануда
вытаскивать начал пальто...

04.07.1987 г.

А. Тер-Маркарян

СТИРАЛА ДЕВОЧКА БЕЛЬЁ

Косило лунное бельмо,
Светило матово, нерезко.
Стирала девочка бельё,
Зайдя
    по щиколотки в речку.
Прибрежный ветер, замолчи,
Не дуй! Усни на мягких плавнях.
Она
    боялась замочить
Своё сиреневое платье.
Руками зябкими звеня,
Месила ситец, выжимала,
И целомудренно вода
Её колени обтекала.
Стирала девочка бельё,
Устало косы распускала,
И отражение своё
Она ничуть
    не расплескала!

* * *

Зайдя по щиколотки в воду,
Стирала девочка бельё...
Дай, бог, хорошую погоду!
Не замочи подол её!

Убога ведь и так бедняжка –
Лодыжки в уровень колен,
А вместо рук звенит медяшка.
Наследственность? Немецкий плен?

О мелкотемье злую фразу
Редактор как-то отпустил,
А сам бельё своё ни разу,
Поди, руками не месил.

Бесчувственный! Сухарь!! Отродье!!!
А у меня к бедняжке жалость, –
Тут виновато мелководье, –
Бельё-то – грязное осталось...

11.07.1987 г.

Виктор Коротаяев

О С Е Н Н И Й   Г У Л

Шумит осинник по старинке,
Коровы хрумкают в логу.
Как опрокинутые кринки,
Темнеют копны на лугу.

Я примирён опять со всеми,
И снова еле дышит грудь,
И, может, самое бы время
Прилечь под холмик
И уснуть.

Но позабудь себя, попробуй,
Когда послышится вдали
Тот угрожающий,
Недобрый,
Неукротимый гул земли.

Как будто там, в самой утробе,
Почуяв холод наконец,
Рычит в своей последней злобе
Июлем сваренный свинец...

О С Е Н Н И Й Ш У М

Виктору Коротяеву

Шумел камыш, как в старой думке,
Коровы хрумкали в логу,
Как опрокинутые рюмки,
Стояли копны на лугу.

Я примирён опять со всеми,
И снова еле дышит грудь,
И может, самое бы время
Ещё полшкалика
Хлебнуть.

Но позабудь себя – попробуй,
Когда послышатся шаги
Жены,
И голосом недобрым
Она рычит мне: «Не моги!»

Как будто там, в утробном горне
Клокочет плавленный свинец.
...А у меня от страха в горле
застрял солёный огурец...

13.07.1987 г.

Глеб Семёнов

* * *

Край отчий. Век трудный. Час лёгкий.
Я счастлив. Ты рядом. Нас двое.
Дай губы, дай мокрые щёки.
Будь вечно – женою, вдовою.

Старухой – когда-нибудь – вспомни:
так было, как не было позже.
Друг милый. Луг нежный. Лес тёмный.
Звон дальний. Свет чудный. Мир божий.

Ты дед. Я старуха. Не спится.
Ты дрыхнешь. Ты пьян. Как обычно.
Как тихо. Боюсь шевелиться.
Вдруг вспомнилось... Помню отлично.

Ты юн. Я юна. Запах хвои.
Трава шелестит. Даль туманна.
Час ночи. Зов плоти. Нас двое.
Дрожь рук. Середина романа.

Так было. В ту ночь. И не позже.
Свет лунный. Ты близко. Крик галки.
Мы рядом. Мы вместе. О, боже!
Лес редкий. Три ёлки. Две палки.

19.07.1987 г.

Юрий Беликов

ПЕЙЗАЖ С БАСКЕТБОЛОМ

Сосны – словно баскетболисты.

В тучах скрыты у сосен лица.
Лишь бегут, напряжённые и знойные,
длинные ноги, красные ноги!
Сосны делают перебежку
и друг другу бросают белку!
Брежат шишки у них в размахе,
как соски сквозь зелёные майки.
Пас налево. Удар о землю.
Куролесающей каруселью
ходит рыжий мяч баскетбольный.
Ясень – тренер в команде хвойной.

Сосны – словно эпилептички.
В волосах у них вошки-птички.
Так лохматы волос этих прядки,
словно был припадок на грядке.
И зелёны их постные личики,
и мохнаты их драные лифчики.
Только шишки торчат без утайки,
как соски сквозь зелёные майки.
Ноги красные и напряжённые.
Может, сосны к тому ж прокажённые?
Ветки-руки в сплошной коросте –
не лишай ли стригущий в росте?
А из ранок-царапин порой
вытекает смола, как гной...

А под соснами кустиком плотненьким
яшень смотрится – медработником.

20.07.1987 г.

Игорь Шкляревский

* * *

Я знаю радость – не дойти до цели,
каких-то десять верст не дотянуть
до водопада, где стоят форели,
тяжёлые и скользкие, как ртуть.

Цвели луга, я корчился от боли.
И зной звенел, но тряс меня озноб...
Я пропадал, как лодка на проколе,
как в городе осеннем – хлебобоб!

О, водопады синей Калевалы,
желанных встреч небесный холодок
и юности восторженные планы...
Владею всем, чего достичь не смог!

* * *

Чертополох цветёт во рву.
И жадно пёс облезлый рыщет.
Одну из тысячи траву
свою спасительную ищет!

Мне повезло. В свой грустный план
меня больница не вписала.
Быть может, ночью в мой стакан
лесная бабочка упала..

* * *

Хорошо на душе, не спокойно.
.....

* * *

Как хорошо, что мне сегодня плохо.

Душа болит и ноет. Благодать!
Болит живот, как будто от гороха.
Люблю, когда приходится страдать!

Вчера ходили с другом на рыбалку,
но, к счастью, не дошли ещё пока.
Зато – о радость! – я свалился в балку:
поломаны и рёбра и рука.

Цвели луга. Блаженствуя от боли,
в канаве вверх ногами я лежу.
Всё тело в яме, ноги – в чистом поле,
а по лицу ползёт навозный жук.

Мой друг назад – за медициной мчаться,
а я в ознобе... Счастлив – хоть кричи!
Приехали часов через пятнадцать
на белой «скорой помощи» врачи:

– У вас тяжёлый случай. Но, клянёмся, –
в больнице нету мест. Лежите тут.
А послезавтра мы сюда вернёмся. –
И наложили мне на рёбра жгут.

Я знаю радость – не дойти до цели,
блаженный миг – лететь в канаву вниз!
И вы понять, конечно же, сумели –
Шкляревский Игорь – просто мазохист!

24.07.1987 г.

Николай Асеев

* * *

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

Я тебя запомнил докрепка,
ту, что много лет назад
без упрёка и без окрика
загляделась мне в глаза.

Я люблю тебя, ту самую –
всё нежней и всё тесней, –
что назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне.

Ту, что шла со мной и мучилась,
шла и радовалась дням
в те года, как вьюга вьючила
груз снегов на плечи нам.

В том краю, где сизой заметью
песня с губ летит, скользя,
где нельзя любить без памяти
и запеть о том нельзя,

где весна, схватившись за ворот,
от тоски такой устав,
хочет в землю лечь у явора,
у ракитова куста.

Нет, не сила и не качество
молодых твоих волос, –
ты всему была заказчица,
что в строке отозвалось!

Не за пышное количество

золотых твоих волос
полюбил Твоё Величество
не на шутку, а всерьёз.

Я тебя запомнил докрепка –
как другие – не орала,
без упрёка и без окрика
ты за мною зашагала.

Не за крепость, не за качество
молодых твоих грудей
полюбил твои чудачества,
от тебя хочу детей.

А люблю за то, наверное,
что уже который год
щи с говядиной на первое,
на второе – антрекот.

Я стихи читаю шёпотом –
улыбаешься, кивая.
Тихо в доме... Хорошо-то как,
что жена – глухонемая.

28.07.1987 г.

Юнна Мориц

* * *

То ли плеск, то ли бульканье зяблика,
То ли вздох, то ли блик, то ли всхлип, –
То ли в облачной области яблока,
То ли в зарослях ветреных лип.

Это слышимо в полночь и в утренник,
На прохладе и в душной глуши.
Что за птица, какой целомудренник
Этот голос извлёк из души?

Возникает и в лодке, и в поезде.
Шла за хлебом – и слышала вслед,
И растратила молодость в поиске,
Обнищав на обратный билет.

А вчера – до новинок охотница –
Уверяла подружку одну,
Что душа моя вечно находится
У какого-то звука в плену.

* * *

То ли плеск, то ли бульканье зяблика,
То ли скрип, то ли хруст сухаря,
То ли в зоне Адамова яблока,
В кадыке, без прикрас говоря,

То ли ниже – глухое урчание,
Всхлипы, шелесты, хрюканье, свист,
Скрежетанье, бурчанье, журчание,
То ли шейк, то ли брейк, то ли твист.

А недавно – последние новости –
Звуки явственны, только робки
Появились вдруг в облачной области
Нижней четверти толстой кишки.

Лишь вчера – до новинок охотница,
Поняла, наконец, что к чему:
Это стих из меня так и просится!
Я, пожалуй, касторки приму...

19.06.1987 г.

Булат Окуджава

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

Забудешь первый праздник и позднюю утрату,
когда луны колёсико затренькает по тракту,
и силуэт совиный склонится с облучка,
и прямо в душу грянет простой романс сверчка.

Пускай глядит с порога красотка, увядая,
та гордая, та злая, слепая и святая...
Что – холод её ручек? Что – жар её перин?
Давай, брат, отрешимся.
Давай, брат, воспарим!

Жена, как говорится, найдёт себе другого,
какого-никакого, как ты недорогого.
А дальняя дорога дана тебе судьбой,
как матушкины слёзы, всегда она с тобой.

Покуда ночка длится, покуда бричка катит,
дороги этой дальней на нас обоих хватит.
Зачем ладонь с повинной ты на сердце кладёшь?
Чего не потеряешь – того, брат, не найдёшь.

От сосен свет целебный, от неба запах хлебный,
а от любви бледной сыночек будет бедный,
а дальняя дорога...
а дальняя дорога...
а дальняя дорога...

* * *

Та дальняя дорога, скажите, ради бога,
Чего нам ждать от трассы – свободы иль острога?
Не приведёт дорога к дням горестных утрат?
В конце концов, шоссе это, или Сибирский тракт?

А дальняя дорога уводит от порога...
В окно глядит красотка, немного кривонога,
На левый глаз слепая, а, в общем, – ничего.
Давай-ка, брат, решимся.
Давай-ка, брат, того...

Жена, как говорится, найдёт себе другого –
Таких, как ты, брат, много, добра недорогого.
А дальняя дорога – она чем хороша?
Отъехал от порога – и – веселись душа!

Покуда длится ночка, покуда катит бричка,
Покуда светит свечка и не погасла спичка,
Гуляй, куда гуляешь, иди, куда идёшь!
Чего не потеряешь, того, брат, не найдёшь!

От неба запах хлебный, от бабы дух целебный,
А от жены законной сыночек будет бледный.
Давай-ка, брат, решайся – смотри, красотка ждёт.
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
А дальняя дорога...
Она, брат, не уйдёт!

25.06.87г.

Михаил Дудин

ХОЛОДНОЕ УТРО ЦХАЛТУБО

На пиниях иней,

как маска на скулах врача.

И очерк горы. И за нею в бездонности синей

Плывут облака, на холодном ветру клокоча.

И пар над провалом. И иней не падает с пиний.

Согрей моё сердце и скорбные руки скорей.

Здесь колются звёзды и ночи безжалостно долги.

Согрей их приветом, далёким дыханьем согрей.

И сдунь, словно иней, со старого сердца иголки.

Не сердце, а кактус растёт, распускаясь в груди,

И давит на рёбра и гасит ночные светила.

Ты памятью в память скорее ко мне приходи,

Как в жизни и смерти спасеньем ко мне приходила.

Я жду тебя, слышишь! За горной гряды перевал

Летит моё слово, а ветер холодный нахрапист,

Его оборвал, и обвалом под камни – в провал.

Ни слова. Ни эха. Кончается ночи анапест.

Я жду тебя, слышишь! Гремит водопад, клокоча,

И тень от горы закрывает в тумане долину.

На пиниях иней, как маска на скулах врача.

Я выйду в ущелье. Я каменных гор не раздвину.

Я вслушаюсь в утро, как мальчик в плохие стихи.

Как в грубый подстрочник, который не ждёт перевода.

На пиниях иней. В Цхалтубо поют петухи,

И запахом хлеба спокойная дышит природа.

Римма Казакова

Опять, как на машине гоночной,
несусь за вами, чудеса,
и абрикосовую горечью
запахли майские леса.

Как водолазы, грубо вжатые
в скафандры жёсткие свои,
там набухают почки жадные
от воздуха и от любви.

Там розовенький и хорошенький
до одуренья ни к чему,
грибок взошёл на нитке-ноженьке,
и сладко дышится ему!

О вёсны, реки пограничные.
Летит опасная вода...
Поклон вам, листья земляничные
за то, что мыло – ерунда.

Поклон и муравью и ёжику,
и воробьям, орущим сбор,
и даже местному художнику
за непропущенный забор.

Я и сама, от вишен светлая,
на травке светлой и тугой
малюю что-то несусветное
незагорелую ногой.

Я, молодая и проворная,
хотела танцевать и петь.
Хотелось что-нибудь задорное
в своих стихах запечатлеть.

И вот приехала в деревню я...
Плетень, ограда, тын, забор,
моя калитка очень древняя –
о вас и будет разговор.

За вами – плотно в землю вжатый
деревьев тесный хоровод,
словно троллейбусный вожатый
в час пик, к тому же в гололёд.

Там пёсик приторно-хорошенький,
обнюхав сочетанье трав,
стоял на тонкой белой ноженьке,
другую к небу приподняв.

А вы, заборы пограничные
вокруг ухоженных дворов,
храните огороды личные
от посягательства коров.

Поклон вам, вымокшим под дождиком!
Привет!.. и дружеский укор
дурному местному художнику
за непропущенный забор.

На нём словечко на три буквы
он написал, мальцов кумир...
Вы что надулись, словно буки?
Не бойтесь, это слово – «МИР»

Я и сама люблю ногою,
ну, в крайнем случае, рукой
писать о чём-нибудь такое,
чтоб мир пронять тугой строкой.

Бордовым медленным голавлем
садится солнышко за бор.
Я вас люблю, ценю и славлю,
плетень, ограда, тын, забор!

И я пишу стихи заборные
в свой звёздно-предзакаанный час!
А вас, дворовые уборные,
прославлю в следующий раз...

09.06.1987 г.

Яков Козловский

С Л О В А

Слова умеют плакать и смеяться,
Приказывать, молить и заклинать.
Горячей кровью страстно обмываться
И равнодушно холодом дышать.

Добры они бывают и жестоки,
Таят пороки помыслов людских,
Негромко изрекают их пророки,
А торгаши выкрикивают их.

Со сцены королевский пересмешник
Ещё словами потрясает всех.
Их горько шепчет кающийся грешник
И сладко шепчет, кто впадает в грех.

Призывом стать, и отзывом, и зовом
Способно слово, изменяя лад.
И проклинаят, и клянутся словом,
Напутствуют, и славят, и чернят.

И прежний смысл вдруг обернётся новым:
То «Лист опал», то «Глянь, какой опал!»
И тот велик, кто не мечом, а словом
Брал крепости и земли покорял.

С Л О В А

Якову Козловскому

Слова умеют плакать и смеяться,
А напади на фразу слово «грипп» –
Они могли бы кашлять и сморкаться,
И бюллетенить, видимо, могли б.

Слова лапшой свисают с уст младенца,
Фонтаном из оратора струят...
В одних словах есть мягкость полотенца,
В других – и лёд, и мёд, и йод, и яд!

Чревовещатель держит их в желудке,
Козловский Яков – в книжке записной,
А старшина орёт их на побудке,
И пишет писарь, если волостной.

Словами сочиняют – фантазёры,
Словами бреют – злые языки,
Словами лечат – те ж гипнотизёры,
И даже пишут, иногда, стихи.

Печаль с тоской в единое сливают,
Как воробья пытаются поймать,
А при склерозе часто забывают,
Стихи же – продолжают сочинять.

Словами жгут сердца – но лишь глаголом,
И проклинаят бремя неудач,
И матерятся, и клянутся... Словом,
У слова многопланов круг задач.

Значенья слов, увы, не перманентны:
То «лист опал», то «композитор Лист»,
То у него опал, опалесцентный,
То нотный лист листает пианист.

Слова порой кусают, словно блохи,
Порою жалят – в сто змеиных жал!

Козловского дела – не так уж плохи:
Ему Гамзатов пару слов сказал.

11.06.1987 г.

Евгений Винокуров

П И Р Ы

На то указывал Гомеру
Нравоучительный Платон:
Кто перешёл однажды меру,
Тот будет вечно посрамлён!

В людские не вмещаясь сроки,
У них не чаша, а ушат!
Всё пьют Гомеровские боги,
Всё жрут, горланят и грешат.

Края одежд, пируя, мочат!
И, жертвенный вдыхая чад,
До неприличия хохочут,
Танцуют, тискают девчат...

Платон – он ужас чует края,
А складки мантии белы,
Глядит он, головой качая,
На бесконечные пиры...

* * *

Платон говаривал Гомеру:

«Уж не с сивухи ты ослеп?
Алкота чёрттов, знал бы меру –
Тебя бы вылечил Асклеп...»

...А боги тоги в чашах мочат,
(У них не чаша, а ушат!),
То гомерически хохочут,
То платонически молчат,

То томно тискают наядок,
Дивяся прелести грудей,
То мудро падают в осадок...
Ну, в общем – всё как у людей.

Платон уже молчит. Он стар –
Одной ногой на крае рая.
Он и не смотрит на нектар
И ест икру, не запивая.

16.06.1987 г.

Василий Казанцев

До соседней деревни не близко.
Чтобы вовремя к школе успеть,
Вышли раньше. Искрится дорога.
Лес чернеется. Светит луна.

В зимнем поле безлюдно и голо.
Скрип шагов раздаётся, как гром.
В зимнем поле затишье и холод.
Мы по белой равнине идём.

Вот охапка зелёного сена –
Под раскатом упала с саней.
Вот блестит на дороге полено –
Кто-то с возом проехал по ней.

Мы бежим. Мы летим. Нас не много.
Предрассветная ночь холодна.
Лес чернеется. Блещет дорога.
В небе тонкая тает луна.

В зимнем поле чернелась дорога
И белел окружающий лес.
Вышли рано. Нас было так мало.
Не хотелось нам в класс опоздать.

Вот охапка зелёного сена –
Видно с возу недавно упал.
Вот блестит в полумраке полено –
Кто-то в санках по ней проезжал.

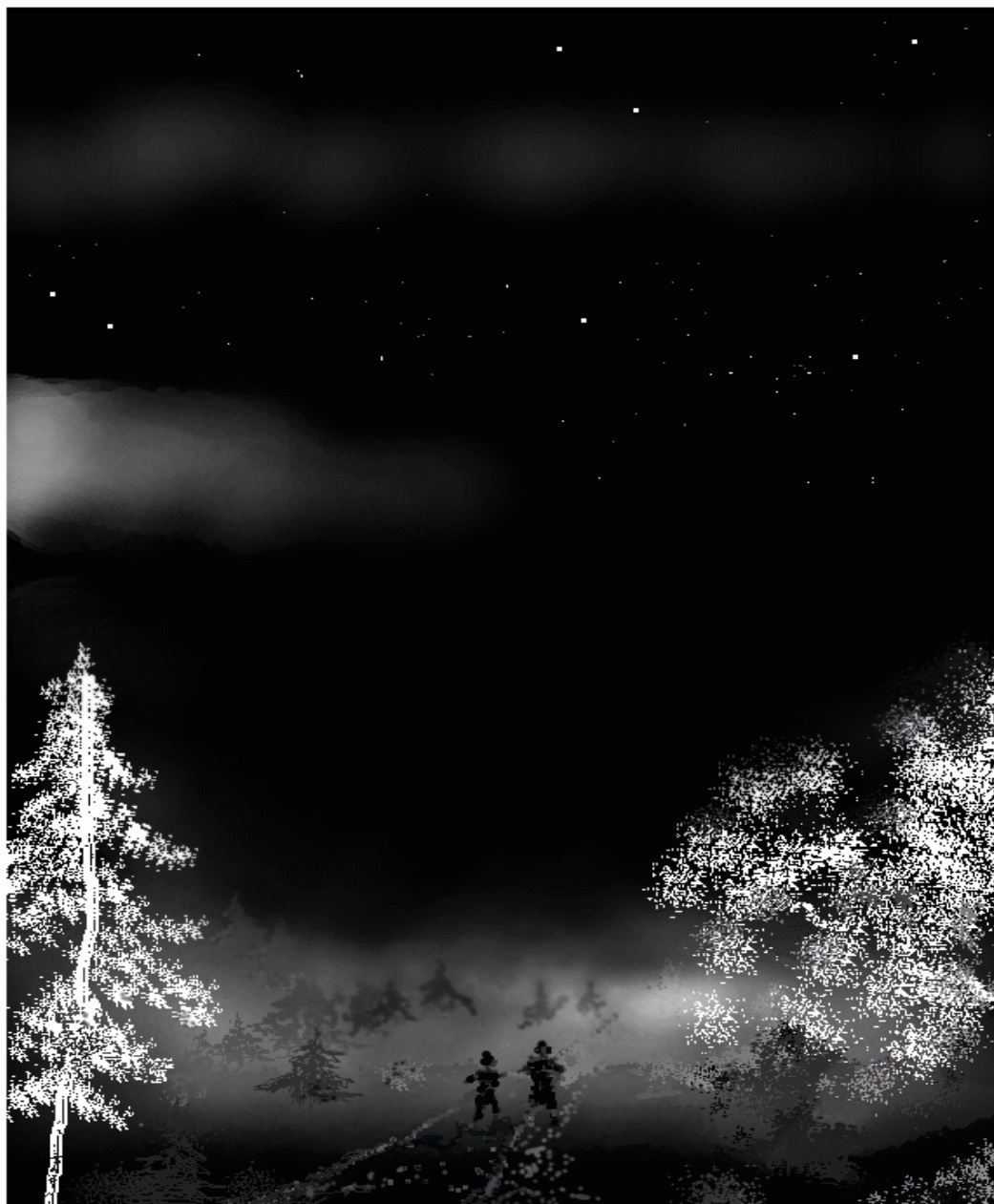
В небе тонкая тает луна.
Я учусь во втором уже классе.
В огороде растёт бузина.
Дядя в Киеве трудится в кассе.

На тропе абсолютно безлюдно.
Нас немного. Мы в школу идём.
Тишина нас гнетёт беспробудно.
Скрип шагов раздаётся, как гром.

Так, со скрипом, я в школе учился.
На пятёрки? Наверное, нет!
Всё ровно из меня получился
Замечательный сельский поэт!

01.07.1987 г.

**Иллюстрация к пародии
«В зимнем поле чернелась дорога...».**

Николай Старшинов

* * *

Где ты, счастье моё большое?

Я топор куплю и пилу –
Стану плотником.
Всей душою
Потянусь к своему ремеслу.

Я досок настругаю к лету,
Чудо-лодочку смастерю
И отправлюсь по белу свету
В направлении на зарю.

В глушь ворвусь.
И начну отселе, –
Для того я и вышел в путь! –
Строить праздничные карусели,
Ладить санки и лыжи гнуть.

Я и впрямь на глухих дорожках
Возведу для своих дружков
Сто избушек на курьих ножках,
Тыщи праздничных теремков!

Не спасись ни тоске, ни грусти
От весёлого топора...
Разулыбится в захолустье
Лопухая детвора.

Но ребят я не избалую,
Не изнежу, не распушу, –
Только силу их удалую
К свету солнечному обращу.

В тесных избах раздвину стены,
Потолки у них подниму,
И самих ребят непременно
Пристращу к ремеслу сему.

...Нет светлей моего удела.
Что за счастье мне принесло
Расторопное это дело,
Просто плотничье ремесло.

* * *

Где ты, счастье моё большое?

Две тетради с полочки купил,
Пару ручек, перо простое,
И большой пузырёк чернил.

Я куплет настрогаю к лету,
Повезёт – смастерю рубаю,
Дань отдам эпиграмме, сонету, –
А то что я? Пилю да рублю...

Надоело, как Пётр Первый
Колотить, подгонять, смолить.
Я ведь плотник, но я не первый,
Кто профессию хочет сменить.

Не спасись ни тоске, ни грусти
От огня моего пера.
Разулыбится в захолустье
Лопухая детвора.

Но детей я не избалую,
Не изнежу, не распущу –
Пристращу их, и про Вторую
Мировую войну напишу.

На простенке избы-читальни
Закрасуется мой портрет
В чьей-то рамке кривой, овальной, –
Больше в хуторе плотников нет.

Нет светлей моего удела –
Что мне плотничанье принесло?
Распрекрасное это дело –
Поэтическое ремесло!

26.06.1987 г.

Павел Сергеев

* * *

Душа коровы не крылата,
Но и, пожалуй, не низка...
Что от коровы людям надо?
Как можно больше молока.
И мяса. Не интересуется
В корове больше ничего, –
Ведь человек всегда рисует
Подобье взгляда своего.
А, может, эта вот корова,
Нагруженная молоком,
Совсем не так уж бестолкова
И тоже смыслит кое в чём?
И если вникнуть в жизнь коровы,
То станет стыдно за людей,
Которые служить готовы
Лишь ради выгоды своей.

* * *

Душа коровы высока.
Она, пожалуй, и крылата –
Ведь сколько за год молока
Даёт, не требуя зарплаты!
И разве не интересуется
Вас внутренний коровий мир?
Ведь, может быть, она рисует,
Читает вслух «Войну и мир»...
А может эта вот корова,
Нагруженная молоком,
Предпочитает В.Серова,
Хоть и Коровин ей знаком.
Серов не даром в виде Ио
Её не раз изображал –
Сам Зевс в объятиях игриво
Её однажды подержал.
А разве так уж бестолково
Она отчаянно мычит,
Когда поёт А.Пугачёва.
Когда Кобзон поёт – молчит.
И, если вникнуть в жизнь коровы,
То станет стыдно за людей:
Мычать-то все у нас здоровы,
Стихи писать – куда трудней.

24.06.1987 г.

Александр Кухно

* * *

Снегирь! Ловлю тебя на слове,
ты зарифмован, как стихи,
февральской стужей на изломе
с ветрами майскими, снегирь!

Зачем на ветке конопляной,
перечеркнувшей снежный холм,
раскачиваешься, как пьяный,
чужим растроганный стихом?

* * *

«**О**, коростель! Тебя на слове

Кухно в болоте изловил,
Но не жаркое изготовил, –
Стихотворенье сочинил.

У Саши не было корысти,
Ты, коростель, его прости,
Что он держал тебя в корыте,
И рифмовал тобою стих.

Он рифмовал тебя с метелью,
С постелью нежно рифмовал,
А после, срифмовав с постелью,
Улёгся спать на сеновал.

Хоть рифмы были скорострельны, –
Ты не в коросте, коростель.
Ведь даже люди скороспелы
В эпоху бурных скоростей!

Но что-то очень похудел ты –
Отстали перья от костей,
Твои коростелята желты.
Так что случилось, коростель?

Быть может вы давно не ели?» –
Он еле слышно отвечал:
«Мы без лягушек две недели.
Их всех Кухно зарифмовал»...

16.06.1987 г.

Вадим Шефнер

ВСТРЕЧА

Говорят, что плохая примета –
Самого себя видеть во сне.
Прошлой ночью за час до рассвета
На дороге я встретился мне

Был загадочен и непонятен
Деловитый и строгий старик.
На вопрос мой: «Куда ты, приятель?»
Промолчал одинокий двойник.

Он шагал к рубежу небосвода,
Где осенняя гасла звезда,
И жалел я того пешехода,
Как никто не жалел никогда.

* * *

Прошлой ночью за час до просыпу

На дороге я встретился мне.
Был я в возрасте лёгкого скрипу
В пояснице, суставах, спине.

Мне понравился мой внешний облик,
Деловой и загадочный лик –
Я меня за плечо нежно обнял:
«Ну, пойдём шендарахнем, старик!»

Мне ответил я твёрдо и строго:
«Я давно завязал... навсегда!»
И жалел я меня, молодого,
Как никто не жалел никогда.

02.07.1987 г.

Владимир Бейлькин

* * *

Когда железка и магнит
В объятия бросились друг другу,
Я вострепел, как с испугу:
Какая их связала нить?

И оглянулся я невольно
На мир у замерших дверей,
Хотя я знал, что это волны
Никем не видимых полей...

Листва мерцала, точно сито,
Но почему-то снова в дом
Меня тянуло как магнитом,
К девчонке в платье простом!

Я до сих пор её не понял!
Но всё мне кажется: не зря
Мы целовались с нею в поле,
В магнитном поле пустыря!

* * *

Попал я в сферу притяженья
Твоих невидимых полей –
И началось моё движенье
К тебе, чем ближе, тем быстрее.

Я сравнивал себя с магнитом,
Тебя с железкой, но – шалишь! –
Таким сравненьем неизбежным,
Увы, всего не объяснишь.

Всё возрастает ускоренье,
Остановились времена...
Центростремительным движеньем
Уже вселенная полна!

И, вдруг, я понял что за сила
Меня к тебе влекла! Ура!
Я понял, что меня манило!
Наверно, чёрная дыра...

02.07.1987 г.

Владимир Бейлькин

* * *

Не привыкну к тому, что живу,
Как весной, когда сходят созвездья
С высоты на резную листву,
Сад становится белым медведем.

Не привыкну к тому, как Трезор
Отзывается лаем на имя,
Как влекущий меня горизонт
От меня ускользает налимом.

Не привыкну к тому, как в жару
В ледяную прохладу прыгну...
Не привыкну к тому, что живу,
Как к тому, что умру, – не привыкну!

Не привыкну к тому, что весной
Сад становится белым медведем,
Что на дачу мы едем с женой,
А с сотрудницей снова не едем.

Не привыкну к тому, что Полкан
Каждый раз отвратительно лает,
И, нагнувшись к земле, как баран,
Меня за руку больно кусает.

Не привыкну, что жинка моя,
Когда в полночь домой возвращуся,
Превращается из воробья
В разъярённо шипящего гуся.

Не привыкну к тому, что в жару
Нет в киоске холодного пива.
Не привыкну к тому, что умру.
А что жив до сих пор – эко диво!

02.07.1987 г.

Александр Решетов

* * *

Мне теперь не так уж много надо.

Собирать не собираюсь дань.
Я теперь встречаю как награду
Перелесочную глухомань.

Вот звезда, что первой засветилась,
Вот осинник шепчет в полутьму...
Это предки благодать и милость
Дарят мне – потомку своему.

* * *

Уж не жду от жизни ничего я,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Я б хотел свободы и покоя.
Я не буду больше молодым.

Мы теперь уходим понемногу,
И звезда с звездою говорит,
Может быть, и скоро мне в дорогу –
Сквозь туман кремнистый путь блестит.

Жизнь моя, быть может ты приснилась?
Что случилось? Толком не пойму!..

Это предки благодать и милость
Дарят мне – потомку своему.

03.07.1987 г.

Арсений Тарковский

* * *

Ничего на свете нет,
Что мне стало бы родней,
Чем летучий детский бред
Нищей памяти моей.

И опять звенит в ушах,
Мир гремит, но мне слышней
Слабый шелест, лёгкий шаг,
Голос тишины моей.

Я входил в стеклянный дом
С белой бабочкой в руке,
Говорил я на чужом,
Непонятном языке.

Бабочка лежит в снегу,
Память бедную томит, –
Вспомнить слова не могу,
Только звон в ушах стоит.

1933

* * *

Бабочка здесь не при чём,
И не надо горьких слёз –
Это слово ни о чём
Называется «склероз».

24.07.1987 г.

Арсений Тарковский

* * *

Я руки свои отморозил
На холоде зимнем твоём.
Я душу свою молодую
Убил непосильным трудом.

В натопленной комнате больно
Распухшим и грубым рукам, –
А всё ещё веришь невольно
Томительным, глупым стихам.

Во сне мне явился ребёнок,
Обиженный мальчик пришёл,
Игрушка из детских ручонок
Упала на крашеный пол.

1937

* * *

Как видно, и детскую ручку
Суровый мороз прихватил.
Я поднял с трудом авторучку
Со слитком застывших чернил.

Я вытер игрушку о скатерть
И подал её малышу.
«Не надо, – сказал он, – оставьте,
Я глупых стихов не пишу».

24.07.1987 г.

Валерий Брюсов

МЫШИ

В нашем доме мыши поселились

И живут, и живут!
К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.

То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят:
Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.

Утром выйдешь в зал, – свечу объели,
Масло в кладовой,
Что поменьше утащили в щели...
Караул! разбой!

Свалят банку, след оставят в тесте,
Их проказ не счесть...
Но так мило знать, что с нами вместе
Жизнь другая есть.

8 января 1899

МЫШИ

В нашем доме поселились мыши.

Сколько их? Не счесть!
И в подполье, и в шкафу, и выше –
Все желают есть.

Съели всё, что можно и часами
Умывают мех.
То клубком катаются пред нами –
Просто свальный грех!

То в глаза уставятся моргая,
И едят свечу.
Лишь одна воскликнула, рыгая:
– Калачу хочу!

Всё вокруг обкакано, разбито –
Выручайте нас!
Из посуды цело лишь корыто,
Таз и унитаз.

Съели две из трёх хороших книжек,
Сочинённых мной,
Но какое счастье, что среди мышек
Ни одной чумной!

Ведь съестное всё уже сожрали –
Нету ни шиша.
Я себе вчера на завтрак жарил
Дохлого мыша.

28.09.2003 г.

Джубан Мулдагалиев

* * *

Без мыслей о поэзии, о боге
Спешило детство, таяло вдали.
С приятелем мы как-то по дороге
В церквушку православную зашли.

Церквушка миром необыкновенным,
Просторным домом показалась мне.
На потолке, и в нишах, и на стенах
Картины проступали в тишине.

Прямые взгляды прожигали душу,
Мальца в грехах неведомых вина.
Приятель спохватился и наружу
Извлёк поспешно за руку меня.

Промчался год. Я удивился, право,
Не в церкви – в школе увидав портрет...
А бог был молод, волосы курчавы,
В глазах живых – задумчивости свет.

– Он русский бог?
Я смело вопрошая,
Пытался разобраться что к чему.
Учитель стал серьёзным:
– Что ж, пожалуй!
Хоть сами боги не чета ему!

Проходит время. Не прельщённый раем,
Я не хожу ни в церковь, ни в мечеть.
Икон старинных мы не собираем,
Казахам трудно в этом преуспеть!

Что мне Коран, что библия,
От жженья
Моей души они не исцелят.
Я поклоняюсь богу вдохновенья,
Увиденному сорок лет назад.

Он шествует по солнечным дорогам,
Аулы, степь, поэзию любя.
Прости, о Пушкин,
За сравнение с богом –
Но с чем ещё я мог сравнить тебя?!

Перевёл с казахского **Вл. Савельев**

Иллюстрация к стихотворению Джубана Мулдагалиева
«Без мыслей о поэзии, о бoге...».

* * *

Джубан Мулдагалиев, вы не правы,
Что с богом Пушкина сравнить решили вы.
Ведь бог творил, увы, не ради славы,
Не ради светской, суетной молвы.

Для бога Пушкин, право, слишком чёрен,
Кудряв, любвеобилен, нагловат,
На эпиграмму пошлю проворен,
А на расправу малость трусоват,

Самолюбив, порою даже слишком,
Заносчив, ядовит, упрям, как бык.
Его, конечно, не обидел бог умишком,
И без костей вложил в него язык.

Он жёг сердца глаголом, это верно,
Свободу воспевал и был тем очень горд,
Но, если с кем сравнить его, наверно,
А.Пушкин – это тот же самый чёрт!

29.06.1987 г.

Из цикла "Экспериментальное"

Эдуард Холодный

* * *

...И может статья: Пушкина не станет,
Метели не одну свечу задуют,
И ветры будут рвать литые кроны,
А молнии терзать стволы дубов...
И пусть никто не думает, что это –
Игра воображения, и только:
Уже сегодня угасают свечи
И по лесам разбросаны стволы...

* * *

...И может статья: Пушкина не станет,
Волчица выть всю ночь не перестанет,
Метели не одну свечу задуют,
И лешие тропинки заколдуют,
И ветры будут рвать литые кроны,
И каркать на пожарищах вороны,
А молнии терзать стволы дубов...
Мы помним это, и сюжет не нов.
И пусть никто не думает что это –
Досужая фантазия поэта,
Игра воображения и только,
Горячечные бредни алкоголика:
Уже сегодня угасают свечи,
И замолкают праздничные речи,
И по лесам разбросаны стволы...
Мы помним это. Помните ли вы?

21.06.2004 г.

Владимир Ланг

* * *

Крики дикие кряквы дохнущей
Раскроили на части тишь.
Капли крови, под солнцем сохнущей,
Обагрили густой камыш.

У охотника сердце колотится,
Состраданьем искривлен рот.
Человек на уток охотится.
Хорошо, что не наоборот.

И упала она, изранена,
На излёте прервав полёт.
Жаль, конечно, что не баранина,
Но на ужин...
... – ничтяк, сойдёт!

Я на этом поставил точку,
И пути обратного нет.
Интересно, а как эту строчку
Завершил бы другой поэт?

Елена Гуро

(**Но** на ужин...)

Утя
Уточка-утёночка,
Селезёночка моя, сизелёночка
Пузичко твоё дробинками нашпиговано
Пуся...

Владимир Набоков

(**Но** на ужин...)?.. Вздохнул. Потянулся.

Закурил. Помолчал. Затянулся
И отрезал: «Иван! На лёд!»

Белла Ахмадулина

(**Но** на ужин...) – Убил! Урод!

Александр Пушкин

(**Но** на ужин...)

Дрянь чирок, но с бордо – пойдёт!
Я разбужен!

Николай Клюев

(**Но** на ужин...) ... Эстет лохматый!

Ты пошто грабанул чирка-то?
Это я его грохнул! Вот!

Марина Цветаева

(**Но на ужин...**)...Он нужен! – Нужен? –
Неужели он так простужен? – Не идёт! –
А ещё он с Ахматовой дружен...
А на ужин у нас компот!

Николай Рубцов

(**Но на ужин...**)...А с пивом? – Идёт!
Правда, лодка совсем сгниёт...
У меня, вот, ещё таранина
И огурчик – сосед продаёт!

Зинаида Гиппиус

(**Но на ужин...**)...О, Боже! Боже!
Но за что же её, за что же?
О, какой невысшимый год!
Под стволы подвернулась, небрежная,
Несказанная, юная, нежная,
Посолить, поперчить – и в рот!

00

Сергей Есенин

(**Но на ужин...**)...Который год
Вспоминаю я удаль вольную,
Ширь привольную, песнь застольную
Нашу свадьбу небезалкогольную...
Но, позвольте, а кто не пьёт?

Иван Бунин

(**Но на ужин...**) приду в чёрном фраке:
Будут Божьи очи во мраке
За едой наблюдать с высот!

Алексей Толстой

(Но на ужин...)...Здесь что? Ну вот!

Ну, какой же вы дрянью питаетесь,

И меня отравить пытаетесь.

Ну, купили б, хотя бы, шпрот!

Николай Заболоцкий

(Но на ужин...) пришёл народ.

За рекою звезда потухла...

– Ну, давайте, пока не протухло,

Это всё же паштет, не помёт!

Владимир Жириновский

(Но на ужин...)...Пускай не врёт!

Никакой этот Ланг не охотник.

Он не вышел вчера на субботник!

От таких только пук и стук –

Однозначно, таких – на тук!

21 04.2004 г.

СТИХОТВОРЕНИЕ XXI В.

Переменился ветер на северный Норд-Ост,
А мне в письме невестином, обсопленном от слёз,
Вернувшись возвратилось инвертной ревертазой
Коль цоколь, цоколь, цо? кольцо!

с постскрипнувшею фразой:

«Сгубили, били, били, и по губам, я баю –
И мачеха, и новый муж и вот – я погибаю
Невестой неневестной, весталкой, Вестой, веткой,
Надломленной, изломленной, избитою невесткой».
Я весточкой невестиной, повеса, огорчённый,
Поджог своё имущество и новоиспечённый
Роман в шести частях с прологом, эпилогом...
– Маман! Я весь зачах, я ухожу!
– Ну, с Богом!
– А ты кольцо, кольцо, кольцо, коль цоколь уцелел,
Продай крутым домишко, скажи Иван велел.
Сама же в богадельню, коль подопрёт, ступай.
С меня ж подпорка слабая – без бабы я. Ба-бай!

10.03.2003 г.

Борис Пастернак

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е   П О Э З И И

Это – круто налившийся свист,
Это – щелканье сдавленных льдинок,
Это – ночь, леденящая лист,
Это – двух соловьев поединок.

Это – сладкий заглохший горох,
Это – слезы вселенной в лопатках,
Это – с пультов и флейт – Фигаро
Низвергается градом на грядку.

Все, что ночи так важно сыскать
На глубоких купаленных доньях,
И звезду донести до садка
На трепещущих мокрых ладонях.

Площе досок в воде – духота.
Небосвод завалился ольхою,
Этим звездам к лицу б хохотать,
Ан вселенная – место глухое.

ЕЩЁ ОДНО ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Это – дар скуповатых богов,
Это – с рифмою ритм поцелуя,
Это – рог для лишённых рогов,
То, чем живы поэты, рифмуя.

Это – шорох сухих камышин,
Это – грозы, морозы, берёзы,
Это – с розой хрустальный кувшин,
Плотный сгусток рифмованной прозы.

Это – нервов и слова моток,
Это – волны! Не струечки в душе.
Это – рифмы бурлящий поток,
Гипнотически льющийся в души.

Это – Фигаро пультов и флейт,
Это – средство от скуки и стрессов,
Это – пошлости твёрдое «нет!»
И «бум-бумам» крутых мерседесов.

Это – плоской доски духота,
Это – сладкое слово свободных,
Это – местной тоски глухота,
И ольха у руин небосводных.

Это – хитрое звезд «хи-хи-хи!»
Это – сладость заглохших горошин,
Это – часто плохие стихи,
Но и радость от редких хороших!

Это – Пушкин, Есенин и Блок,
Это – воз щуки, лебедя, рака,
Это – «Осень», «Цветок», «Хуторок»
И подземная часть Пастернака!

21. 05.2004 г.

Лев Мей

* * *

О ты, чье имя мрет на трепетных устах,
Чьи электрически-ореховые косы
Трещат и искрятся, скользя в руках впотьмах,
Ты, душечка, ответь мне на вопросы:

Не на вопросы, нет, а только на вопрос:
Скажи мне, отчего у сердца моего
Я сердце услышал, не слыша своего?

Конец 1840-х или начало 1850-х годов

Зинаида Гиппиус

...**О** следующем стихотворении Сологуба помню только, что было оно написано мастерски, в удивительном ритме.

А кто знает здесь его строки, такие загадочные и таинственные, что даже духовные цензора (в журнале «Новый путь») долго сомневались, пропускать ли их:

Водой спокойной отражены,
Они бесстрастно обнажены
При свете тихом ночной луны.
Два отрока, две девы творят ночной обряд...

Эти стихи были специально выучены мною наизусть – чтобы дразнить В.В.Розанова. Он от них в ярость приходил.

Стопами белых ног едва колеблют струи
И волны, зыбляся у ног, звучат, как поцелуи...

– Ерунда, чепуха! – сердился Розанов, – какие это поцелуи?

Огонь, пылавший в теле, томительно погас,
В торжественном пределе настал последний час...

– Да вы скажите, сколько их, сколько их? Двое или четверо? «Отражения в воде видны»...значит, двое?

Стопами белых ног, омытыми от пыли
Таинственный порог они переступили...

Этот «порог» и «предел» приводили Розанова в особый раж. Непременно желал Знать, что это такое. Однако... Сологуба спросить не решался. ...

* * *

Стопами белых... Стоп!

Не о ногах здесь речь.
Стихи здесь льются, чтоб
Лишь нравственность сберечь.

Стопами строф, не ног,
Сказать хочу я
О том, какой порог
Я здесь почувал.

Порог, а не порок
В торжественном пределе.
Речной, речной порог.
А девушки – при теле!

Пока тут не дошло
До истинного дела?
Подпёрло? Подошло?
До самого предела?

Тогда охолонитесь
Водицею студёной –
Воды гигиеничность
Знал сам Семён Будённый!

Полезность струй речных
Холодных и проточных!
Ты понял, что мой стих
О девах непорочных,

Чья плоть, как и душа
Невинна и чиста
Средь волн и камыша
У старого моста?

Послушай сам о чём
Там шепчут тихо губки –
Узнаешь, что почём.
Так вы о чём, голубки?

«А мы о том, что мы –
Сама сплошная нега:
Изящны и стройны,
И грудь белее снега.

Стопами белых ног
Мы глади волн целуем,
Сплетаем мы венок
Речным прохладным струям,

Тем, что лобзают нас
В интимном месте,
И не лишают враз
Ни нежности, ни чести.

Не то, что мужики –
То брань, то пьянки.
Вы – грубы и дики!
Мы любим – лес, Бианки...»

28.05.2004 г.

Николай Гумилёв

Тебе бродить по солнечным лугам,
Зеленых трав, смеясь, раздвинуть стены!
Так любят лнуть серебряные пены
К твоим нагим и маленьким ногам!

Весной в лесах звучит веселый гам,
Все чувствуют дыханья перемены;
Больны луной, проносятся гиены,
И пляски змей странны по вечерам.

Как белая восторженная птица,
В груди огонь желанья распая,
Проходишь ты, и мысль твоя томится;

Ты ждешь любви, как влаги ждут поля;
Ты ждешь греха, как воли кобылица;
Ты страсти ждешь, как осени земля!

Весной 1909 г. Н. Гумилёв отослал свой сонет Е. Дмитриевой, которая написала ответ и оба сонета отослала М Волошину, который дал третье произведение. Задача писавших была: использовать те же рифмы, стараясь избегать в каждой строфе одинаковых слов.

По воспоминаниям участников «Цеха поэтов» и многочисленных литературных студий, возглавляемых Николаем Гумилёвым, они часто, после разборов отдельных произведений и взаимной критики, играли в литературные игры. Одна из этих игр – написать стихотворение заданной формы на заданные рифмы. Одно из первых такого рода состязаний у Н.Гумилёва связано с именами Е.Дмитриевой и М. Волошина.

Елизавета Дмитриева

ОТВЕТ НА СОНЕТ Н. ГУМИЛЁВА

Закрыли путь к некошеным лугам

Темничные, незыблемые стены;
Не видеть мне морских опалов пены;
Не мять полей моим больным ногам,

За окнами не слышать птичий гам,
Как мелкий дождь все дни без перемены,
Моя душа израненной гиены
Тоскует по нездешним вечерам.

По вечерам, когда поет Жар-птица
Сиянием весь воздух распаля,
Когда душа от счастья томится,

Когда во мгле сквозь темные поля,
Как дикая степная кобылица,
От радости вздыхает вся земля...

Максимилиан Волошин

СЕХМЕТ¹

Влачился день по выжженным лугам.
Струился зной. Хребтов синели стены.
Шли облака, взметая клочья пены
На горный кряж. (Доступный чьим ногам?)

Чей голос с гор звенел сквозь знойный гам
Цикад и ос? Кто мыслил перемены?
Кто с узкой грудью, с профилем гиены
Лик обращал навстречу вечерам?

Теперь на дол ночная пала птица,
Край запада лудою² распаля.
И персть³ путей блуждает и томится...

Чу! В теплой мгле (померкнули поля...)
Далеко ржет и долго кобылица.
И трепетом отвечает земля.

1909

---

¹ Сехмет – в египетской мифологии богиня войны и палящего солнца;
изображалась в виде женщины с головой львицы.

² Луда (арх.) – ослепительный блеск.

³ Персть – пыль, прах.

БУРИМЕ В СТИЛЕ «ЦЕХА ПОЭТОВ»

Георгий бродит ночью по лугам –
Его не удержали дома стены.
Он мыслью там, где клочья белой пены
Ромашек беззаботно льнут к ногам.

Горит звезда. Смолкает птичий гам,
И на душе возможны перемены.
Ютятся в ней ещё обид гиены,
И странно бродят в ней по вечерам.

Взовьётся ввысь трепещущая птица,
Азарт охотничий невольно распаля,
Но нет с собой ружья, и дух томится.

Оделись сумраком притихшие поля.
В конюшне спит гнедая кобылица.
Уснёт и он. Усни и ты, земля!

29.04.2004 г.

Владимир Соловьёв

В АЛЬПАХ

Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой.
Зыбкую насыпь надежд и желания
Смыло волной голубой.

Синие горы кругом надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души над землей поднимаются,
Но не покинут земли.

В берег надежды и в берег желания
Плещет жемчужной волной
Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой.

Август 1886

В ТИХОМ ОКЕАНЕ

Чувства немые и мысли инкогнито

Тихо средь круч мы вершим.
Кредо надежд изувечено, погнуто,
Как азиатский кувшин.

Горные пики кругом возвышаются –
Скалы, ущелья, тырса.
Люди спокойно на лыжах катаются,
В общем, творят чудеса.

Сыпятся сели, лавины и оползни
Сверху, как водится, вниз.
Только клесты, попугаи и поползни
Вверх по стволам понеслись.

Горные кручи отвесно изогнуты
Над пенеплем долин.
Чувства немые и мысли инкогнито
Круче кручёных вершин!

01.06.2004 г.

Арсений Тарковский

ВТОРАЯ ОДА

Подложи мне под голову руку

И восставь меня, как до зари
Подымала на счастье и муку,
И опять к высоте привари,

Чтобы пламя твое ледяное
Синей солью стекало со лба,
И внизу, как с горы, предо мною
Шевелились леса и хлеба,

Чтобы кровь из-под стоп, как с предгорий
Жарким деревом вниз головой,
Каждой веткой ударилась в море
И несла корабли по кривой,

Чтобы вызов твой первый – сначала
Прозвучал и в горах не затих...
Ты в созвездья других превращала,
Я и сам из преданий твоих.

1967

* * *

«**Подложи** мне под голову руку

И восставь меня, как до зари
Подымала на счастье и муку,
И обратно опять водвори,

Чтоб не слышать, как мокрый я ною
В ледяной простыне, никогда,
Чтобы вниз, как с горы, подо мною
Заструилась дурная вода.

Чтоб она, как весною с предгорий
Понеслась, полилась по кривой,
Горной речкой, несущейся в море, –
Не держи меня вниз головой!»

Чтобы вызов твой в первом куплете
Прозвучал и в горах не затих,
Ты прости, ведь давно мы не дети,
Но ты сам написал акrostих!

27.03.2004 г.

Осип Мандельштам

* * *

Как тень внезапных облаков,
Морская гостья налетела
И, проскользнув, прошелестела,
Смущенных мимо берегов.

Огромный парус строго реет;
Смертельно-бледная волна
Отпрянула, – и вновь она
Коснуться берега не смеет.

И лодка, волнами шурша,
Как листьями...

1910

ЗАВЕРШЕНИЕ

...,проходит мимо,
Без усталы, неугомимо
Качая струны камыша.

От этой красоты немея,
Поэта чуткая душа
Замрёт, застынет не дыша,
Каламом шевельнуть не смея.

Уж скоро век, как ветер стих...
А мы, потомки, что – не сложим
Двух слов? Неужто не поможем
Поэту завершить свой стих?

31.03.2004 г.

ПРО ЯБЛОКОВ

(Подражание обэриутам)

«**Венчание** плодами» Заболоцкого

Во мне открыло массу плодского:
Ведь люди так на яблоков похожи –
В них форм округлость, бархатистость кожи,
В них сочность, часто от переяданий...
Во тьме веков и в сумраке преданий
Все люди для кого-нибудь да сладки,
Все человеки свехувнизно падки, –
Всей схожести с плодами и не счесть.
Вот только нужно ли их есть?

Вон женщина выходит из трамвая.
Венера! Двигается, бедрами помавая.
В румянах щёчки, словно у ренета,
В глазах фиоль – как будоражит это!
– Возможно ли поползновенье плоти? –
– Вотще! –
– Пардон, так вы не на работе? –
– Вообще... –
– Ну вот, так сразу б и сказали:
«Войди в меня». Вошёл. Меня там ждали
Восторг и упоение... Нирвана...
Во рту приятный вкус, как от шафрана.
Воскликнуть бы, как Суламифь нагая:
«Вина и яблоков, а то изнемогаю!»

В вас есть для пущей прыти естества
Волшебный вкус, а также вещества...
В вас есть пектин, основа мармелада,
В вас есть... Короче, – и пальта не надо!

Вас ев, Адам был Евой озабочен,
Вы были им не до конца проглочен.
В раю ему б давно пришёл кердык!
В подлунном мире вас зовут – кадык!
Вас ел Адам, а в это время дама,
Восторженно пия нектар Агдама,
Водила яблоками глаз на змеюка –
Вот почему она без кадыка!

В Элладе древней конкурс без оваций:
В ком больше грациозности из граций.
Весь в раже судия, Парис.
Вы в этом арбитраже – приз!

Водой сочилась древняя клепсида.
Вы, только вы были сырьём для сидра.
Вас в мире много: тьмы, и тьмы, и тьмы.
Вы бродите – и сидру выпить мы
Весьма не прочь, но вкус ваш так непрочен:
В нём привкус червячков и червоточин.
В нём нет невинной гаммы винограда...
Вы его пробовали филлоксерой, гада?
Вон он висит, проклятый конкурент,
Виновник бед, алкоголят, бой-френд!

Вы результат мичуринской селекции.
Вот я в одной обэриумной лекции
Восторженно узнал аспект реалий,
Возникший у подземных инферналий.
Во прахе тела червячки живут,
Вопьются в труп и жадно жидкость пьют.
Всё высосав, над умершим смеясь,
Возьмутся за хрящи, за ливер и за мясо,
Вмиг обгрызут все кожные покровы,
Волосяные также, дабы снова,
В урочный час из бедренной кости,
Вверх можно было б деревцу расти,
Ветвась и на могилу тень бросая.

Взгляни – вон видишь – девица босая?
В берцовой кости из неё торчит
Великолепный сорт – бельфлёр, гибрид.
Все червячки, нажравшись до отвалу,
Взрастивши формы, близкие к овалу,
Весьма уже стать мушками пытаюсь,
Воспоминаньем прошлого питаюсь,
Висят довольные, особенно собою,
В миазмах воздуха вниз верхней головою.

В урочный час придёт и их планида,
Возникнет у имаго имидж вида,
Великолепье крыл и блеск хитина –
Веласкеса достойная картина!
Весьма возможно, даже и Шагала –
Ведь многие из вас – из галла!

Вот-вот приидет час, и ваша стая,
Великолепьем радужным блистая,
Взовьётся вверх, порхая, трепеща,
В окрестных весях завязи ища,
Взамен вчистую сглоданного трупа,
Виясь от Чопа и до Утурупа,
Веснянки, плодояжки и верблюдки,
Вздымая вверх хитиновые грудки...

Вот вы висите, радуя поэтов,
Волшебные кусочки Солнцев и планетов...
Вас съест хотел медведь продолговатый,
Вы были не вкусны, как бы из ваты –
Вы не налились плодоядным соком,
Вися под солнцем и мерцая боком.
Вы не могли быть подаримы даме,
Вобщем ещё не будучи плодами.
Вас даже Ева б есть ещё не стала,
Вот разве свинка – та б уже сожрала!

В природе всё подогнано разумно –
Весна прошла, настало лето шумно,
Ветрами овеваемы, дождями,
Взращённые идейными вождями,
Вы выросли, созрели, состоялись,
В вас витамины густо настоялись.
Вас новобрачные, едва сову купивши,
Во рты набили, и, ваш сок попивши,
Вторично покупать пошли сову,
В поэте пробуждая дежавю.

Вот тут и Ева, вас уполовиня,
В объятиях Адама рот разиня,
Вкусила столь о райского стола
В тот миг, что после выгнана была
Вон из эдема, и с Адамом вместе.
Вот так. Виною – вы! Сказать по чести,
Вкус яблоков, вообще, не лучший самый:
Вас не жуют, как юколу, саамы,
Вас град хлестал, опыливали дустом,
Вороны вам, чтоб всем им было пусто,
Выклёвывали что-то вроде струпа,
Возможно червячков, тех, не нашедших трупа.

Ваш срок пришёл, наш дорогой Иван
Владимирович. Пухом будет вам
В цветах Земля. Вас с нами больше нет.
В земле лишь прах, верней один скелет.
Вы сам, уже сожратый червячками,
Весь в яблоках, которые Вы сами...
Вас раскусив, приятно нам увидеть
Всего, а не две трети, или треть.
Вас хочется любить, не ненавидеть!
Вас съедено!.. Приходит умереть!..

06.04.2004 г.

СОВЕТ

(Стихотпovidло)

Допустим , всё у вас в порядке,
А вы не сделали завивки,
Или купить забыли свёклу –
Попробуйте вернуться к грядке,
Чтоб были овощи в поливке,
И угодили бы вы свёкру.

А если на душе тревога,
А вы не веруете в разум,
И долго ходите под мухой,
И стали выглядеть убого, –
Вам надобно решиться разом,
И навсегда кончать с сивухой.

Когда вам грустно, одиноко, –
Возьмите с полки томик Фета,
Бокал хрустальный из серванта
Пусть до краёв наполнит мокко,
Хоть может это и «не это» –
Стать просто жертвою таланта.

Когда же вас сомненье мучит,
И кошка под окном страдает,
И по утрам собака будит –
Мой стих откройте – он научит:
Открывший – сведенья узнает
И больше их не позабудет!

19.11.1999 г.

...Не ко мне, так к кому же?*

.....

---

* Три «к» выражают замешательство автора.
А.Ахматова «Поэма без героя»

МАРАЗМИНКИ

На спортивный пьедестал стал Сталлоне-Рокки.

Ур, Уруп, Урал-река, как Ока глубоки.
Просто сто столбов стоят на реке и баста.
Какофонии, мне вас не хватает часто!

А в пруду на вилле в иле вы ли, Вилли, выли?
А потом полили ли лилии на вилле?
Лилипутам там там-там тарахтел так славно!
Какофонии, мне вас так писать забавно!

Об измене не невеста, а жена узнала.
Тратя скупю по полтине, (это очень мало),
Тупо по полу топочет, (это неприятно).
Какофонии, мне вас так писать занятно!

Дикобраз раз размышлял о природе света.
Полетел бы на луну, ну, нужна ракета.
Но направлена на нас та боеголовка.
Какофонии, мне вас уж писать неловко!

В белой вазе роза за завтраком завяла.
Нужно чтоб об обобщеньях общество узнало.
Даже же жевать драже так полезно к чаю.
Какофонии, уже я строчить кончаю!

02.08.2003 г.

Валерий Брюсов

* * *

Умер великий Пан.

Она в густой траве запряталась ничком,
Еще полна любви, уже полна стыдом.
Ей слышен трубный звук: то император пленный
Выносит варварам регалии Равенны;
Ей слышен чей-то стон, – как будто плачет лес,
То голоса ли нимф, то голос ли небес,
Но внемлют вместе с ней безмолвные поляны:
Богиня умерла, нет более Дианы!

3 октября 1894

Богиня умерла, нет более Дианы!

Валерий Брюсов

Она в густой траве запряталась ничком
И, натянувши лук, следит за Актеоном,
Который лишь вчера увидел нагишом
Её прекрасный торс и любовался лоном.

Пройдёт немного дней и бедный Актеон
Поплатится за это лицезреньё:
Чтоб псом своим растерзанным быть, он
Дианой будет превращён в оленя.

А в этот грозный миг, от гнева трепеща,
Послала в цель стрелу коварная Диана,
Но трепет помешал, и стрелочка, свища,
Попала мимо цели. Видно, в Пана...

И тотчас умер Пан. С богами не шути,
С богинями коварными – тем паче.
И в тот же миг весь мир взволнованно притих,
Чтоб через миг взорваться в громком плаче.

Текут потоки слёз с заплаканных небес,
Рыдают кущи рощ, в слезах росы поляна,
Не только пастухи и овцы – плачет лес:
– Осиротели мы. Нет с нами больше Пана! –

Читатель ждёт, когда ж умрёт Диана? –
Об этом он узнал в эпитафной строке. –
Да всем не до того – оплакиваем Пана.
Не плачет лишь Сиринга в свирели-тростнике...

30.08.2003 г.

Уильям Шекспир

СОНЕТ № 60

Как волны набегают на камень,
И каждая там гибнет в свой черёд,
Так к своему концу спешат мгновенья
В стремленьи неизменном – всё вперёд

Родимся мы в огне лучей без тени
И к зрелости бежим; но с той поры
Должны бороться против злых затмений,
И время требует назад дары.

Ты, Время, Юность губишь беспощадно,
В морщинах искажаешь блеск красы,
Всё, что прекрасно, пожираешь жадно,
Ничто не свято для твоей косы.

И всё ж мой стих переживёт столетья –
Так славы стоит, что хочу воспеть я!

Перевод **В.Я.Брюсова**

Уильям Шекспир

СОНЕТ № 60

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бессчетные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочередно к вечности бегут.

Младенчества новорожденный серп
Стремится к зрелости и, наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдаст в борьбе свой золотой венец.

Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Все лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.

Но время не сметет моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

Перевод **С.Я.Маршака**

**ЯКОВЛЕВИЧАМ,
ПЕРЕВОДЧИКАМ СОНЕТА № 60
УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА**

Как море бьётся о пустынный брег,
За годом год кроша гранит прибрежный,
Так час за часом время катит бег
По океану вечности безбрежной.

Волненья сокращают жизни век,
А время точит организм наш нежный
Эрозией морщин и сыплет снег
Нам на виски, как перхоть, белоснежный.

И я, как всякий добрый человек,
Рождён был мамой от любви небрежной,
Был юн и зрел; уж жизненный забег
Идёт к концу и к славе неизбежной.

Известен буду долго я народу,
Во всяком случае, не меньше году!

08.09.2002 г.

Евгений Перемышлев

* * *

Он шёл, и тени метрономом,
лишь фонарям благодаря,
качались в снеге насекомом
чудовищного января,

он проходил, и дом за домом
по мелочам себе даря,
он сам казался насекомым
роящегося января,

он шёл, и застывало комом,
о чем молчал, не говоря,
он в этом гуде насекомом
бессмысленного января,

и думал так: Содом – Содомом,
но скоро зашумят моря
над этим веком насекомым
и над развалом января,

и повернул, путём ведомый,
и в дом вошёл, подъезд, горя,
был полосатым насекомым
в гудящем улье января,

он думал, что пришёл к знакомым,
и что, наверное, не зря
он шёл сквозь город насекомых
в глухом начале января,

он отогрелся, сквозь истому
глядел он, как она, паря,
прошла в круженье невесомом
под ёлкой в центре января,

и трещина легла изломом
по клеточкам календаря,
в кишеньке чисел насекомых,
от декабря до января.

Он шёл по полю агрономом,
вставала ранняя заря,
и кузька рыжим насекомым
сожрал весь хлеб до января,

читая книги том за томом,
в библиотеке их беря,
он знал, что редким насекомым
жить предстоит до января,

любуюсь выловленным сомом,
знал, в котелке его варя, –
сом спал, подобно насекомым,
до середины января,

убив медведя как-то ломом, –
спасибо, братцы-егеря, –
он жрал, подобно насекомым,
его с весны до января,

любуюсь выкружкой-обломом,
и за пример его беря,
дворец домашним насекомым
он выстроил до января,

увлекшись на досуге ромом,
как феррохромом токаря,
резцом, шарошкой насекомом,
он высек «я» у января,

сто граммов закусив заломом,
он, как и я, стихи творя,
залюбовался насекомым
в четверг, шестого января,

сто граммов в горле стали комом,
когда, сапфирами горя,
агриппа дивным насекомым,
затмила солнце января.

04.02.2002 г.

Леонид Завальнюк

* * *

Не стой на лютом холоду,
Я весь дрожу твоим ознобом.
Нам вместе жить и умереть.
Тебя согреть – себя согреть
Тебя забыть – себя отринуть.
Так перепутан ток судеб,
Так слиты крови озаренья,
Что ты мой высший слух и зренье,
Тобой я зряч, тобой и слеп.
Не стой на лютом холоду,
Не простуди мою отраду,
Мою тоску, мою беду
Любить и веровать в ту правду,
В тот всеединый миг,
В ту правду,
Что ты внушишь, а я найду.

* * *

Не стой на лютом холоду,
Я весь дрожу твоим ознобом.
Ты потеряла, я найду
Пропущенную рифму «гробом».
Нам вместе жить и умереть.
Тебя согреть – себя согреть.
Здесь не хватает рифмы «смерть»
Тебя забыть – себя отринуть.
Недостаёт здесь рифмы «сгинуть»
Так перепутан ток судеб,
Так слиты крови озаренья,
Что ты мой высший слух и зренье,
Тобой я зряч, тобой и слеп.
Напрашивается рифма «склеп»,
Навёртывается рифма «тленье».
Не стой на лютом холоду,
Не простуди мою отраду,
А рифму здесь «мою ограду»
Я на погосте лишь найду,
Мою тоску, мою беду
Любить и веровать в ту правду,
В тот всеединый миг, в стихии,
В ту правду, что дают стихи, и
Что ты внушишь, а я найду,
Когда на кладбище пойду.

25.03.2002 г.

Виктор Боков

РИФМА

Я невод закину
В глубины морские.
На рифму рыбацкие
Сети раскину.

Заря как олифа,
Как нива равнинная.
Ловись, моя рифма,
Ловись, моя милая.

Ты мне не безделица,
Не лак и не пудра,
Ты красная девица,
Доброе утро.

А море смеется
А солнце как глыба.
В сетях моих бьется
И рифма и рыба!

30.03.2002 г.

Уважаемый Виктор Фёдорович!

Относительно напечатания Вашего стихотворения «Рифма» в журнале «Новый Мир». Я внимательно прочёл Ваше стихотворение. От напечатания его в журнале мы воздерживаемся по следующим соображениям, которые, я думаю, Вас не обидят, но дадут новый импульс к творческой работе.

Тема стихотворения не нова, она традиционна в нашей литературе, и использование темы рыбной ловли не является сколько-нибудь значительным явлением (простите за тавтологию) отечественной поэзии, а скорее может быть отнесена к категории избитых тем. Ценным является лишь личное участие автора в трудовом процессе рыбака, однако эта ценность сводится на нет тем, что автор остановился на устаревшей, и я бы сказал, архаичной рыболовной снасти – рыбацких сетях (неводе), хотя мог бы упомянуть сейнер, траулер, дрейфтер, или спиннинг, на худой конец.

Второе – несоблюдение размера в первом и третьем четверостишьях и ассонансы в первом и втором. Когда я читаю:

Ты мне не безделица,
Не лак инее пудра,
Ты красная девица,
Доброе утро... –

напрашивается применение личного местоимения «ты» в четвёртой строке и употребление восклицательного знака, свидетельство того, что она действительно не безделица. Хуже обстоит дело с первым четверостишьем:

Я невод закину
В глубины морские.
На рифму рыбацкие
Сети раскину.

Не говоря уже о том, что рифма «закину – раскину» настолько слабая, что не оправдывает названия стихотворения, следующая пара слов – «морские – рыбацкие» – вызывает, мягко говоря, недоумение. Если это рифма, то есть акцент падает на букву «и» в слове «рыбацкие», то совершенно теряется размер стиха, если же акцент на букве «а», то это уже верлибр, не оправдывающий названия стихотворения. Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, я бы порекомендовал Вам внести редакцию в Ваше стихотворение, например:

Я невод закину
В глубины морские,
На рифму накину
Сети́ рыбацкие́.

И далее:

Заря, как олифа,
Как нива равнинная,
Ловись, моя рифма
Большая и длинная.

Ты мне не безделка ,
Не лак и не пудра –
Ты красная девка,
Ты доброе утро!

А море смеётся,
А солнце, как сука.
В сетях моих бьётся
Не рифма, а щука!

Даже в такой редакции Ваше стихотворение ещё далеко от совершенства, но это уже стихотворение, имеющее и размер, и рифму. Это ещё не поэзия (сравните хотя бы «Василия Тёркина» и Вашу «Рифму»), однако это уже и не проза.

Попробуйте ещё поработать над этим стихотворением. Подберите более удачные рифмы к словам «безделка», «пудра», «олифа», постарайтесь заменить невод чем-нибудь более современным. Всё вышесказанное мной вовсе не отрицает наличия у Вас некоторых поэтических задатков, которые можно было бы назвать поэтическими признаками, иначе я не стал бы писать Вам столь обстоятельное письмо. И не спешите доказать, что Вы всё поняли и полны сил и энергии для дальнейшей творческой работы. Но в чём Вам необходимо спешить – это в овладении основами грамматики, в частности – пунктуацией. (В русском языке перед словом «как», выражающем сравнение, и перед союзом «и», при перечислении, необходимо ставить запятую.) Постарайтесь не огорчиться прямотой моих замечаний, но я не хочу кривить перед Вами душой, так как это было бы обманом по отношению к Вам, а, следовательно, признаком неуважения.

Ваш

А. Твардовский.

Андрей Цой

Ж У К (Отрывок)

На брёющем полёте жук
Пространство жалит и сужает,
Сжигает раздражённый звук
И глаз дрожаньем – отражает.

И мысли в жуткой голове
Рогами выперли наружу:
Он с отвращением к траве
Жужжит, подкрылками простужен.

.....

Бомбардировщик жабьих луж
Чем раздражён? Наверно, вечер
Провёл, пижон и скуки муж
Один. И радоваться нечем

Ему в жужжащей суете.

.....

СОЛОВЕЙ (Отрывок)

В кустах завшивленной сирени
Трещит устало соловей.
Разносчик свиста и мигрени
Под утро мучает зверей,

В душе таящихся. Попала
Больная кровь в колёса тьмы.
Кустов дрожащее забрало
Сны выпускает из тюрьмы.

Туман прилип к глазам. Сырые
Струятся тени мимо. Для
Убийства улочки кривые
Подходят лучше как нельзя.

.....

БОЛЬНАЯ ФАУНА И ФЛОРА

Завшивела сирень. Шиповник

В прыщах и сыпи цвета беж.
В коросте, как плохой любовник,
Стоит унылый бульденеж.

Клематис перхотью измучен.
Угри усыпали левкой.
Камыш среди речных излучин
Покрыт лишайной чешуёй.

**И жук, подкрылками простужен,
Жужжит, и аппетита нет,
И мысли выперли наружу,
Чуть повредив экзоскелет,**

**И стали жвалами. Рога же
Ему наставила жена,
И нечем радоваться даже –
Переборщила здесь она!**

И ошалели соловьи
От песен и недомоганий, –
Мигрени, астмы и чирьи
Совсем достали сих созданий.

Их хрипы утром чуть слышны,
А жёны немые от рожденья...
В капканы сытной тишины
Мир ожидает погруженья.

Светает. Вытянувши выи,
Идут поэты мимо. Для
Убийства строчки их кривые
Подходят лучше как нельзя.

04.06.2001 г.

Кузубай Герд

АЭРОПЛАН

Синь.
Лазурь.
А в небе –
Выше облаков
Гул аэроплана, как заветный зов.
Тело – сталь, железо. На крыле – звезда.
Нынче с красным цветом дружит высота.
Вертится пропеллер. И с небесных сфер.
Тучи разгоняет
над
СССР...
Зря
враги
лелеют
нападенья
план, –
в небе – наготове
наш
аэроплан!

Перевод **Владимира Емельянова**

ТОНКИЙ ПРОФИЛЬ

Герду А читатель, без сомненья,
плохо – Обратил своё вниманье
дрянь На один момент:
эпоха Я длинной стихотворенья
жизнь – Сделал, приложив старанье,
шваль Герду комплимент.
тяжки
грехи, 18.12.2001 г.
слабо
слово –
кисти
лучше!
Видит
вдруг –
летят
стихи.
Браво,
кисть! P.S.
Поэту Покраснела от смущенья школьница,
слава! И невольно руки тянет к мольнице.
Много Нравственности бедная невольница, –
нужно здесь Это лишь перо возле чернильницы!
здесь
труда.
Сочно, 18.12.2001 г.
вечно,
точно,
право,
пишет
Герд,
поэт
наш.
Да
!

В.К. Семакин

* * *

Купавы, колокольчики...

Едва придёт весна,
все чаще, все настойчивей
звучат их имена.

Звучат – не разонравятся
крестьянские слова:
пастушья сумка, грабельцы,
дегтярка, серп-трава.

Не им в командировочных
стихах
почет и честь.
Но есть трава веревочник,
тележник даже есть!

1964

Народные названия... Какая благодать!
Здесь есть Иван-да-марья, здесь есть, что рифмовать!

Свинячник, балаболки, бежава, драголюб,
Пупырка, спрыг, кадило, булавки, прыщенец,
Виновник, шишебарник, растрёпа, тирлич, дуб,
Чупрынка, зябра, соски, черец, кобылий щец,

Червошник, тропник, хлебница, светёлка, веретень,
Жабячьи конопельки, камчуга, царь-мурат,
Блажитны очи, грыжник, материнка, борщень,
Опестыш, божье дерево, самурышка, блават,

Собачки, кошки, струки, адодий, мужичок,
Собачий зуб, гусятник, язычник, змеевик,
Омег, прикрыш, повесник, русалочий цветок,
Мохнатик, бобрик, пшенка, расходник, колосник,

Колютик, нюхтин, вывишник, ромашник, перелет,
Коровка, росник, пазменка, бышишник, арепей,
Квасец, мелюка, аистник, ладоник, желтый цвет,
Землянка, бабка, жаберник, поникница, мышей...

Неплохо знать по имени, что ешь, и что не ешь, –
Калган, гуньба, кропило и даже одуй-плешь.

16.10.1999 г.

ГЛОССАРИЙ

Адодий – василёк (*Centaurea*)
Аистник – журавельник (*Erodium*)
Арепей – лопух (*Arctium*)
Бабка – чистец (*Stachys*)
Балаболки – колокольчик (*Campanula*)
Бежава – мята (*Mentha*)
Блават – василёк (*Centaurea*)
Блажитны очи – вероника (*Veronica*)
Бобрик – прострел боровой (*Pulsatella*)
Божье дерево – полынь (*Artemisia*)

Борщень – борщевик (*Heracleum*)
Булавки – герань (*Geranium*)
Бышишник – фиалка (*Viola*)
Веретень – дягиль (дягель) (*Archangelica*)
Виновник – ландыш (*Convallaria*)
Вывишник – гравилат (*Geum*)
Грыжник – золототысячник (*Centaurium*)
Гуньба – донник (*Melilotus*)
Гусятник – гречишка (*Polygonum*)
Драголюб – мята (*Mentha*)
Дуб-трава – полынь (*Artemisia*)
Жаберник – льнянка (*Linaria*)
Жабячьи конопельки – таволга, лабазник (*Filipendula*)
Жёлтый цвет – донник (*Melilotus*)
Землянка – земляника (*Fragaria*)
Змеевик – майник (*Majanthmum*)
Зябра – пикульник (*Galeopsis*)
Иван-да-марья – марьянник (*Melampyrum*)
Калган – лапчатка (*Potentilla*)
Камчуга – манжетка (*Alchimilla*)
Квасец – щавель (*Rumex*)
Кобылий щец – щавель (*Rumex*)
Колосник – чистец (*Stachys*)
Колютик – чистец (*Stachys*)
Коровка – дягиль (дягель) (*Archangelica*)
Кошки – череда (*Bidens*)
Кропило – донник (*Melilotus*)
Ладоник – чина (*Lathyrus*)
Материнка – душица (*Origanum*)
Мелюка – просвирник (*Malva*)
Мохнатик – горичвет (*Adonis*)
Мужичок – полынь (*Artemisia*)
Мышей – горошек (*Vicia*)
Нюхтин – золототысячник (*Centaurium*)
Одуй-плешь – одуванчик (*Taraxacum*)
Омег – аконит (*Aconitum*)
Опестыш – хвощ (*Equisetum*)
Пазменка – земляника (*Fragaria*)
Повесник – гвоздика (*Dianthus*)
Поникница – гравилат (*Geum*)
Прикрыш – аконит (*Aconitum*)
Прыщенец – очиток (*Sedum*)
Пупырка – кошачья лапка (*Antennaria*)
Пшенка – чистяк (*Ficaria*)
Растрёпа – гравилат (*Geum*)
Расходник – вероника (*Veronica*)

В.А.Жуковский

ПЕРЧАТКА

(Из Шиллера)

...**В**друг женская с балкона сорвалася

Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
ты любишь так, как говоришь,
ты мне перчатку возвратишь».
Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идёт,
Перчатку смело он берёт...
.....
...Но, холодно приняв привет её очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

М.Ю.Лермонтов

ПЕРЧАТКА

(Из Шиллера)

...**С**верху тогда упади
перчатка с прекрасной руки...

.....
...Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
То подымите перчатку мою!»
И рыцарь с балкона в минуту бежит
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смело рукой подымает.
.....
...Но досады жесткой пылая в огне,
перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!» –
и гордую тотчас покинул.

ПЕРЧАТКА

(Не из Шиллера)

С балкона цирка на арену
Перчатка соскользнула вдруг.
Сказала дама: «Милый друг!
Ваш случай. Если перемену
Во мне хотите увидеть,
Перчатку нужно вам поднять,
Ту, что упала возле льва».
Услышав это, друг, едва
Сознания не лишившись, вмиг
Из цирка и в карету – прыг!
И поминай, как звала...
А дама всем сказала:
«Кто мне перчатку, – ту, что там, –
К ногам положит –
Свои уста к моим устам
Прижать тотчас же может!»
И цирк притих, остолбенев...
Внезапно, желтогривый лев
Берёт перчатку нежно в зубы
И на балкон с арены – шась!
Кладёт у ног перчатку, пасть
Разверзши, приближает губы...
Секунда – дамы голова
Видна из пасти лишь едва.
И долго длился поцелуй.
Потом все слышат: «Не балуй!»
И лев, тихонько присмирив,
Свернулся, будто он не лев,
А кот домашний на перине.

Привет Бугримовой Ирине!
А кто же был удравший «друг»?
Об этом знает узкий круг:
Ирина, вся её семья,
Тот лев, его семья, да я!

30.10.1999 г.

Варлам Шаламов

Г Е Ф Е С Т

В ущелье пышут горны,
Я раздуваю мех,
Ворочаюсь проворно
И слышу грома смех.

Любая спецзакалка
Подвластна кузнецу
Слюны ему не жалко,
Лесному мудрецу.

Все качества азота
Он знает там без книг,
Кипит его работа,
Заполнен каждый миг.

Добавит в воду масло
И выльет молоко,
Чтоб пламя не погасло
И сталь ковать легко.

Молотобойца место
Я в кузнице достал,
Кувалдой у Гефеста
Машу, мягчу металл.

Волшебным молоточком
Стучит хромой кузнец,
Оттяжка и отточка
Подков, Гвоздей, Сердец.

Звенит, дымит подковка.
Стучит кузнец-мудрец,
Железо свито ловко
И стынет наконец.

ГЕФЕСТ

Гефест родился слабым,
Слюнявым и хромым.
Сказала Гера: «Кабы
Он был чуть-чуть иным,

Его любила я бы,
Как братца-мужа. Вот.
А этот – очень слабый,
Практически урод.

Подам пример спартанцам
Как надо поступать,
Коль сын рождён засранцем,
Или им может стать.

Как видно, мне на горе
Произошёл инцест.
Придётся бросить в море
Слюнтяя». И Гефест

Был сброшен мамой в воду
С высот Олимпа, но,
Прочувствовав породу,
Он не пошёл на дно.

Спасён был nereидой,
Доставлен во дворец,
И там хорош стал видом
И сделался кузнец.

Он вновь к богам вернулся,
Но, лишь увидел мать,
Сейчас же отвернулся
И захотел плевать.

Куёт для папы грома
И молнии куёт,
Дворцы куёт, хоромы –
И каждый раз плюёт.

Он плюнет на подкову –
Она закалена.
А что же тут такого?
Такая уж слюна!

А для людей впервые
Он женщину сковал,
Плевал на чаевые,
Пандорою назвал.

Увидел раз Венеру –
И слюнки потекли...
Ну, боги, для примеру,
Жениться помогли.

Женившись, очень быстро
Гефест затосковал –
Сюда не плюнь, здесь чисто.
Давненько не ковал...

Он умирал со скуки.
Он говорил «уйду».
Он, поплевав на руки,
Берётся за балду.

Стучит, звенит поковка,
Играет молоток.
Железо свито ловко,
И зашипел плевок.

Теперь за молоточек –
Священно мастерство!..
А вот и поясочек
На славу вышел! Во!

– Иди, жена, к порогу.
Ну как – не давит? Фу!
Теперь пора в дорогу...
Опять свободен! Тьфу! –

01.12.1999 г.

КРИЗИС ПАРОДИЙНОГО ЖАНРА

Среди пародий Ланга
Нам встретилась «Гефест».
Как с тыла, так и с фланга
В ней много слабых мест.

Во-первых, длинновата,
Словно пожарный шланг.
О краткости когда-то
Нам намекал сам Ланг.

Затем – страдают рифмы,
Пример: «куёт» – «плюёт».
Не все читали миф мы,
Скорей наоборот,

Но рифмою к «спартанцам»
Ланг дразнит пуритан:
«Был неспособен к танцам
Хромающий титан» –

Совсем другое дело.
«Ковал» – «затосковал»...
Широко. Сочно. Смело.
Шаламов подсказал?

Читатель не хохочет
Над рифмой «вот» – «урод»,
Скорее знать он хочет
О чём тут речь идёт,

Когда на горе Гере
Произошёл инцест?
И кем теперь, к примеру,
Для Зевса стал Гефест?

Конечно, сын он божий,
С другой же стороны –
Гефест для Зевса, всё же,
Племянник – сын сестры.

У автора, возможно,
И с падежами брак:
Стать кузнецом-то можно,
А «стать кузнец» – никак!

Не хочет автор ныне
Работать над собой –
По этой-то причине
И происходит сбой.

Работай он без сбою,
Сказать бы мог «творец»:
«Он стал хорош собою,
А вот он и кузнец!..»

Прямая речь у Геры
Не та, что у богинь.
Ей впору слог Гомера,
А не простолюдин.

Гефест был nereидой
Спасён – а как? Когда?
Заметим мы с обидой,
Что вовсе роль труда

Не отразил в «Гефесте»
Писатель-пародист.
Как раз бы в этом месте
Уместен аорист:

«Трудясь с утра до ночи,
Гефест мужал и креп.
Ему зарядку очень
Советовал Асклеп».

А далее мы видим,
Что извращён сюжет –
У Ливия с Овидием
Такого места нет.

Чтоб не было раздору,
Хотим растолковать –
Гефест свою Пандору,
Увы, не стал ковать.

Свою земную даму
Он из земли свалял.
Наверно, вспомнил маму –
И пожалел металл.

Циклопам одноглазым
Двух слов не уделив,
Принизил автор сразу
Понятье «коллектив».

Профессионализмом
Ланг злоупотреблял,
Когда Гефест с комизмом
Балду руками брал.

Для тех, кто слишком молод,
Сказать бы надо так:
Балда – огромный молот,
А вовсе не «дурак».

И, наконец, садистом
Ланг сделал кузнеца –
Не стыдно пародисту? –
Для красного словца.

О чём-то беспокоясь,
Гефест наш обалдел –
Своей супруге пояс
Он верности надел.

Коль это помогало б,
Мы думаем, поди,
Венериков не стало б,
А их – хоть пруд пруди!

Раз ты жене не веришь –
Сиди с ней и не куй.
(Сочувствуем Венере ж,
Мы, как тут не толкуй.)

Нам в принципе известен
Огрехов ряд причин.
Страдает повсеместно
Тем множество мужчин.

Знать, вовсе о зарядке
Забыл наш пародист –
Скукожен, как в тетрадке
Исписанный им лист.

Не хочет наковальной
Сменить свою софу.
Так что, как ни печально,
Цена «Гефесту» – тьфу!..

03.12.1999 г.

Яков Хелемский

Этюд . Мазки. За бликом блик.

Пейзаж, увиденный с балкона.
Святей, чем древняя икона,
Природы непорочный лик.

А мастер, словно богомаз,
Склоняясь робко перед нею,
Работает, благоговая,
Не отводя счастливых глаз.

Дощатый подмосковный дом
С балкончиком и мезонином
Парит над садом, над прудом
И над омшаником низинным.

Палитра. Тюбики. Картон.
Распахнут маленький этюдник,
И на крылах мгновений чудных
Художник в небо вознесён.

Деревья и сквозной зенит,
Зелёный храм и купол синий.
Их ночью ливнем оросили
И семицветие горит.

А живописец от плеча
Отвёл палитру, чуть сугулясь.
Не радуга ли прикоснулась
К нему, опору в нём ища?

Под сводом чистой тишины
Свежо, торжественно и сыро.
И свечи сосен зажжены
Во здравье утреннего мира.

Лучи, как дорогой оклад,
Мерцают золотом старинным.
Опływ смолы со стеарином
Невольню сравнивает взгляд.

А мир и в копии велик,
Хоть на подрамнике уменьшен.
И нимбом солнечным увенчан
Природы богоравный лик.

Мазок. Нюанс. Фактура. Фон.

Горшок. Бурак на занавеске.
И так расплывчаты, нерезки
Рефлексы, переходы, тон.

Оттенок. Колорит. Валёр.
Столбы уходят вдаль красиво,
И ощущение перспективы
Не покидает с этих пор.

Пинен. Муштабель. Скипидар.
Просижено штанов три пары.
Я молод, вы ещё не стары.
Экзамен. Первый гонорар.

Тушёвка. Грифонаж. Дизайн.
Художник в старенькой повозке.
В сосновой роще две берёзки.
Знакомство первое. Дерзай!

Мольберт. Этюдник. Паспарту.
Я не пишу ни ту, ни эту, –
Не передать, увы, портрету
Берёзовую красоту.

Гуашь. Мозаика. Картон.
Бутон на платье подвенечном,
И мысль о неземном, о вечном.
Печаль полей. Вечерний звон.

Подрамник. Темпера. Пастель.
Ещё Дали мы не видали.
Трещит за речкой коростель.
Мы пишем шишкинские дали.

Левкас. Альсекко. Полиптих.
В саду левкои. В поле тихо.
Летает аист. Аистиха
Выводит птенчиков своих.

Гравюра. Колер. Светотень.
И для поездки заграничной
Не вспоминай о жизни личной,
Трудись, как пчёлка, целый день

Белила. Мумия. Кармин.
Миндаль цветущий в сизой дымке,
И словно в шапке-невидимке
На горизонте Санторин.

Фломастер. Тушь. Офорт. Плакат.
Мы были молоды когда-то.
И ты ещё не виновата,
И я ещё не виноват.

Бумага. Кисти. Акварель.
Я постарел, вы постарели.
На пасторали асфодель,
И лунный свет на иммортели.

Сангина. Уголь. Карандаш.
И снова Карандаш. И Клякса.
И мы с тобой как два Аякса.
Мы возвратились в домик наш.

Пленэр. Эскиз. Этюд. Холсты.
В лучах осеннего заката
Горит украинская хата
Непревзойдённой красоты.

Палитра. Рашкуль. Мاستихин.
Успех. Пол-литра. Масс-культура.
Одеколон и политура.
Запой. Лечение. Я один...

Марина. Натюрморт. Портрет.
Катарсис. Мёртвая натура.
Апофеоз. Фиоритура.
Дрожащий предвечерний свет.

Олифа. Масло. Полотно.
Всё ближе ночь, всё дальше утро
В жемчужном блеске перламутра.
Чуть светится окно. Одно.

Сфумато. Живопись. Граттаж.
Автогравюра. Акватинта...
Гори, твори – конец один-то:
Уффици, Прадо, Эрмитаж.

19.09.1998 г.

Александр Щуплов

* * *

Средь лобности льдов,
и распутиц распутства,
и лунности слуха
услышим: Любовь.
Говорим: Безрассудство.
Читаем: Разлука.

Ночные глаза
в поцелуях забьются
взяв день в наказание.
Читаем: Лоза.
Говорим: Лизоблюдство.
Услышим: Лобзанье.

Так вертится кровь.
Так даётся двуногость.
Так кроют у ада.
Услышим: Любовь.
Говорим: Одинокость.
Читаем: Не надо...

Не ветер в горсти
по весне колосится,
везеньем нищая, –
читаем: Прости.
Говорим: Не простится.
Услышим: Прощаю...

Обуза в груди
отлученьем чревата...
Так поезд – от станций...
Услышим: Иди!
Говорим: Наплевать-то...
Читаем: Останься.

Не камень пращам
прокричит, улетаю,
с оброненной силой –
услышим: Прощай!
Говорим: Рассветает...
Читаем: Мой милый...

ОБРЫВОК РУКОПИСИ

Волнуется кровь

от весенних распутиц

и нежности спутниц.

Услышим: Любовь.

Говорим: От распутиц...

Читаем: Распутниц...

Какой я дурак –

от бутылки Смирновской

опять недержанье.

Читаем: Чумак.

Говорим: Кашпировский.

Услышим молчанье...

Как уголь глаза.

С Казановою сходство.

И тонкий прутишко.

Услышим: Лоза.

Говорим: Лозоходство.

Читаем: Плутишка!..

Мы пели романс,

танцевали бостоны –

таких были тыщи.

Читаем: Аванс.

Говорим: Миллионы.

Услышим: Ты нищий.

Зима из окон.

Надоели дебаты –

за окнами вьюги.

Услышим: Закон.

Говорим: Депутаты.

Читаем: Ворюги!..

Сломал бигуди

и порезал нас даже

плохой парикмахер.

Читаем: Иди!

Говорим: А куда же?

Услышим: Да на

(Здесь рукопись обрывается .Ред.)

21.09.1998 г.

Яан Каплинский

КАФЕ В ЛЕСУ

В спинке стульев понатыканы иголки
присевший моментально вскакивает
но кто сидит тому не больно
стулья как ёжики топчутся на месте топ-топ-топ...
.....

Б о р о д а

Бородавканаветруднонамвытерпетьутру-

быломалостыквысокалитравкабеленавод-
каёмкавоткакбылодьяволныломаетихохо-
четденьгитарызвонвушах...

Бородавка на ветру
дно нам вытер
петь утра
было мало с тыквы сока литр
а в кабеле наводка ёмка
вот как было дьявол ныл о мае тихо
хочет деньги
тары звон в ушах...

Борода в канаве
трудно нам вытерпеть
у трубы ломало стык
высока ли травка белена
вод каёмка
вот как бы лодья волны ломает
и хохочет день
гитары звон в ушах...

08.10.1998 г.

Валерий Брюсов

О закрой свои бледные ноги

Конец стиха

О, закрой свои бледные ноги!

Ты не брила их восемь недель.
Эпиляции сроки так строги...
У тебя, видно, кончился гель.

Твои ноги похожи на кактус –
Редкий вид – «голова старика».
Не приступим с тобою мы к акту-с,
Не побреешь ты ноги пока.

Нанеси на бедро мыльной пены
И побрей свои ноги станком,
И наступят опять перемены,
А пока – я с тобой не знаком.

Я как что-то мохнатое вижу –
Пауков, скажем, или мышей –
Сразу страшно их я ненавижу,
Тайный голос мне шепчет: «Пришей!»

Хоть отчётность ментам не хочу я
Портить очередным глухарём,
Не побреешь – тебя замочу я
Под разбитым опять фонарём.

Хоть всплакну я над ранней могилой,
Эпитафии стиль будет строг:
«Здесь покоится прах самой милой,
но не выбрившей вовремя ног!»

09.09.2003

г.

Андрей Вознесенский

Э С К И З П О Э М Ы

А дальше...

Все течет. Все изменяется.

Одно переходит в другое.

Квадраты расползаются в эллипсы.

Никелированные спинки кроватей

текут, как разварившиеся макароны.

Решетки тюрем свисают,

как кренделя или аксельбанты.

По улицам проплыла стайка улыбок.

На мировой арене, обнявшись, пыхтели два борца.

Черный и оранжевый.

Их груди слиплись. Они стояли, походя сбоку

на плоскогубцы, поставленные на попа.

Но – о ужас!

На оранжевой спине угрожающе проступили

черные пятна.

Просачивание началось.

Изловчившись, оранжевый крутил ухо

соперника

и сам выл от боли –

это было его собственное ухо.

Оно перетекло к противнику.

Мцхетский замок

сползал

по морщинистой коже плоскогорья,

как мутная слеза

обиды на человечество.

Букашкина выпустили.

Он вернулся было в бухгалтерию,

но не смог её обнаружить,

она, реорганизуясь,

принимала новые формы.

«Оаыу аоии оааоиаые!..»

Это уже кричу я.

Меня будят. Суют под мышку ледяной

градусник.

Я с ужасом гляжу на потолок.

Он квадратный.

1965

Э Т Ю Д П О Э М Ы

Андрею Вознесенскому

А дальше...

Текут, изменяясь, квадраты,
Как будто из ваты.
Текут, превращаясь в овалы,
Кровати.
Их спинок горбы, их сеток провалы
Текут, как спагетти, от соуса кровавы.
Текут, как толпа арестантов
В тюремной пыли,
Как шнур аксельбантов,
Как диск циферблатов Дали,
Текут, как опара, блины из которой пекут.
Всё дальше текут...

Квадраты листочков квартплаты,
Овалы квадратов зарплаты,
Квадраты купюр, утекая, монетно овалятся
В квадратах карманов, если завалятся.

По улицам стайки улыбок текут...
Уже не ругаются люди, уже забавляются,
От многих ненужностей избавляются.
Квадраты томов? Театральный билет?
Ты помнишь, как пахнет торт «Дружба»? Я – нет!
И этот, домашний, что делала мама
Давно заменила овальная «Рама».
Но это всё быт, он ещё не избыт,
Хотя и избит, но ещё не убит.
А что, ещё где-нибудь торты пекут?

А стайки улыбок всё дальше текут...

На сцене, обнявшись, пыхтят два борца,
Как клещи ребром, на попа и с торца.
Один как оранжевый фрукт,
Как сажа другой... И вдруг –
У чёрного вмиг пожелтела рука,
У рыжего враз почернели бока.
Просачивается один сквозь другого –
Такого не было и у бога!

На чёрной спине апельсиновый зад.
Боже, верни всё снова назад!
Но поздно, – у чёрного ухо откручено –
Жёлтое было – очень мучило –
Он сам выл от боли,
Но вырвал ухо усилием воли –
Огромным усиьем ван-гожьем –
Верни ему ухо назад, о боже!

Теперь у него течёт фасад...
Боже, верни ему ухо назад!..

Замок Мцхетский потёк, как слеза –
По сморщенной коже горы сползал,
По жёлтым тропинкам овечьим
Потёк со стыдом человечьим...

Букашкин в амнистию вытек из зоны:
Прощай, дом казённый.
Он вновь воротился в родные пенаты,
Но – на те! –
Его бухгалтерии нету в помине,
Взамен – ООО. А он – в аминне.
И дома Букашкина ждали сюрпризы –
Ни спичечки в доме, как будто кто вылизал.
Букашкин – к соседу, как полагается,
А там жена его колыхается.
– Ты как здесь? – Букашкин спросить только мог. –
– Наверно, протекла через потолок! –
Может и не соврала:
На коже спины два овала.
Букашкин догадался – ага! –
Это ведь след сапога.
И ещё, выше брови чуток
Расплылся огромный кровоподтёк.

А улыбок косяк всё тёк и тёк...

Радуга – и та была не проста –
Провисла, как ванты Крымского моста.
Зацепленный за пару гвоздей гамак
Провисает так.

Вождь был мудр,
хоть ещё не стар.

Он новых путей мудро искал –
И потекла племенная жизнь вспять
К букве «ять».
Так феодализм течёт к капитализму,
Напоминая расправляющуюся клизму.
А мы знаем, как течёт вязкий феодализм –
Одoleвая левизны – и вниз!
Вниз течёт, не ведая горя,
Вниз, к уровню моря.
Долой уравниловку и забегаловку!
Даёшь маркетинг! Хотим обжираловку!
А стайка улыбок в «Макдоналдс» просится...

Скульптор безумно по небу носится,
Что ни скульптура – почёт.
Но ныне культура течёт,
Как стукнутая переносица.
Текут из неё сопли и кровь.
Текут, красные, как морковь...

Лифт над потоком, как помпа насоса
Вверх – вниз!
Лихо потомкам. Запросите SOSa!
Вверх – вниз!
Как в хоботке комара-кровососа
Эритроцит.
Капитализма хотите? Как просто –
Вверх – вниз!

Течёт по улице поток
Людей,
Идей,
Дождей,
Вождей.
Стоит на улице лоток,
За ним – полковник, инженер...
Бессильны фразы, митинг нем,
Иссякли темы – нету тем,
А между тем –
Текут по строчкам буквы, фразы,
Как пузырьки в бокале с газом,
И лопаются с тихим шелестом,
Как брюшки рыб, объятых нерестом.

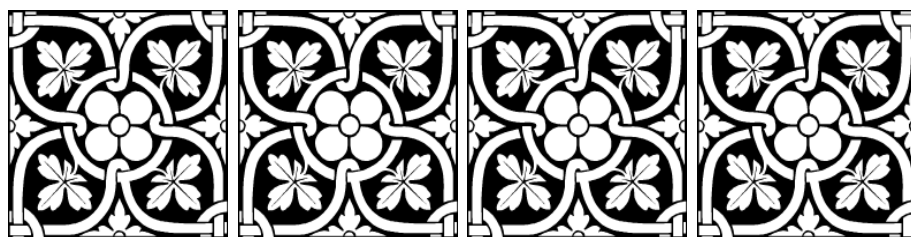

Слова сливаются в одну сплошную фразу,
Пройдя текучую фазу.
Потом из фраз исчезнут все гласные,
...ст...н...тс... т...льк... с...гл...сн... .....,
Потом утекут и они,
Как вечные годы, как дни.
Потом на миг
Останется только мой крик.

Потом меня разбудят и, сонному, как в вате,
Поставят скользкий градусник волшебницы в халате.

Я с ужасом гляжу на потолок –
А он потёк,
Хотя ещё квадратен.

20.01.2000 г.

ПЕРЕИНАЧКИ

Евгению Петросяну

Однажды, услышав слова-переиначки,

Я сам себе поставил две задачи:
Во-первых, сочинить штук пять,
А во-вторых – зарифмовать.
К примеру: байонет – батрак.
Пустьак – в кармане нет ни цента.
Природа – тоже, что плацента,
А спиннинг – вещмешок, рюкзак.
Исчезновение – пропан.
Пенсне – нет пенсии давно.
Кинолог – монолог в кино.
Нахлебник – просто таракан.

Вот не достроен загородный дом,
Его мы называем –недодача.
Вот взятку получает управдом.
В переиначке взятка – просто дача,
А передача – лишь письмо о том,
Что конфискован загородный дом.

У шансонетки – шансов нет.
Салон – жирок, подвой – заплачь,
Ошейник – видимо, палач,
А сериал – всего лишь цвет.
Треска – издатель треска.
Шутиха – юмореска.

Кошмар – казахский ковродел,
Виновник – просто винодел,
А гром – неважное вино.
Стекло – всё вытекло давно,
А молния – мол, это он.
Торговец речкой – купидон.

Сомнамбула – нам подали сома.
Неясыть – голод, в брюхе пусто,
А азбука – надулась я сама,
А перстень – просто тень от бюста.

Боксёра звали Навуходносор.
Приклад – синяк, курок – петух.
Фугас – я дунул, он потух,
А Пасадена – следствие доноса.
Примочка – клипса. Газолин – ресивер,
А вот киш-миш – это медвежий ливер.

Мышьяк – последний писк селекции.
Лентец широкий – пышный бант.
Поручик – это хиромант,
А Спика – лишь студент (на лекции).
Наречье – волны (на реке).
Намордник – прыщик (на щеке).

Ну, капельмейстер – это сталактит.
Убежище – мы дали стрекача.
Заплата – посещение врача,
А показуха – ой, у вас отит!

Вот лобстер – он крестился часто.
Ротонда – видимо, зубная паста,
А неустойка – под столом не пить!
Деликатес – о, стали ТЭС делить!

Папаха – муж, жена – мамаха.
Худющая испанка – костомаха.
Главбух – пожалуй, маршал артиллерии.
Кондом – конюшня, дом для кавалерии.
Сераль – лишь нужник, не взыщите,
А стенография – граффити.
Начёс – царапка на затылке.
Вампир – а нам сдавать бутылки.

Еврей – тот, кто имеет евро.
Коклюшка – ох, больная плевра.
Описка – увлажнение пелёнок,
А Титикака – бросил грудь ребёнок.
Ребёнок громко плачет – оратория,
А вертопрах – сотрудник крематория.

Невеста – без вести пропала.
Феномен – ветер перемен.
Форсунка – так, воображала.
Известие – побелка стен.
Драже – озноб, трясучка даже,
А баобаб – восторг мужчин на пляже.

Лоскут – блестящая одежда.
ООН – воскресшая надежда,
А пистолет – всего сто лет,
Как «пи» придумал Архимед.
Кто любит много врать – трепанг,
А сочинил всё это Ланг.

07.01.2002 г. От Р.Х.

КТО ЗА ЧЕМ

На кобылке на игреневой
Раннею весной сиреневой
Ехал он с башкой мигреневой
За бумагой за шагреневой.
(Или за веленевой).

На кобылке на караковой,
На пролётке чёрной лаковой
Ехал ты с башкой предраковой
За подстилкой за чепраковой.
(И соломкой маковой).

На кобылке на ворованной
Ехал ночью заколдованной
Я с башкою коронованной
За мечтой за очарованной.
(Уткой фаршированной).

18.01.2002 г.

В **Тобол** течёт река Тавда́.

Да, ударенье не туда
Поставили, её назвавши.
А лучше бы назвали Та́вда,
И я бы вовсе без труда
Приподнял свой престиж упавший,
Нашёл бы рифму к слову «правда».
Как много рифм к слову «ложь»,
А к слову «правда» – не найдёшь.

Вот в поле колосится рожь.
Точильщик точит чей-то нож.
Ползёт по головизне вошь,
И я иду, и ты идёшь,
И, вероятно, без галош,
И вместе с нами молодёжь.
Пригож венецианский дож,
Неплох и генуэзский тож.
Блестит на солнце ярко брошь.
Ровняет хлопок банкаброш.
Теряет полька медный грош.
Пробел меж буквами – апрош.
Патроны подобрал Гаврош.
Уж деве замуж невтерпёж,
Она надела юбку «клёш» –
На дискотеке был балдёж.
Объяла нервенная дрожь –
Как много рифм к слову «ложь».
Как мало рифм к слову «правда».
Хорош собой котёнок Гав, да?
А, впрочем, больше не найдёшь.

27.03.2002 г.

АМАЛКЕР

«Анаком» спросил у «Доширака»:

– Отчего вся в паутинке спинка?

Да и ниже тоже паутинка...–

И раздался зычный глас из мрака:

– Потому, что надо есть еду,

А не эту вашу ерунду.

Ешьте «Главпродукт» в консервной банке

И забудьте о «Галлине Бланке»,

Если есть миллионов десять в банке!

12.02.2002 г.

* * *

Над еланкой дымною

Разлился ушук.
Шалыган и олахарь
Я без бабьих рук.

На захряслом катнике
Нехолявый пёс.
Мускорно мне в ватнике,
Гребую до слёз.

Бластится за катником
Брыкнутый бучень.
У меня под ватником
Воровской кистень.

От меня засемают
Гужем мужики,
А хрындучить кинутся –
Выпущу кишки.

Коль не окадычатся
С переляку враз –
Всем по первослучаю
Выну правый глаз.

Пусть тогда бурукают,
Как за вытью псы...
Где-то совы гукают,
Шелестят овсы.

28.02.2003 г.

**Примечания к повести «Яр» Сергея Есенина
(Отрывок)**

Бластиться – казаться, мерещиться.

Брыкнутый – упавший.

Бурукать – глухо, невнятно ворчать, бормотать.

Бучень – птица выпь.

Выть – часть села.

Гребать – брезговать.

Гужем – гуськом, вереницей или толпой.

Еланка – прогалина, луговая равнина.

Засемать – засуетиться, зачастить ногами.

Захряслый – затверделый.

Катник – накат от полозьев саней на дороге.

Мускорно – трудно.

Нехолявый – неопрятный, неряшливый.

Окадычиться – умереть.

Олахарь – обалдуй, непутёвый.

Ушук – мгла.

Хрындучить – ерепениться, куражиться.

Шалыган – шалун, бездельник.

ПАМЯТЬ

Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, кто раньше
В этом теле жили до меня...

(Николай Гумилёв. «Память»)

Вспоминал Есенина, Рубцова,
Лермонтова. Всех я их любил.
И ещё знакомого такого,
Только вот фамилию забыл...

Гаснет луч пурпурного заката,
Догорает алая заря.
Где же ты, желанная когда-то?
Я забыл, по-правде говоря.

Я забыл, как лошадь запрягают,
Стоя от копыт в одном вершке,
А они неопытных лягают...
Видно, мне досталось по башке.

Я по-прежнему такой же нежный, —
Кто сгорел, того не подождёшь,
Но и я кого-нибудь зарежу,
Если вспомню, где лежит мой нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это всё рассеянный склероз —
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб старушку доводить до слёз.

Не жалею, не зову, не плачу.
Всё прошло, как с белых яблонь дым.
Вспомнить что-то — трудная задача,
Коли перестал быть молодым.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Помню я – советские «Катюши»
Раздолбали немца над Окой.

Широка страна моя родная, –
С каждым днём всё радостнее жить.
Много в ней чего-то, что я знаю,
Только угораздило забыть.

Выхожу один я на дорогу
В старомодном, ветхом шушуне.
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу.
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?

В небесах торжественно и чудно.
Кажется, недавно я там был.
Что же мне так больно и так трудно
Вспомнить то, что я давно забыл?

О, склероз рассеянный, рассейся!
Нелегко идти в конце пути.
Я забыл, кто тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

06.03.2003 г.

Un poète distingue par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poème, mais celui d'une satire. (Один поэт, одаренный богатым воображением, нашёл в столь славных деяниях, которые ему пришлось наблюдать, сюжет не для поэмы, а для сатиры).

А.С.Пушкин «Путешествие в Арзрум»

В Арзрум дорога непростая.

В Новочеркасске неспроста я
Решил в Ростов не заезжать
И в Ставрополь свой путь держать.
А что б мне ни скривить свой путь,
В российский Ливерпуль свернуть,
И сбросить бремя тяжких дум
В Ростове по пути в Арзрум?

Ростов... Садовая... Сенная...
Мой тёзка там бывал, я знаю.
С Большой Садовой он свернул
И тотчас чуть не утонул –
Ни мостовых, ни свету нету.
Он, бедный, так и закричал:
«Мне нужно с корабля на бал!
Карету мне! Карету!»

А если бы на два-три дня
В Ростов и занесло меня
По прихотливой воле рока,
Чему б возрадовалось око?
Собачий хутор... Гниловская...
Навозная... О, мать честная!
Ну да, полезен и навоз,
Да, но красив ли? – вот вопрос!

Полезен кстати и клистир,
Так что ж? Переиначим мир?
У нас же нынче вор на воре,
Из них кто в наибольшем фаворе –

Тут станут улицу крестить
Дошечки на дома мостить,
Мол, эта улица такого –
И назовут – да хоть Хвостова.
Не возражайте, друг любезный,
Он был такой для всех полезный...
И так полезен для Ростова
Большой Пологий Спуск Хвостова!

Возьми ваш сад – там вдоль аллея
Огромны кущи тополей,
Так будь же Тополиный сад.
Ан нет, найдётся хитрый немец,
И сад тотчас перекрестят –
Полезен нынче иноземец,
И будет Парк Огюста Конта...
(Дороги требуют ремонта,
Вернее улицы дорог, –
Не утопить бы в луже дрозг!)
А то и местного пиита,
Дабы отметить знаменито
Его столетний юбилей,
Одарят улицей. Смелей!

А вот Сенная: что ни дом –
Фонарик красный за окном.
Вот магазины: что ни лавка,
То либо жулик, либо давка –
«Боммер», «Матизен», «Менционе»,
«Майзель», «Лион», «де Камилли»...
Собрались в южном регионе
Нувориши со всей земли:
Асмолов, Хахладжаев, Гушнер,
Гуревич, Ридель, Кузнецов,
Кундури – перечислить Пушкин
Не может этих молодцов.

Мадмуазель, а вы от Ктоева?
Помилуйте, не знает кто его?
Кто не забудет ритмов танца
В «Палермо» у Чарахчианца?
В провинции винцо недурно,
Но как-то всё... малокультурно.
К примеру, у мадмуазели
Глаза испуганной газели,
А на Сенной красотки-кralи
Меня серьёзно обокрали.

Кому повею печаль, когда я
Спасаясь от прекрасных чар,
Бежал под пули янычар?
Ах, то история другая,
Но попрошу потомков я –
Пусть никогда ваша Сенная
Не будет имени меня!

10.04.2003 г.

* * *

**Кстати о Ростове. Симпатичный город. Я там
Был этой осенью. Проездом.**

М.Зощенко. «Ростов»

Кстати о Ростове. Город симпатичный.

Я там был проездом из Москвы на Юг.
Климат мягкий, славный, и народ приличный –
Хулиганов нету, нету и ворюг.

По Большой Садовой каждая девица
Смело ходит ночью – ну почти одна.
И, что характерно, – вслед не матерится
Ни один прохожий – видимо, видна

В этом воздержаньи некая культура,
Я не сразу понял, но потом допёр:
Хулиганства нету, так как физкультура
Занимает граждан с некоторых пор.

Вот пример: читаю как-то фельетон я,
Сидя на скамейке в городском саду.
Вдруг какой-то парень, рожа моветонья,
На меня, играя, прыгнул в чехарду.

Я, конечно, мог бы резко возмутиться,
Дескать, прекратите хулиганский акт,
Но смекнул: не стоит на него сердиться –
Это ж у спортсмена тренировка. Факт!

Я хоть и приезжий, и одетый чисто
Был, пока не сбили чехардою с ног-с,
Мог ещё отделать парня-шахматиста,
Ну, а как в итоге пострадает бокс?

04.06.2003 г.

* * *

Рекламой фильмы прерывать
Кошунственно и неэтично.
Рекламодателю – плевать:
Зато доходно и практично.

Реклама, в общем-то, нужна,
Но надо место знать и меру.
Ведь мысль автора важна
Без перерывов. Для примеру:

А.С.Пушкин

К А.П.Керн

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как не крутис, без «Злата» не обойтис!
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.
Пиво «Арсенальное» – пиво с мужским характером!

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Вы не забыли сменить прокладку?
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Дентал-Академия-я-я – максимум!

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
Творог «Даниссимо» – верное решение!
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
Понима-а-аешь?! – «Иж!..»

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
«Виспа». Вкус нежности...
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.
«Кальве»... Мама... – Вовочка...

Душе настало пробужденье
И вот опять явилась ты,
Как не крутис, без «Злата» не обойтис!
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.
«Доширак». Отменное качество.

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
«Битнер». Просто – «Битнер»
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.
«Веромакс». Парус любви для двоих...

05.12.2001 г.

* * *

Оранжевая как живая в проран как рана
ножевая струила стройных струй струи
среди непокорной непогоды свои живые воды годы
в нагроможденьи дымных туч у чёрных скал
и скальных круч искал кто луч кто бурных буч
кто ярких встреч или идей кто драгоценных
орхидей гремел Ауграбис бесновато и ключья пены
словно вата текли поодаль вдоль покато мимо
далёкого Вармбада седые брызги водопада брезгливо
падали на падаль и дальше вдаль в долину в дол
грызя у дальних скал подол неслись и стаи юрких рыб
у глыб с луной соперничать могли б подстать наядам
чешуйчатым своим нарядом блестя прекрасным и заката
луч окрасил красным и багровым огромный ворох
туч черневших и лиловым облил летучих облаков
черёд и розовым их перистый перёд затем сверкнув
крово-красным глазом затухнул разом ночь
наступила в полной темноте текли но те
или не те не ведал ум в проран бурлящий
оранжевые воды и отзвуки недавней непогоды
порой тревожили перекрывая шум воды бегущей
и гремящей пока луна не выплыла над чашей
и кущи роц потоком серебра не облила подобно
бра над традесканцией висящей а утро тронуло
туманом по рододендронам и каннам по
эхинатумам мохнатым посыпало жемчужным
платом как потом или матом и потом повесив
радуги дугу над водопадом как бисером сверкнуло
мирадом росинок-бусинок на перьях пером и
перламутром вспыхнув над прораном у скал
богатых торием ураном подобно белому бенгальскому
огню поблекло уступая место свету а время
дню и день настал

14.11.1999 г.

ПАНОРАМА

Миновала вакханалья золотого листопада,
Ожидая снегопада, побелела колоннада.
Загремела канонада – назревали непогоды,
Колдовала Мать-природа, поливая огороды.
Артишоки, портулаки поспедали, угрожая
Бахчеводам скороспелым многотоньем урожая.
Дозревали помидоры, патиссоны, баклажаны;
Покупали чечевицу пожилые горожане.
Облетели абрикосы, облепиха, ежевика;
Переспели гонобобель, заманиха, куманика;
Потемнела тернослива, лавровишни половина;
Перезрела земляника, костяника, клещевина.
Полиняло небосвода голубое покрывало.
Запылали перелески бересклета, краснотала,
У которых поднимали свои лапки сенбернары,
Водолазы, волкодавы, спаниели, курцхаары,
Фокстерьеры, доберманы, далматины, командоры...
Недалече простирались островные Командоры.
Уползала за барханы каравана вереница.
Ударенье изменивши, перезрела смоковница.
Неумело продавала своё тело Магдалина.
Оплетала паутина ароматом никотина.
Состояньем побережья восхищая Каналетто,
Волновала Карапета панорама парапета.
Ниагара рокотала катарактой водопада.
Королева Изабелла захотела винограда.
Каравелла Магеллана, покидая Эльдорадо,
Нагрузилась до упаду коробами шоколада.
Закатала тётя Ада восемь банок маринада.
Потемнело. Подбалконно зазвучала серенада.
Полюбила Колумбина молодого Арлекина,
Квазимодо – Эсмеральду, Леонору – Марселина,
Шахразада – паладина под покровом паланкина,
Молодого конокрада полюбила баба Рада,
Позабыла Командора непоседа Дона Анна –
Огорчила Лепорелло, полюбила Дон Гуана.
Неразумно оставаться молодыми стариками,
Новомодно отдаваться Камасутре с потрохами.
Ненавижу перемены, проклиная непорядки,
Помышляю непременно отдаваться физзарядке.
Исполняя повеленье молодого организма,
Продолжаю заниматься пропагандой туризма,
Инстинктивно вспоминая дорогое основное...
Вероятно, «панорама» дорисует остальное.

03.03.2003 г.

Не каждый автор отважится представить на суд людской своё первое поэтическое произведение, поскольку оно ещё не лишено некоторых технических недостатков, однако в первом стихотворении, сочинённом ещё не замыленным творческим аппаратом, как правило, уже сквозит жизненное кредо автора, его мировоззрение и, если хотите, менталитет. Ведь именно с него, с первого стихотворения, становится видно – поэт ли автор, или банальный стихотворец. В конечном итоге, всё творчество автора несёт отпечаток первого приобщения к миру искусства, сохраняя то основное, что явилось впервые к творцу, и впоследствии будет лишь развиваться, улучшаясь и совершенствуясь, но сохраняя этимологическую связь с первым, волшебным творческим озарением.

Именно поэтому я считаю возможным включить в свой сборник первое стихотворение, тем более, что разрыв во времени между первым и вторым стихотворением у меня составил четырнадцать лет. Итак, вот оно, моё первое стихотворение:

Открылась дверь,
Вбежал зверь,
Заглянул в котёл,
Оказался осёл.

< 1940 >

В этом произведении, как и во всём последующем моём творчестве, видны черты сюрреализма, анимализма, стремление самое важное приберечь для концовки стихотворения, лаконичность, лёгкий налёт юмора, отказ от нерифмованного стиха, и десятки других, хорошо видимых специалистам-литературоведам особенностей.

У читателя может возникнуть вопрос: вбежал ли осёл в дверь, или он оказался в котле? Я-то знаю, как автор, но в том и состоит творческая тайна, что у читателя создаётся впечатление приобщённости к этой тайне, кажется ещё мгновение – и она будет раскрыта именно им, читателем, и никем более! Эта амбивалентность, в моём понимании, самое ценное, что есть в поэзии.

Вот почему я рискнул опубликовать его, своё первое поэтическое детище. Оно, разумеется, не лишено, как и большинство последующих моих стихотворений, недостатков в ритмическом построении, брутальности и лиценциозности, но читатель простит автора, ведь ему тогда было неполных два года от роду.

И, чтобы быть уж совсем честным с читателем, должен сказать, что лет пятнадцать тому назад в радиопередаче о каком-то поэте, я услышал своё первое стихотворение, приписанное поэтом себе. Я не спорю, что этот поэт тоже мог сочинить это стихотворение, и не обвиняю его в плагиате. Просто мысли умных иногда встречаются.

18.04.2004 г.

АЙ , ДА СУКИНЫ СЫНЫ

Кай, муди, ога́р, бувье, маркисье, кувáс,
Помещу в свои стихи, втисну в строчку вас,

Лауфхунд, чувач, сикоку, та́зы, смаусхонд,
Пополняете поскольку вы словарный фонд,

Чихуахуа, шапендус, ксолойтцкúинтли.
Только людям этот фонд очень нужен ли?

Ойрази́р, поденгу, бúхунд, маламут, левсéк ...
Мне он нужен – я ведь с детства баламут для всех!

16.08.2003 г.

РЕЦЕНЗИЯ

Мне сказали грамотные люди,
Про собачек мой прочтя стишок:
«Ударенье правильное муди,
Не муди́, дружок!»

09.02.2005 г.

Онамясь, надувши нюни, шёл я под омбрелькой.

Ты мне нравилась в июне шёлковой бретелькой.
Мимо лывы, или мяги, шёл я, рвя опорки.
Булькал в самодельной фляге мой настой копорки.

Волки летом в чаще чаще, в октябре же реже.
Пруги прыгали летящее, цвета грязной бежи.
Мнилось, что вокруг саймири носятся по веткам
Махагони – в этом мире древесам не редким.

Средь емшана – заберзат вега и синюхи.
Если станешь замерзать – выпей запридухи:
Лампопо, где мараскин и люнель в основе,
Как мозгами не раскинь, было Вове внове.
Так же, как маседуан, или ерундопель,
Так же, как авто нисан, или, скажем, опель.

Под ногами минерал типа граувакка.
Не устроить ли привал типа бивуака?
Привалиться и вздремнуть – не тянуть мелёду!
Ну, приснится ж эта муть дремлющему деду.

Средь мелодий в стиле «поп» хныкающих скрипок,
Под кустом сидел эпопт, цыкающий скнипок.
Пустосвят и охломон – видно по киндяку.
С кукельваном пива он выпил с переляку.
Пряглой толстой закусил, показав сноровку,
И потачку не спросил, как и поноровку.

Я проснулся. Разгадать надо б сон по книгам,
А пока и я пожрать навострился мигом:
Пепермент в тиши пия и ашяя вафли,
Позабыл про сонник я, Шестокрыл и рафли.
Но, врождённый любослов, свой брульон отверзши,
Записал с десятков слов, чуть ли не умерших.

22.08.2003 г.

ГЛОССАРИЙ

- А**вто́ – автомобиль, легковая автомашина.
Аша́ть – есть, принимать пищу.
Беж – бледно-коричневый цвет.
Бивуа́к – расположение идущих в походе на ночлег, бивак
Бретелька – тесёмка, поддерживающая одежду.
Брульо́н – черновая тетрадь, черновик, набросок.
Ва́фли – тонкое хрустящее печенье в клеточку.
Ве́х – растение семейства зонтичных, цикута.
Во́лки – санитары леса.
Глоссáрий – толкователь устаревших и иностранных слов.
Граува́кка – темноцветная осадочная горная порода.
Емша́н – душистая степная трава.
Ерундóпель – салат из икры, рыбы и овощей.
Заберза́т – полудрагоценный камень желтовато-зелёного цвета.
Заприду́ха – водка, описанная Н.Лесковым в повести «Старинные психопаты».
Киндя́к – хлопчатобумажная ткань; кафтан особого покроя из этой ткани.
Кни́га – печатное издание, существовало до Интернета.
Колдо́бина – крутая яма.
Копо́рка – иван-чай.
Кукельва́н – то, что в 1861 г. А.И.Крон и другие петербургские пивовары подмешивали в пиво, в чём были изобличены.
Лампопо́ – напиток из холодного пива с лимоном и ржаными сушками; смесь из разных напитков. (Шутливый перевёртыш: пополам – лампопо.)
Лы́ва – лужа.
Любосло́в – словолюб, любитель слов. (Не путать со «словоблуд»!)
Люне́ль – лёгкое сладкое вино.
Ля́га – непросыхающая лужа, колдобина с водой.
Мараски́н – ликёр из вишен.
Маседуа́н – кушанье из овощей и фруктов под соусом, или облитых вином.
Махаго́ни – тропическое дерево с красной древесиной.
Меледа́ – пустяковое дело, требующее много времени; канитель.
Мелодия – мотив, ранее был обязателен в музыке.

Минерáл – часть горной породы.
Мнѝться – казаться.
Мозгѝ – серое вещество в голове, которым раньше думали.
Нисáн – марка японского автомобиля.
Ню́ни – губы.
Омбрéлька – зонтик от солнца.
Онамнѝсь – недавно, несколько дней тому назад.
Опель – марка немецкого автомобиля.
Опóрки – ветхая обувь, надеваемая на босу ногу.
Отверзáть – раскрыть, распахнуть.
Охломóн – плут, мошенник.
Пепермéнт – прохладительный напиток зелёного цвета.
Переля́к – испуг, перепуг.
Понорóвка – поблажка, потворство.
Потáчка – послабление, поблажка.
Пру́ги – саранча.
Пря́гла – толстый блин, лепёшка в масле.
Пустосвѝт – ханжа.
Раскѝнуть мозга́ми – подумать (переносный смысл).
Ра́фли – книга для гадания.
Сайми́ри – цепкохвостая обезьяна.
Скни́па – вошь.
Тишь – отсутствие шума, покой, тишина
Фля́га – походный сосуд для воды, или вина.
Шестокры́л – книга для гадания, запрещённая русской церковью, как еретическая.
Цы́кать (простонародное) – давить ногтем с треском.
Эпо́пт – созерцатель, мудрец.

* * *

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился...

А.С.Пушкин. «Пророк»

И у меня пустела кружка,
И я был жаждою томим,
И строила рога подружка,
И изменяла мне с другим.

И я встречался с серафимом,
И мне являлся он надясь
И голосом неустрашимым
И мне воскликнул он «Смирись!»),

И мне проворною десницей
И в пасть и в глотку он полез,
И грязной рваной рукавицей
И мой язык испачкал весь.

И стало мне во рту противно,
И отвратительно притом,
И плюнул я бесперспективно,
И в глаз попал ему плевком,

И произнёс неспраднословно
И вовсе не лукаво так:
«И что ведёшь себя ты, словно
И впрямь не ангел, а ишак?»

И он восстал, себя воздвиждем,
И он словам моим внемлил,
И, вытря глаз, меня увиждем,
И еле слышно спросил:

«И что тебе, поэт, я сделал,
И чем себя я провинил?»
И я ему ответил смело,
И был ответ мой полон сил:

«И ты ещё не стоматолог,
И у меня не стоматит...»
И голос мой и бодр, и молод,
И звучно звук его звучит,

И был он провиденциален,
И убедителен, и лих,
И шестикрыл поник, печален,
И побледнел, и свял, и стих,

И внял словам, и обмер, млея,
И перепугано икнул,
И я лягнул его, смедея,
И шариковой ручкой ткнул.

И я с тех пор хожу, внимая
И гадам, и громам небес,
И ягоды с лозы снимая
И с дрянью косточек, и без...

И я зеницы отверзаю
И части прочие лица,
И вижду, и девиц лобзаю,
И жгу глаголами сердца!

22.09.2003 г.

СКЛОН

Солнце, устав, к окоёму склоняется.
Солнечным светом склон освещается.
Светятся ивы, низко склонившие
Сонные ветви, плакучими бывшие.
Стали видны сухоцветы склонённые,
Стойкие к засухе, серые, сонные.
Серая мышка под стогом склонившимся –
Совам добыча, в дупле притаившимся.
Суслики свищут, к общению склонные,
Смотрят, до обморока удивлённые –
Стихосложенец по склону слоняется;
Склонность к склерозу так проявляется...

22.03.2005 г.

ПРИМЕНЯЯ МОНОРИМ

Примелькались просто рифмы, захотелось монорим.

Примечательно, что прозу сочинял и Аморим.
Применив старинный миф, мы древний Рим благодарим.
Примем дозу от морозу и к вершинам воспарим!

Примемся, как братья Гримм, или как Мустай Карим.
Примитив примитивизма свой в душе отmaterим.
Примеряясь в третий Рим, в даль шагает пилигрим.
Применив декокт пер клизма, помер старец Питирим.

Примус грохнет – кто-то охнет, заорёт: «Пожар, горим!»
Применив поточный метод, мы куплеты сотворим.
Примула в горшочке сохнет, хочется бедняжке в Крым.
Примиритесь с тем, что это не сюжет для братьев Гримм!

Примавера – это снова радость театральных прим.
Приму курим... Ну, про эту гадость мы не говорим.
Применив совет Пруткова, иногда мы в корень зрим, –
Применительно к поэту, дамы скажут: «Экий грим!..»

25.04.2005 г.

Я б тоже оплевал прохожего,
Который Ланга не читал,
Когда б желания прохожего
В его глазах не прочитал...

25.04.2005 г.

* * *

Я вам приснюсь, коль накануне выплусь.

* * *

Лихач переживал лихое время.

* * *

Поверьте: баба – это молотище!

* * *

Уж пресмыкался гордо и изящно.

* * *

Текилы ток по жилам тѣк текуче.

* * *

В виски стучало виски после «плиски».

* * *

От бренди сбрендил денди в гасиенде.

* * *

Сакэ? Сливовицу – из сливы гонят, знаю.

* * *

А вот как водка к пиву приложилась.

* * *

Заматерел, видать, – заматерился.

* * *

А это просто шоу. Не Бернард.

* * *

Джим джинсы пропил – джину захотелось.

* * *

А барбекю – это куда, простите?

* * *

Не хулиганьте – вы не на бомонде!

* * *

Мне Гриша вспомнился: ведь на обед – свинина.

* * *

Жеребёнок, конь, конина – биография.

<2003-2004>

.....00000**O**00000.....
.....000000**OO**0000000.....
.....00000**O**00000.....

С О В Е Т   Н А Р К О Л О Г А

Не пей всего, что может литься.
Оставь чуть-чуть опохмелиться!

13.08.2003 г.

С О В Е Т   С Е К С О П А Т О Л О Г А

Не трахай всё, что шевелится.
Пусть дэв останется девицей!

13.08.2003 г.

С О В Е Т   С О В Е Т О Л О Г А

Не стоит на супругу злиться –
Не лучше ль на детей излиться?

13.08.2003 г.

С О В Е Т   П О Э Т А

Ты хочешь совета поэтов?
Но я б тебе посоветовал:
Не слушай ничьих советов,
Даже моих. Даже этого!

20.04.2004 г.

ПЕСНЯ

Я тебя люблю, люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю, – 2 раза
Люблю, люблю, люблю. – 2 раза

Припев

Люблю, люблю, люблю, люблю,
Люблю,
Люблю, люблю, люблю, люблю, – 2 раза
Люблю. – 2 раза

Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю, – 2 раза
Люблю, люблю, люблю. – 2 раза

Припев

Люблю, люблю, люблю, люблю,
Люблю,
Люблю, люблю, люблю, люблю, – 2 раза
Люблю. – 2 раза

Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю, люблю,
Люблю, люблю, – 2 раза
Люблю, люблю, люблю. – 64 раза
А ты меня?

04.11.1999 г.

* * *

Я дрожал,
Яд рожал,
Ядро жал,
Ядро ж ал.

Я.

Шла вдоль опушки межа.

Вижу ужа.
Я, от испуга дрожа,
Сел на ежа

Выглянул лунный лучик
Из-за тучек.
Вынул я острых колючек
Триста штук.

Сразу дрожать перестал.
Природа – не дура!
Я на себе испытал:
Акупунктура!

14.08.2003 г.

Я И Ц А Р Е Л Е С К А

Себя поэтом ощутив,
Уже шестидесятилетним
В литературный коллектив
Пришёл я ранним утром летним.

Пришла зима, а вместе с ней
Ко мне пришла одна идея,
И с ней становится ясней:
Пишу стихи я, молодея.

К весне мне снова тридцать семь –
Опасный возраст для поэта.
Андрей Андреич Вознесен-
ский хорошо сказал про это.

Потом мне стукнет двадцать пять,
А восемнадцать будет к лету.
Потом тринадцать, и опять
Придёт любовь ко мне, поэту.

Она начнёт изображать
Сухую деловую даму.
Я стану ей стихи писать
Про то, как мама мыла раму.

Потом на смену школьных див
Придёт детсадовская каста.
Потом исчезнет коллектив.
Потом скажу «Агу» – и баста.

23.09.2001 г.

СТИХОТВОРЕНИЕ О ТОМ,
КАК ПОДРАЛИСЯ ПЁС С КОТОМ,
ЗАДЕВ ПРИ ЭТОМ ДЫШЛО,
КОТОРОЕ, УПАВ С ПЛЕТНЯ,
ШАРАХ ПО ТЕМЕНИ МЕНЯ,
И ЧТО ПРИ ЭТОМ ВЫШЛО

А вышла гематома –
Предмет второго тома.

17.12.2001 г.

* * *

Золото лоз, глаз топазы,
Шорох стрекоз, крыльев стразы,
Запах волос, нежные фразы,
Дюжина роз, тень от вазы,
Блеянье коз – цыц, заразы! –
Всё унеслось, словно КРАЗЫ,
Скрылось...

Позавчера дунули бризы,
У гончара начались кризы,
Пьют кучера дейзи и физы,
Диспетчера тоже уж сизы,
Спит девчура – смолкли капризы,
Ты мне вчера – вот так сюрпризы –
Снилась...

26.08.2003 г.

* * *

Как Малевич , создавший кубизм,
Я торю целину для других.
Я течение открыл – квадратизм.
В этом стиле и мой «Белый стих».

На листе ни куплета, ни строчки,
Но, чтоб творческой личностью слыть,
В уголочках шедевра по точке
Метранпажа прошу поместить!

Наизусть его так легко выучить!
Вслух прочесть его может немой!
Нелегко было стих этот вынянчить –
Посмотрите-ка длинный какой.

Эти двадцать четыре страницы...
В них всё то, чем я с вами делюсь.
Правда, срезал издатель границы –
Гонорар экономит, боюсь.

БЕЛЫЙ СТИХ

*

*

*

*

10.04.2002 г.

ОБЪЕКТУ МОИХ ПАРОДИЙ

В архивах море Вашей прозы стынет...

Ах, сколько пищи для лихих умов
Лежит недвижно, ждя, когда же минет
Её забвенья час в наш век громов!

Россия не забудет Ваши грёзы,
И – виртуально, не запачкать чтоб –
Юбилярующемуся я букет мимозы –
Бросать не стану, – возложу на лоб.

Родились Вы в многострадальном веке.
Юпитер, папа Муз, иль бог-писатель Тот,
Скорей всего, Ваш прапрапрадед, вот.

О Вас уже литературы – реки.
В них и моя струя пускай течёт.
Узнай же, мир, об этом человеке!

Вы истинный творец стихов и прозы.

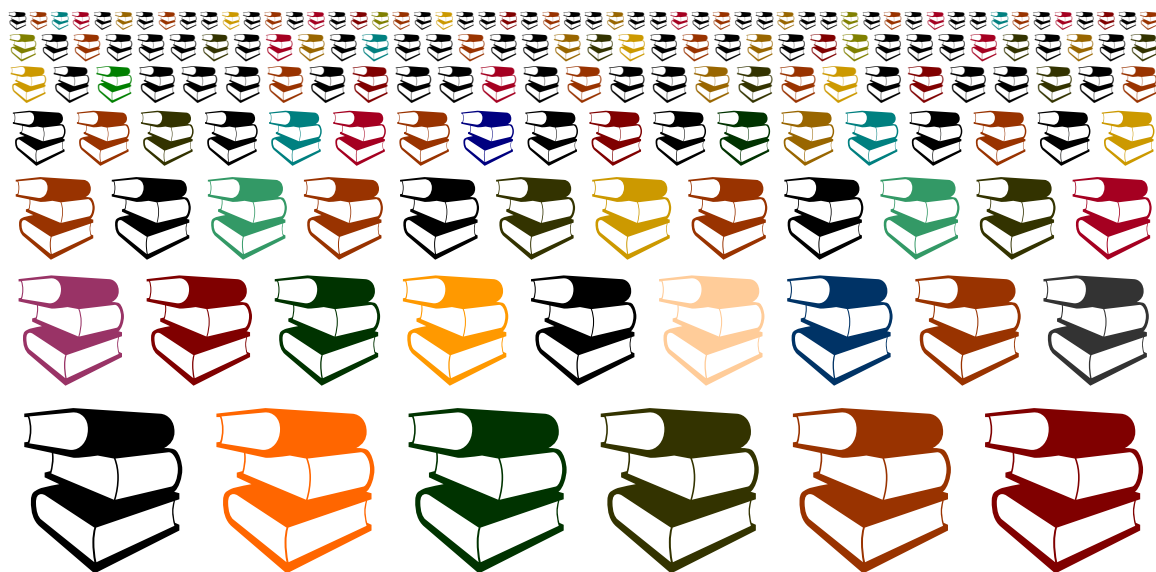
Архив их непростительно погрёб.
Лежат они в архивах, словно розы
Ещё не брошенные в юбилейный гроб.

Россия скоро Ваши вирши вынет
И напечатает сто тридцать пять томов.
Юродивело общество, а Вы – нет,
Блок узких улиц и Бальмонт домов.

Родились Вы аж в позапрошлом веке.
Юбиляринить вам – на этот год.
Сто тридцать лет – уже не мальчик, вот.

О, сколько пищи пародистам – реки
В архивах до сих пор – невпроворот!
Узнай же, мир, об этом человеке!

20.09.2003

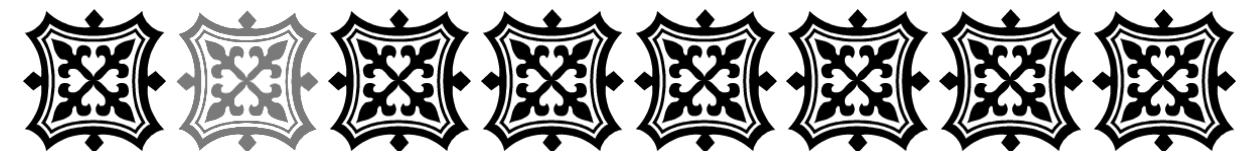
МЕДИКИ

(Басня)

Раз встретил сельский врач
Ветеринара,
И эта пара
Идёт, болтая, среди дач.
Их обдувает ветерком...
Навстречу – несколько девчат...
– Смотри, какие девки, брат, –
Кровь с молоком! –
Ветеринар и говорит:
– По виду девушки здоровы,
Но у коровы,
Скорей всего, мастит!..

Мораль: чтоб выглядеть морально,
Не принимай слова буквально.

14.11.1999 г.

КУПЮРЫ

(Басня)

Писатель раз роман в редакцию приносит.

Его чуть-чуть хотели сократить.

– Купюр не надо! – автор просит. –

Редактор : – Я не думал вам платить,

Но если речь заходит о купюрах,

А вы у нас печататься хотите, –

По три нуля из каждой строчки уберите,

Чтоб все мы не ходили в дурах! –

Читатель ждёт морального финала?

Мораль под три нуля попала...

19.11.1999 г.

НЕБОЛЬШАЯ СТИРКА

(Басня)

– **Куда?** – жена спросила мужа,
Его идущим обнаружа.
Потом увидела она (глаза жён цепки)
В его руках бельё, верёвку и прищепки,
Но не видала мыла.
– Повеситься хочу, – ответ шутливым был.
Жена же, не расслышавши спросила:
– А мыло не забыл?
И муж её тот час же разлюбил.

Мораль: В забывчивости не вини мужчину,
Заставь купить стиральную машину.

04.01.2002 г.

ЛИСИЦА И ВОРОНА

(Басня)

Как-то сыр ворона ела.
Ей лиса сказала: «Спой!»
Ну, ворона сыр доела
И поёт: «Карга, долой!..»

15.05.2005 г.

* * *

Да, конечно, я не Пушкин,
Не Жванецкий, не Коклюшкин,
Но, когда звучит в эфире
(Радио в моей квартире):
«Чтобы газ был постоянно,
Надо помнить неустанно,
Своевременно плати, –
Вечно с газом будешь ты!»,
Я решил – не быть мне в луже,
Не ударю в грязь лицом,
И другим каким концом,
Ведь мои стихи – не хуже,
Чем подобные «вершины».
Я свои назвал «Виршины».
Мой кумир высок, суров –
Александр Иванов,
И, поскольку я не «ширше»,
У названья корень «вирши».
Вы ко мне не будьте строги,
Прочитав мои эклоги,
Прибаутки и частушки, –
Я ведь, всё-таки не Пушкин!

1999-2000 гг.

ВИРШИНЫ

1. **То** дождь, как из ведра,
То ведро.
То голова мудра,
То бедра.
2. Принёс мне как-то брат стихи:
«По-пьянке» про тебя, хи-хи,
Вот – сочинил когда-то!»
Я тоже рифмами грешу,
Но я по-пьянке не пишу,
Я лишь читаю брата.
3. На площади сто га
Раскинулись стога,
А двести три гектара
Покрыла стеклотара.
4. Возле мусорного бака
Два больших собачьих глаза.
Береги себя, собака, –
Там ведь может быть зараза.
5. Собака любила стоять на посту,
Бродила в ней зверская сила,
Догнала машину уже на мосту,
За шину её укусила.
6. Нашёл товар,
Пошёл на торг,
Имел навар,
Исторг восторг
И стал реализатор,
Купивши куркулятор.
7. Протяните мыслей нити
И из них сплетите сеть.
Этой сетью не пустите
Мысли улететь.

8. С детства я любил дурачиться,
И не надо грозно хмуриться, –
Спрашивал, коли артачится:
«Прости, тут какая улица?»

9. Сказала дама мне: «Уже
Вы три часа, как неглиже».
И я ответил простодушно:
«Пардон, мадам, мне просто душно!»

10. Мы будем с юмором всегда
Непрядву вспоминать.
Мамай воскликнул: «Нас – орда!»
Донской в ответ: «Нас – рать!»

11. Стену не снести копытом,
Стену нужно динамитом,
Или нужен крепкий лоб,
Протаранить стену чтоб!

12. Где-где, а в туалете писсуар –
Необходимый нам аксессуар!
И я уверен – быть большой беде,
Когда б на свете не было биде!

13. – Что это? – Штирлиц вопрошал,
Записку Мюллера держа, –
Ответьте мне сначала! –
– Как что, – ответил тот дрожа,
И ею очень дорожа, –
Не видите? Конца начало!..

14. – Мне нужен муж, но только подходящий...
– Тогда возьми меня!
– Чтоб был красивый, умный, работающий...
– Тогда купи коня!

15. Между рогом и разворотом
Так тесна взаимосвязь:
Знают многие ребята –
С пантокрином будешь князь!

В то же время так знакома
Истина ребятам:
Не пускай жену из дома,
Чтоб не стать рогатым!

16. Послевоенное

Шанели запах на панели,
По-видимому, номер пять.
Уходят в пошное шинели,
А кто вернулся к нам опять?

17. У художника Ван Гога
Натюрмортов было много.
Ни один не тронул души,
Но зачем же резать уши?

18. Принцессе Анхальт-Цербстской

Кать, а Кать,
Ты велика, Кать!
Твою мать
Вели оплакать!

19. Забил заряд я в пушку туго.
«Ба-бах!» И разорвало друга.

20. Эпитафия

Он умер прямо на жене.
Всю жизнь грешил он непристойно.
Ну, хоть почить его вполне
Сподобил наш господь достойно.

21. Танцевать ты твист не можешь.
Посчитай-ка «раз-два-три».
Этим делу не поможешь?
Значит, плюнь да разотри!

22. Помню школьные года. Книжки и тетрадки.
Двойки, тройки – не всегда. Иногда и пять.
Если б эта ерунда снова – без оглядки
Убежал бы, как тогда, в Африку гулять.

23. Печка, примус, керосинка,
Керогаз и просто газ.
А до этого, наверно,
Долго был костёр. Погас.
Но закон экстраполяций
Говорит о том, что МАС, –
Микро-Атомное-Солнце
Скоро будет у всех нас!

24. Вася съел сникерс. Доволен и сыт –
Жизнь хороша и легка.
Вовочка тоже доволен и сыт –
Вовочка выпил пивка.

25. Подожду ещё пока
Окультуришься слегка,
А без пирсинга пупка
И без татуажа –
Мне не надо голубка.
Вот такая лажа!

26. Падают снежинки,
В поле снег лежит.
Ссорятся две жинки
И один мужик.

27. Две мышки-полёвки резвятся
Под жёлтой осенней копной.
Мозги не спеша шевелятся
В коробке моей черепной.
Растёт на меже чернобыльник
Чернобыль дымится в траве,
И я получил подзатыльник
По новой, второй голове.

28. Не могу сидеть без дела
С выражением лица.
Рифмоплётству – нет! (предела)
Графоманству – нет! (конца).

29. Сказал нам ротный: «Братцы, шеи
Не высувайте из траншеи,
Понеже иначе все вы
Останетесь без головы!»

30. В партию Лимонова экспрессом
Я б вступил по наущенью свыше:
Я б Чубайса облил майонезом,
И из партии тотчас бы вышел!

31. Сказал мне сантехник: «Ну, что у вас? Да,
Простите, что поздно – заела среда!»
А про понедельник и вторник смолчал,
А я в воскресенье его вызывал...

32. В нашем доме стены лают –
И собак, и кошек – рать.
Их соседи выпускают
На ступени лестниц... спать.

33. В лексике русских заметен прогресс:
Видно влиянье воров в законе –
Нынче блатной, садясь в мерседес,
Спросит уже не «понял?», а «пóнял?»

34. А по требованию мэра
Безработным стал тореро.
И корриды нет пока –
Пожалел Лужков быка!

35. В небе птицы звонко пели.
Раздавался звон капли.
В подворотне водку пили.
Жулики завод купили.

36. Мы хотим начать с весьма
Любопытного письма:
Фермер из села Коврово
Пишет, что его корова
Резко снизила удои,
Стала нервной и худой,
Участились дефекации
После радиофикации...
Понимаю я корову –
Услыхала Пугачёву!

37. С детства непонятно мне –
Ветви с древа зданья, розги,
Бьют по, скажем так, спине,
А вправляют детям мозги!

38. Деду тоже нужны розги –
Не стихи – поток лузги:
Надо говорить не «мóзги»
Надо говорить «мозгі»

39. Скачет зайчик по полям,
Делит поле пополам.
Гонорары на два
Множит Генрих Падва.

40. Врубель. Демон вверх ногами.
Знать хотим, но где нам? –
Если Демон – падший ангел,
Кто же падший Демон?

41. Программист наш, Дмитрий Складов,
Смог взломать их коды.
Стал учить их, как школяров –
Потерял свободы.

Надо было не сажать,
А сказать «спасибо»,
И программу улучшать,
Хреновата, ибо!

42. Был холост Чебурашка –
Был быт его иной:
Была его рубашка
Неглаженной женой.

Женитьбу Чебурашка
Почувствовал спиной –
Он топает в рубашке,
Наглаженной женой.

43. От тренировок и возни
возникла классная команда,
И от Романцева они
Не получали реприманда.

44. Три беды на свете, мама, –
СПИД, Бен Ладен и реклама!

45. Богомол мне подсказал –
Повторяю вновь и вновь:
«Коль башку не потерял,
Значит это не любовь!»

46. Был героежды четыре
Брежнев Леонид Ильич.
Самым прогрессивным в мире
Был советский паралич!

47. Фундаменталистов не надо нам,
Тех, кто часами
В исламе
Курят нам ладаном,
А сами с Усами
Бен Ладаном!

48. Малдер Фокс и Дана Скалли
Инопланетян искали,
А секретный матерьял
Вашингтонец потерял.

49. Что девицу украшает?
Красота девицы в чём?
То, чему не помешает
Дополнительный объём.
Красота девицы –
Толстые ресницы!

50. Бен Ладен, вам давно понять пора бы,
Что мало только бороду побрить.
По цвету кожи узнают араба,
Но я скажу, что делать, так и быть.

Вам нужно навсегда кончать со спесью,
Обрезать нос, хоть вы и фарисей,
И с головы до ног покрыться песью,
Как Майкл Джексон – Яшкин Моисей.

51. В мире есть всего две бабы,
Мужики от коих слабы:
Это в Лувре Мона Лиза,
В Вашингтоне – Кондолиза.

52. «Толстяк», «Бочкарёв», «Три медведя», «Пикур» –
Не спорю, названья прекрасные!
Спросил Евдокимов, пивной Эпикур:
«Где «Банное»? Морды-то – красные!»

53. В русских нету чувства меры –
Характерная черта:
Если есть – всего без меры,
Если нет, то ни черта.

54. Нам не надо
«Эльдорадо» –
Ни кроссворда, ни программы,
И формат не лучший самый.
А с кроссвордом и с программой
Нам нужна (но не с рекламой),
Лишь «Минутка»!
(Это – шутка)

.....
Мой призыв услышан. Сам
Удивлён без меры.
Первый номер «Оверсан» –
То, что надо, мэры!

55. Истекают третьи сутки,
Как у нас нема «Минутки» –
Много требуют бумажек
Те листовки для бедняжек,
Кто с оружием в руках
Быть не хочет в дураках.
Раньше все эти «Минутки»
Шли бойцам на самокрутки,
А абреки улыбаются:
«Мусульмане – подмываются!»

56. Скажу идущим в баню парам:
Вы спариваться? С лёгким паром!»

57. Сюткин любит кофе «Гранд»,
Как и Зайцев Вячеслав,
А Калягин – дилетант:
К «Нескафе» ужасно слаб.

58. Нет, не те творят переворот,
У кого от голоду живот
Подвело, а сытые, кто в силе,
Но которых раз не покормили.

59. Чёрный прыщ у меня на лице, –
Обманул меня милый дружок:
Получила вчера в письмеце
Только белый, как мел, порошок.

60. – Купил? – Конечно! Повезло:
Четыре миллиграмма.
Радикулитам всем назло –
Хорошая мазь, мама! –
– А дорогая? – Вовсе нет,
Спасибо за удачу:
Я вот, смотри, – велосипед
Купил себе на сдачу!

61. Выборы! Вернулся праздник,
Вот такое ощущение!» –
Говорил один проказник
По чьему-то наущенью.
Я испытывал смущенье –
Видно, мозги набекрень,
У меня ведь ощущение:
В выходной – рабочий день.

62. Не жалею о реформах:
Я далёк от догм и норм.
Я жалею лишь о формах
Проведения реформ.

63. Я недавно хохотал
Так, что чуть не умер:
Сам Геращенко сказал –
Путь к банкротству – юмор!
Тотчас стало ясно мне,
Отчего дефолт в стране:
Натворили весь сумбур
Петросян и Винокур.

64. Стояла страшная жара –
Природа потеряла стыд,
И озверела просто.
Но нету худа без добра –
У дяди Вовы простатит
Прошёл без «Витапроста».

65. Он море темперой писал.
Штормило, как на горе.
Он то и дело восклицал:
«О, темпера! О, море»

66. Грыжа, волосы и зубы
Постепенно выпадают,
Но не только выпаденья
Стихотворцы наблюдают:
Ваш слуга покорный разом
Впал и в детство, и в маразм –
Он не только вирши строчит,
Он ещё издаться хочет...

67. Был банкир – имел банкноты.
Нет банкнот – увы, банкрот ты!

68. Ну, какой с поэта спрос –
Как-то раз на мой вопрос:
«Что ты любишь у жены?»
Он ответил: «Ужин, и...»

69. Будь попроще – красота
В простоте сокрыта,
И не верь, что простота
Хуже простатита!

70. Я не пью и не курю
Без нарколечения –
Я за то благодарю
Соцобеспечение!

71. Юность – это прозябанье.
Зрелость – скука без конца.
Старость – это ожиданье
Неизбежного конца.

72. Стали жертвами прогресса
Вопреки наукам:
Не лисы следы, след леса
Мы оставим внукам.

73. Не пускайте к физикам генсеков,
А не то случится ерунда,
И тогда на тысячи парсеков
Выплеснет сверхновая звезда.

74. Ты знаешь, что от гаргализма
Нам помогает диаклизма?

75. – Назови мне, милый друг,
Кофе, что известен всем
Городам и странам. –
Друг ответил мне не вдруг,
Он, подумав минут семь,
Выдал: – Кофе Анан!..

76. Ты хотел умереть от любви?
Стало быть, неуместна обида:
У тебя обнаружен в крови
Вирус СПИДа.

77. Чувствуешь ты лёгкую депрессию? –
У меня однажды друг спросил.
– Что ты! – я ответил ему весело –
«Лёгкую...» Да я совсем без сил!

78. День первый. Начало. Шестнадцать Иуд
На двух островках в океане живут.
Последний герой – это тот каннибал,
Кто дольше других раз в три дня предавал.

79. Марк Твен сказал: «Дорогу знанью!
Ходите, дети в школу, но
Хождение в школу не должно
Мешать образованию!»

80. Трудней всего найти иголку в стоге сена,
Когда ни солнца, ни луны на небе нет,
Особенно, когда у вас гангрена,
Тем более, когда иголки в стоге нет!

81. – Не нужна АЭС нам, нет,
Это – провокации! –
– А чего боишься, дед? –
– Радиофикации!

82. Коты гуляют в марте,
Уж так заведено
И в дальней Джокьякарте,
И в ближнем Ведено.

83. Букву «эль» и гриву Ещенко –
Был бы гривуазный Лещенко»

84. – Что ж ты раньше не признался
Мне в любви? Прошли года...
– Дорогая, я боялся,
Что ты мне ответишь «Да!»

85. При первых признаках подагры
Езжайте к минаретам Агры!
Но, если вовсе денег нету,
Не надо ездить к минарету!

86. Спросил директор школы строго:
Тебе не хочется острога? –
И речь его была строга,
Как для осётра острога.

87. Спортсменке Петровой со старта уйти!
Куда вам идти? Да хоть в шопинг –
Вы ели вчера шоколад «ассорти»,
А это известно что – допинг!

88. Стоят коровы впереди?
Вопри глаза в них. Впер? Иди!
Но, если вновь они возникнут,
То делать нечего – возьми кнут!

89. Ты вчера мне не дала повод,
И не кончил я вчера песни,
Я сегодня показал довод,
И сегодня кончу, хоть тресни!

90. Даме не понравился –
Был совсем худой,
И в запой отправился
Парень молодой.

91. Верлибр
Я с такой красоткой дружен!
Что она нашла во мне?
Я хорош собой снаружи,
А внутри-то весь в рифме!

92. Подчас зубная пломба
Лишает не апломба.
От пасты «Бленд-А-мед» –
Апломб, а пломбы нет!

93. Вот поёт певец Шура.
У него в жубах – дыра.
Не вжыщите, ешли грубо –
У меня вощце два жуба!
94. Сердце бьётся, бьётся, бьётся,
Но никак не разобьётся
А бывает – это факт –
Миокард даёт инфаркт!
95. Эти бифудум-бактерии
Так на вкус кислы и гадки...
Хорошо, что у Валерии
Всё с кишечником в порядке!
96. Я концы с концами свёл –
Батюшки, мой свет! –
Треск раздался, дым пошёл:
Лопнул мой бюджет...
97. Поп спросил себя в постели:
Очищение в посте ли?
И, поев бифштекс и грили,
Сам себе ответил: «В мыле!»
98. Порядок соблюдай,
Но только не для вида –
Без очереди в рай
Пусти-ка инвалида!
99. Я во сне убил вискашу
Из «Макарова».
Шкурку снял и бросил в кашу –
Будет варево!
Вдруг проснулся –
Я ведь бросил не в уху!..
Ужаснулся:
Я ж не выдрал требуху!..
100. Коли талант твой не погас,
Твори, поэт, с тобой Пегас!
Но если твой запал потух –
Не кукарекай, как петух!

НЕУДАЧНЫЙ РОМАН

(Центон)

Вот вам роман из жизни дачной.

Он начинался в октябре,
Когда зимы кристалл невзрачный

1. Мерцал при утренней заре.

Я шёл разболтанно и вяло
В густой вечерней пелене.

Чего-то мне недоставало

2. И что-то было не по мне.

А вот прошла в косынке синей,
Неся весенние цветы,

Доярка, схожая с Аксиньей,

3. Такой же жаркой красоты...

За ней мальчишки не ходили,
Не провожали до ворот.

Над нею девушки шутили,

4. Что старой девою умрёт.

Её случайная улыбка,
Невольный вызов плеч крутых...

Наверно, в паспорте ошибка,

5. И я моложе лет своих.

Мне говорят: – Не жди! Не будет

Ни через час, ни через год:

Она ни в праздники, ни в будни

6. Не позвонит и не придёт.

А женщина стояла рядом,
Прижавшись к стремени щекой.

И сумрак чёрным виноградом

7. Висел над самою лукой.

С улыбкой доброй, но победной
Поглядывал на всех вокруг

Нас познакомивший намедни

8. Ваш давний толстощёкий друг.

- В науке счастья мы – невежды!
Не нам судить-рядить о нём...
Но, чтобы жил огонь надежды, –
9. Не согревай меня огнём! –

- Поверил я, что всё возможно,
И невозможного ищу,
И всё что странно, всё что ложно,
10. В действительное превращу.

- А зорька – ночушке предтеча –
Играет тихо на реке,
И ты идёшь ко мне навстречу
11. С цветком лазоревым в руке.

- Я догоню тебя, русалка,
Коснусь горячего плеча.
Мне ничего теперь не жалко,
12. Скажи, что больше ты ничья.

- Я жить одна уже привыкла.
Не задевай меня, не трожь... –
И головой к нему приникла,
13. Смеясь ли, плача, не поймёшь...

- И всё расскажет женский взгляд –
Свет, вырванный из недр планеты,
И все желания раздеты,
14. И этот грех невольный снят.

- От ночи мрачной и незрячей,
Что затопила все пути,
Убереги меня, горячий,
15. Мой светлый, душу освети. –

- Так женщина лишь может плакать
Над несвершённой мечтой –
Когда царит бездонность мрака
16. В душе, слезами залитой.

- Приблизила свои печали
К моим тоскующим губам,
И губы сердце доставали,
17. Как будто сердце билось там.

- Ах, что же деется на свете! –
Из-за кустов несётся всхлип.
Старушка в плюшевом жакете
18. Ручонки вскинула меж лип.
- Поклон засушенной старухе,
Под старость возлюбившей чай.
Пусть эти гипсовые руки
19. Благословят нас невзначай.
- Бегут мятежной чередою
Счастливой юности лета,
Мечты игривою толпою
20. С собой заполнили сердца.
- О, жизнь простая в захолустье,
Где дни, как прежде горячи,
Но с ощущеньем новой грусти
21. Кричат отлётные грачи.
- Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поёт,
Благоухающие слёзы
22. Не о былом Аврора льёт...
- Сперва бессонницы медовой
Хотела юная душа,
А позже – выспаться бы вдоволь
23. У колыбели малыша.
- Натужный, дикий рёв младенца –
И звёзды сыплются из гнёзд!
Невмочь подняться и одеться,
24. И вместо сна великий пост.
- Придёт расплата тихим утром –
Он весь у времени в долгу...
И станет он золотокудрым,
25. Застывшим солнцем на снегу.
- Чем дальше ухожу от даты
Нелепой гибели твоей,
Тем больше, в чём-то виноватый,
26. Жду добрых от тебя вестей.

Мне лес протягивает руку
И подаёт мохнатый груздь –
Росой наполненную рюмку,
27. За ножку рюмочки берусь...

Поём, покуда нам поётся,
Поют и ветер и сосна.
Неведомо где оборвётся
28. Недозвеневшая струна.

И каждый день уходит поезд.
На целых двадцать лет назад.
Я провожаю, беспокоясь,
29. Его огни – его глаза.

Как близко будущее дышит,
Как мягко дышит небосвод,
Как сладко жить, и ждать, и слышать,
30. Как долго поезд не идёт.

–Я уплываю, уплываю
От светлой горести моей.
И для земли я – убываю.
31. И прибываю – для морей, –

Любить навеки угрожаешь.
Меня сны и города,
Ты улетаешь, уезжаешь –
32. И остаёшься. Навсегда.

Ты улыбалась мне с причала,
Светилась в утренних лучах
И непонятное кричала,
33. Мотора не перекричав.

Наверно, слов не оказалось...
Прощаясь принято молчать.
И я молчал, хотя, казалось,
34. Что смог бы «Ту» перекричать.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чём...
В минуты музыки печальной
35. Не говорите ни о чём.

Что мной утрачено, убито?
Никак сегодня не пойму,
Какой неведомый убыток
36. Мешает счастьем моему?

Былое не воротишь криком,
Но над квадратами полей
Твой тихий голос в небе тихом
37. Продолжен клином журавлей.

И только кошка в мире спящем,
Худая, с порванным хвостом,
Своим мяуканьем хрипящим
38. Напомнить хочет о былом.

Не думать, как стряслось такое,
Как отдалиться мы смогли:
Ведь нас на свете только двое –
39. Две горстки из одной Земли.

Мы не глядим в глаза друг другу.
Молчим. Ты слушаешь себя.
Я – разгулявшуюся вьюгу,
40. Что лёгкий снег несёт клубя...

А ты уже ничем не связан,
Увы, не ведаешь о том,
Что равнодушием наказан,
41. Сильней, чем грешники костром.

Ушла любовь, забрав с собою
И грустный вздох, и нежный взгляд.
В душе так пусто, как в соборе,
42. Когда в нём овощи хранят.

Я разлюбил тебя. Тоскую
От неприязни к бытию.
Клянусь и плоть свою людскую
43. И душу брэнную свою.

– Не стоит собирать осколки
Даров, для сердца дорогих.
Тут не помогут недомолвки.
44. Как ни трудись – не склеить их. –

Гремел трамвай. А предстояло
Постичь на опыте своем
Огни и мрак ночных вокзалов.
45. Но это всё потом, потом!

Боюсь, потом не пустит в гости
Сюда ни на день, ни на час.
Боюсь не знать, что будет после,
46. Как будет дальше здесь у вас.

Она так смотрит на дорогу,
И боль во взгляде так остра –
Картинные страдания бога
47. Пред этой мукою – игра.

Я не шумлю и не лютую.
А в думках трудное, своё –
Не как убить её, святую,
48. А как бы сохранить её.

Блеснула в небе колесница,
Бросая в звонах сноп огней.
Уверенный напруг Возница
49. Поводья бешеных коней.

Всё залито зловещим светом,
Как будто будет взрыв сейчас.
Что это? Первый день планеты?
50. Или её последний час?

Направленный ко всем планетам,
Несётся в небо трубный звук,
Как бы взывая к звёздам света:
51. – Я к вам иду! Я к вам приду!

– Пусть всё останется, как было:
Не жизнь – а только жизни миг,
На большее бы не хватило,
52. Ведь ты же знаешь нас самих. –

И в небе маятник копчёный
Висит, пропахнув стариной.
И всё, заметьте, золочёной
53. К нам обернувшись стороной.

И месяц, плывший над осокой,
Вдруг обернулся в острый нож,
И он вонзился в бок глубоко,
54. Смертельную рождая дрожь.

Как бы ужаленный из бездны
Лучом мерцающей звезды, –
Вопрос бессмертный, бесполезный
55. Скользнул по зеркалу воды...

О землю заступы звенели...
А рядом, в четырёх шагах,
Луна устроила качели
56. На телеграфных проводах.

И приняла в себя могила,
Развершаяся тяжело,
Всё, что на свете с ними было,
57. И всё, что быть ещё могло.

Ну, что ж! Пора, как говорится,
Начать сначала тот же путь,
Слегка взбодриться – ламцадрица! –
58. И повториться в ком-нибудь.

В том, что написанное выше
Сочинено, увы, не мной –
Надёргано из разных виршей –
59. Прости меня, читатель мой!

16.07.1987 г.

P.S.

В первоначальном варианте
Куплетов было ровно сто.
О краткости, сестре таланта
Стал говорить мне кое-кто.

Куплетов можно бы оставить
И семь, и пять, и три, и два,
Чтобы роман в стихах составить,
Но смысл остался бы едва!

Ведь краткость – теща гонорара.
Вам не знаком такой трюизм?
Лишь к ухудшению товара
Ведёт подобный лаконизм.

Наслушавшись благих советов
Короче сделать свой рассказ,
Решил я: быть числу куплетов –
Пятьдесят девять. Самый раз!

В «Неудачном романе» использованы куплеты
из следующих стихотворений:

1. Б.Ахмадулина «Дачный роман»
2. Б.Рошаль «Я шёл разболтанно и вяло...»
3. Л.Шемшелевич «В шолоховском краю»
4. О.Паули «Верность»
5. А.Гарнакерьян «С чужбины возвратилась птица...»
6. В.Жак (Памяти Л.К.)
7. Я.Козловский «Следил полёт звезды падучей...»
8. А.Фарбер «Чужие письма»
9. С.Руденко «Пусть свет в душе морозно-молод...»
10. Г.Еремеев «Законы творчества»
11. Б.Куликов «Когда один вдали от дома...»
12. Д.Санин «Я догоню тебя, русалка...»
13. В.Пахомов «Возвращение»
14. В.Проталин «Из чаши города отпей»
15. Е.Славоросова «Как страх и ночь темны и топки...»
16. Л.Чиботару «Так ждать лишь женщине под силу...»
17. Б.Примеров «Поёживаясь и сутулясь...»
18. В.Пахомов «В лесу»
19. М.Аввакумова «Поклон»
20. И.Земнухов «Нет, нам не скучно и не грустно...»
21. Н.Щербинский «О жизнь простая в захолустье...»
22. Ф.Тютчев «Не о былом вздыхают розы...»
23. В.Дроздовская «Желания»
24. Н.Карпов «Отцовство»
25. С.Курбангалиев «Подсолнух»
26. О.Шестинский «Матери»
27. В.Патаралов «Про лето пето-недопето...»
28. А.Пысин «Тяжеловесность канонады...»
29. Л.Дымова «Моё наследство»
30. П.Красноперов «На платформе»
31. Е.Нестерова «Я уплываю, уплываю...»

32. Э.Холодный «Ты уезжаешь, улетаешь...»
33. А.Сахнов «Ты улыбалась мне с причала...»
34. Л.Панин «Как жаль, что летняя погода...»
35. Н.Рубцов «Как будто вечен час прощальный...»
36. С.Кузнецова «И вот опять мне снится родина...»
37. В.Савельев «Былое не веротишь криком...»
38. Н.Тихонов «Кошка»
39. Т.Мельникова «Всё бросить, прыгнуть в поезд, мчаться...»
40. В.Пахомов «Опять фонарь с луною в споре...»
41. Л.Васильева «Да, это страшное блаженство...»
42. А.Дементьев «Признание друга»
43. Д.Самойлов «Бессонница»
44. К.Обухов «Памяти Нади Рушевой»
45. В.Есипов «Теперь с трудом припоминаю...»
46. М.Львов «Боюсь, друзья, не смерти самой...»
47. Н.Егоров «Ещё в войну пришло известье...»
48. В.Баянов «Святая простота»
49. О.Протопопова «Огненный бег»
50. Л.Шемшелевич «Южный закат»
51. П.Бровка «Горнист»
52. Б.Пуцыло «Не та, что есть, – совсем иная...»
53. А.Микута «Судьба летит на свет прилудно...»
54. В.Захаров «Белуга»
55. И.Шкляревский «Звенели дни голодным роем...»
56. В.Емельянов «Третья смена»
57. К.Ваншенкин «Курсанты»
58. П. Антокольский «Другой»
59. В.Ланг «Неудачный роман».

P.P.S.

Пускай роман мой неудачен –
Ведь не в сюжете весь изюм,
А просто я был озадачен
Обильем ямбов, и на ум

Пришло их выстроить в кильватер,
Как делал Николай Глазков.
Простит ли мне теперь читатель,
Что и приём, увы, не нов?

16.07.1987 г.

ЧУЖИЕ СТИХИ

(Центон)

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.
(Сергей Есенин)

- Загрустив** однажды почему-то,
«Есть ли дружба?» – ты меня спросил.
Эх, Сергей! Когда б хоть на минуту
1. Выходили люди из могил!

Вот стою я на Тверском бульваре –
Миру непонятный человек.
У меня в потёртом портсигаре
  2. Папиросы слабые: «Казбек».

День проходит, – до свету очнёшься,
Думаешь, заботишься, спешишь...
К вечеру, умаявшись, качнёшься,
  3. Сам не зная, спишь или не спишь.

В той поре, на диво многоликой,
Был один особый интерес.
За новорождённой земляникой
  4. Уходило детство моё в лес.

Я гляжу на солнышко с прищуром,
Улыбаясь всем кому не лень,
Невозможно оставаться хмурым
  6. Просто потому, что ясный день.

Я не верю в чёрное начало.
Пусть праmaterь нашей жизни ночь,
Только солнцу сердце отвечало
  7. И всегда бежит от тени прочь.

В белой роще птица откричала.
Белый сад забылся кратким сном...
Вот оно судьбы моей начало, –
8. Низкий дом с калиной под окном.

Словно звёзды, падая, сгорают,
Вижу, от зари и до зари
Над кустами косточки бросают,
9. Теребя калину, снегири.

Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчас сердцем не вспорхнуть;
Не могу, наперекор привычке,
10. Как войдёшь, – хоть молча не вздохнуть.

Меж теней погасли солнца пятна
На песке в загоревшем саду.
Всё в тебе так сладко-непонятно,
11. Но твоё запомнил я: «Приду».

Потемнеть заря уже готова;
Тихо всё. Час ночи недалёк.
Подымался и улёгся снова
12. На закате лёгкий ветерок!

Всё темней, темнее над землёю –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
13. Ангел мой, ты видишь ли меня?

Светлый месяц дождиком рассеян.
Тьма сарая старого густа.
Нежно пахнут яблоки на сене.
14. Тишина. И дверь не заперта.

Вот роса невидимо упала,
И восток готовится пылать;
Зелень вся как будто бы привстала
15. Поглядеть, как будет ночь бежать.

В темноту погружена окрестность –
Еле тлеют угольки в золе.
Как пришёл, так и уйду в неизвестность,
16. А ведь мог остаться на земле.

Где приют для мира уготован?
Где найдёт свободу человек?
Старый век грозой ознаменован,
17. И в крови родился новый век.

Просто люди мы, и оттого-то –
Сколько нас в машинах не вози –
Так нужна нам вечная природа
18. Посреди внезапной новизны.

Живописны яблони и вишни,
И, беспомощно ложась в постель,
Жить и жить хочу во имя жизни:
19. Жизнь – не средство, это самоцель!

Даже буквам в клетчатой тетради
Тесно, тесно до мозга костей,
Что ж сказать о диком маскараде
20. Жизнью необузданных страстей?

Но и всё ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
21. Эту жизнь за всё благодарю.

Спелая пшеница колосится,
Тихо льётся шум её густой,
И душа твоя в пространствах длится,
22. Замирая перед красотой.

Вот о чём, прожив уж полвека,
Думаю теперь всё чаще я:
Есть-таки душа у человека,
23. Есть! Причём у каждого своя.

И душе не страшно расставанье –
Мудрый дар играющих богов.
Мир тебе, священное сиянье
24. Лигурийских звёздных вечеров.

Божий мир люблю я, – в вечной смене
Он живёт и красотой цветёт.
Как поверить злобе иль измене?
25. Тёмный час проходит и пройдёт!

Я люблю тебя, большое время,
Но прошу – прислушайся ко мне:
Не убей последнего тайменя,
26. Пусть гуляет в тёмной глубине.

Я открыл глаза, и надо мною
Крик гусиный проплывал в ночи,
Да висели сеткою сквозною
27. Скрещенные в воздухе лучи.

А потом в твоём зелёном храме
Медленно, как следует царю,
Ты, неверный, пышными стихами
28. Юную приветствуешь зарю.

Утром небо ясно и прозрачно,
Ночью звёзды светят так светло;
Отчего в душе моей так мрачно
29. И зачем на сердце тяжело?

Что за гром? То грозные обвалы.
Тяготенья вервь напряжена,
Непрерывно тянет сверху скалы
30. В глубь долин и валит их она.

Если там, в пределах отдалённых,
Где душа должна блаженство пить,
Тяжких язв, на ней напечатлённых,
31. Невозможно будет излечить,

Разорвись, завеса в тёмном храме,
Разомкнись, лазоревая твердь!
Вот она, как ангел над мирами,
32. Факел жизни – огненная смерть!

Божье имя, как большая птица
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
33. И пустая клетка позади.

В клетке – лишь «чужих стихов» фаланга.
Было их вначале сотни три.
Поблагодари, читатель, Ланга:
34. Я оставил только тридцать три!

14.03.2003 г.

В «Чужих стихах» помещены
четверостишья следующих поэтов:

1. Юлия Друнина
2. Евгений Винокуров
3. Антонина Баева
4. Сергей Крыжановский
5. Александр Блок
6. Марина Безнадежных
7. Константин Бальмонт
8. Виктор Кочетков
9. Аркадий Сергеев
10. Афанасий Фет
11. Иннокентий Анненский
12. Иван Аксаков
13. Федор Тютчев
14. Виктор Дронников
15. Константин Случевский
16. Юрий Разумовский.
17. Василий Курочкин
18. Инна Кашежева
19. Николай Глазков
20. Рюрик Ивнев
21. Сергей Есенин
22. Наталья Бусыгина
23. Сергей Викулов
24. Владимир Ходасевич
25. Иван Бунин
26. Станислав Куняев
27. Анатолий Софронов
28. Николай Гумилёв
29. Алексей К. Толстой
30. Владимир Бенедиктов.
31. Михаил Лермонтов
32. Максимилиан Волошин
33. Осип Мандельштам
34. Владимир Ланг.

СЛАГАЮТСЯ ДИВНЫЕ СТРОКИ

(Центон)

Слагается слово: начало.

Погасло дневное светило.
В глубокой теснине Дарьяла
Рыдай, буревая стихия!

Не птицей, не бабочкой пыльной
Свобода приходит нагая,
Однажды аттическим утром
Сквозь летние сумерки парка.

Шумит на дворе непогода,
Вздымаются волны, как горы,
Лети по извечной орбите
Кипящая хлябь Данигала...

Раскинулось море широко
На взморье, у самой заставы,
По русскому славному царству
Так длинно, так скушно, так дивно...

По синим волнам океана
Летят перелётные птицы.
Ты помнишь дворец великанов
В бюваре из розовой кожи?

Нарядна, как бабочка летом
На стендах районных музеев,
Ты жаркие страсти скрываешь
Со светлой моралью в контрасте.

Я трогал листья эвкалиптов –
Тебе обещал я деревья,
Источник за вишневым садом,
Дождя отшумевшие капли...

Мне грезились сны золотые:
Мне снилось: мы умерли оба –
Обнявшись, дружно сидели...
Шумела полночная вьюга...

Исполнен душевной тревоги,
Сижу, освещаемый сверху,
Откинув со лба шевелюру,
Бью звонкою сталью по кремню...

Как здесь хорошо и приятно, –
Так странно, свободно и просто
В полях, далеко от усадьбы.
Я долго стоял неподвижно.

Скрипели натужно качели.
Прозрачнее, призрачной дали –
Весна в середине апреля
В зелёном кипеньи и в пене.

В степи, на равнине открытой
Закат онемелый трепещет.
Где гнутся над омутом лозы,
Спускается солнце за степи...

Когда засвистит над причалом,
По городу плач и стенанье:
Земля зачерствела, как губы.
Уймись, волнения страсти!

Вот мальчик идёт спозаранку –
Надменный, как юноша, лирик.
Он был титулярный советник.
Он деревом пах, словно плотник.

На счастье, и муку, и горе
Стоим мы у братской могилы:
Взмахнёт капельмейстер рукою –
Без вас будет пусто на свете!

По городу плач и стенанье...
Минует печальное время...
Дороги у нас в околотке,
В Москве, в отдалённом районе!..

ИЗ ЦИКЛА "ЧАСТУШКИ ДЛЯ СЕМЁНОВНЫ!"

ЧАСТУШКИ ДЛЯ СЕМЁНОВНЫ

Мой милёнок, флибустьер,
Учинил обструкцию –
Напился, как скотчтерьер,
Обрыгал конструкцию.

Если лезешь целоваться,
Буду я парировать.
Снова станешь баловаться –
Будут оперировать.

Мой милёнок – эвфемист,
Так и прёт наукой:
Жучку девочкой назвал,
А Наташку сукой.

У тебя флексура, дура,
Неглубокая,
И коленчатая складка
Однобокая!

Эх, сама я виновата, ма,
И винить мне некого,
У милёнка лишь два атома
И одна молекула.

У меня такой пассаж –
Милый ходит на массаж,
А потом, после массажа,
Мягкий весь, наощупь даже!

Моя милка, не базарь мне,
Я кредит овеществлял –
Я сегодня на базаре
Пагамент осуществлял.

Мой милёнок у плетня
Шантажировал меня.
Говорит: не будешь ню –
Послезавтра изменю!

Мой милёнок очень рыжий
И глаза, как яйца.
Я едва его завиджу,
Вспомню про Чубайса.

Мой милёнок – не нахал,
Трогательный – точно:
Он везде меня потрогал
И сомлел досрочно.

Мой милёнок умный стал –
Просто гениальный.
Говорит: мой час настал
Матримониальный.

Милый мой купил компьютер
И какой-то Интернет.
После полночи минуты
Для меня свободной нет.

Занят даже в выходной,
Граждане, спасайте!
Раньше был весь день в пивной,
А теперь – на сайте!

Очень он морально вырос –
Каже: «Штоб ты скисла,
Я поймал, наверно, вирус –
У меня зависло!»

Мне милёнок говорит:
«Ты не пуританка?»
Так пускай меня растлит
Хоть на башне танка!

Полюбил мой сюзерен
Своего вассала.
Знала б я, что голубой –
Лесбиянкой б стала!

Мой милёнок сероглазый
Не согласен на контакт.
Говорит мне, чёрт чумазый:
«А давай-ка просто так...»

Милый мой, включи эжектор
И целуй меня взасос,
А то глаз твоих прожектор
Уж прожёт меня насквозь.

Мой милёнок возмужал
И, из-за мутации,
Требовать вдруг басом стал
Полной денудации.

Милый мой рукам недаром
Волю дал, счастливчик.
Укрепляю свой плацдарм –
Покупаю лифчик!

Я размеры – во! – загнула,
Чтобы не спотачивать.
Милый так и сполз со стула:
Надо укорачивать!

Милый сделал, что просила,
И прыщи пропали.
Обошлись без «Клеросила»
Мы на сеновале!

– За рекой стоит туман,
Тянется к овце баран,
А селезень к уточке!..
– Ну, у вас и шуточки!

В бок меня милёнок – толк:
– Где вчера шаталась? –
Из милёнка вышел толк,
Бестолочь осталась!

Близнецы сказали: «Эх,
Ну, какой тут свальный грех?
Просто всё мы, честь по чести,
Делаем с братишкой вместе!

Буря мглою небо кроет,
Тройка борзая бежит,
Ленский Ольгу целлулоид,
А Онегин – эбонит!

Приходите к нам подружки,
Будем с вами свахаться.
Не придёте – мы друг с дружкой
Будем лбами трахаться!

Вы весёлые мальчишечки,
Затейливый народ –
Распускаете ручишечки,
А нужно только рот!

Подглядела у Петрухи
Я плейбоя чёрточки:
Его кролик одноухий,
Но зато две мордочки!

Венеричней наших дев
Нету, коль не ахать,
А до пояса раздев,
Руки отбабахать!

У Мизиновой, у Лики
Завелся любовник.
Есть грешки и у великих,
А пароль – «крыжовник».

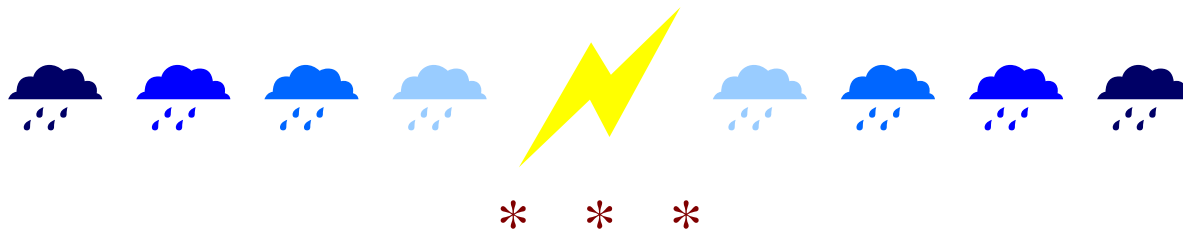
У моей любимой крали
Горе. Счастья – не вернуть:
Ей в автобусе помяли
Силиконовую грудь!

Как счастливым сделать Витю?
Покажите ему титю
На минутку, и не надо
Никакого ему «Сада».

Как счастливой сделать Иру?
Подарите ей квартиру
Из трёх комнат и, в придачу,
Сад фруктовый, яхту, дачу,
И поцеловать!

2004 г.

Сначала шёл ливень, потом пошёл град.
– Не всё ж богу писать, – подумал Сократ.
Гремело...
Наверно, то черти в аду
Сократу готовили сковороду.

05.08.2000 г.

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ СБОРНИКА

Лев Толстой – он мой кумир.
Гений. Корифей. Мудрец.
Дочитал «Войну и мир»:
Фу, осилил наконец!

Вот Уэллс – «Война миров».
Да, талант, хоть не мудрец,
Но заплакать я готов:
Фу, как жаль – уже конец!..

Взгромоздившись на софу,
Дочитав до этих строк,
Ты, конечно, скажешь: «Фу, ...!»
Знать бы мне и свой фугшток!

03.10.2003 г.

КОНЕЦ

